

Акценты

Четвёртый номер журнала открывает традиционный раздел «Литература сегодня» с публикацией романа Юрия Екишева «Семья и мир». Данное произведение является продолжением ранее печатавшегося романа «Наскальные рисунки» и знакомит с темой семьи, родовой памяти. Утончённого читателя порадуют красота повествования и безупречный стиль, столь характерные для творчества этого автора. Журнал также продолжает публикацию романа Алексея Мишарина «Из выло из» (Камень на камень). Поэзия представлена новыми подборками стихотворений известных в республике мастеров поэтического дискурса – Евгения Валериана («Май тóлысьö мен звõнитны оз ков...») и Владимира Сумарокова («Осень»).

В текущем году Национальный музей Республики Коми отметил 110 лет со дня своего образования. К этой дате журнал подготовил раздел «Музей – 110 лет», в котором освещены материалы, раскрывающие подробности жизни учреждения. В начале раздела – интервью Елены Шелест с и. о. руководителя музея Светланой Бандурой, рассказавшей о деятельности учреждения, о наиболее интересных проектах, экспедициях в глубинку в поисках новых экспонатов и о многом другом. Статья Максима Филимонова показывает, как в выставочном проекте «История одного дома» отразилась история не только жителей города, но и в целом всей страны. Статья Натальи Хозяиновой и Анны Мельниковой «Хунды-мунды: путешествие в Старый Дом» вроде бы об одной только экспозиции вещей, найденных в экспедициях в село Важгорт. Но именно эти вещи и сохраняют историю, а искусство музейного работника как раз состоит в том, чтобы они эту историю рассказали.

В разделе «Арт-факт» – очерк театрального критика Веры Морозовой «Русский театр. Наследие», посвящённый прошедшему в октябре IV Северному театральному фестивалю. Автор последовательно рассматривает каждый из спектаклей и даёт им критическую оценку. В материале «100-летие Республики Коми: выставки в Национальной галерее» представлены статьи о прошедших в 2021 году экспозициях картин. Завершает раздел эссе Анжелы Размановой «Клюква – 10 лет». В живой, эмоциональной форме автор рассказывает о проекте «Клюква», о путешествиях его участников по Коми краю, о том, как увиденное ими воплощалось в их художественных полотнах.

Журнал «Ы» постепенно меняет свой формат – из журнала молодых авторов превращается в коми журнал для детей. В этом номере – продолжение сказочной серии Елены Афанасьевой о мифической девочке Дуде «Тõвсья Дуда», стихи Анастасии Сукгоевой и рассказ Сибус.

Содержание

Литература сегодня

Е. Валериан. «Май төлысьо мен звонитны оз ков...» <i>Кывбурьяс</i>	4
Ю. Екишев. Семья и мир. <i>Роман</i>	14
В. Сумароков. Осень. <i>Стихи</i>	65
А. Мишарин. Из выло из. <i>Роман</i>	72

Музей — 110 лет

С. Бандура: «Музей должен быть адаптивным и доброжелательным». <i>Интервью Е. Шелест</i>	103
М. Филимонов. История одного дома	111
Н. Хозяинова, А. Мельникова. ХУНДЫ-МУНДЫ: путешествие в СтарыйДом	123

Арт-факт

В. Морозова. Русский театр. Наследие.....	131
100-летие Республики Коми: выставки в Национальной галерее	145
А. Разманова. Клюква – 10 лет.....	172

«Ы»

Е. Афанасьева. Төвся Дуда. <i>Висьт</i>	181
А. Сукгоева. «Эзысь чирьясьон ыпнитö луд...» <i>Кывбурьяс</i>	188
СИБУС. Козин. <i>Висьт</i>	189
Поздравление члена Попечительского совета журнала «Арт»	192

Сыктывкар, 2021

АРТ ЛАД

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

**И. о. руководителя
редакции** — Татьяна Логинова.
Главный редактор — Павел Лимеров.
Главный бухгалтер — Татьяна Леончик.
Художественный редактор — Юрий Лисовский.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер
и дата принятия решения
о регистрации: серия
ПИ № ФС77-35079
от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 4 (96) 2021 г.

Дата выхода в свет: 1.12.2021.

И. о. руководителя редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки использована
работа (©) Ю. Лисовского
«Камень вдохновения»
из проекта «Клюква».

В оформлении заставок
использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229,
каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

**Отпечатано в ООО «Коми
республиканская типография»**

с электронных носителей
заказчика в полном соответствии
с качеством предоставленных
материалов. Подписано к печати
по графику — 24.11.21. Фактически —
24.11.21. Формат: 70x100 1/16.
Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.
Адрес типографии: 167982,
Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные
в номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции запре-
щена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные
в журнале, редакция не рецензирует
и не возвращает авторам. Публикация
материал, редакция не обязательно
поддерживает точку зрения автора.

Литература сегодня

**Евгений
ВАЛЕРИАН**

**Евгений Валериано-
вич Козлов**

(Евгений Валериан)

чужис 1960 воын Емдін
районса Эжолты
грездын. 1990 восянь
уджалö коми печат-
тын («Войвыв ко-
дзув», «Чушканзі»).

Е. Козловлön асиöр
книгася: «Водзкыв
пыдди», «Узьтöм
войяс», «Кык книга»,
«Кык джын», «Коймöд
аттьö». Комиöдö
роч да финн-йöгра
поэтъясöс. 2012 восянь
Россияса гижысь
котырын.

«Май тöлысьö мен звöнитны оз ков...»

Кывбурьяс

* * *

Чужан лун войö казтьылöм

Дыр öшинь водзын пукалi. Но, сёр нин тай,
Со шондi мöдiс мыччöдлыны ныр.

...Ме думön тiкöд быдтор йылысь сёрнитi;
Дерт, казтьылiм ми пöттöдз дзöлядыр,
И быдön восьтiс ассыс гусяторяссö,
И мукöд здукас небзывлiм, кöть бöрд.
Мед кинолента важ пондаыс орьясис,
Киномеханик клеитлiс, и бöр.

Киномеханик, бергöдлы вай, бергöдлы,
Эн видзöд, мый ми нормим, тайö нем.
Вöч ассыд уджтö, кольöм кадас бергöдлы,
Сет выльысь ставöс аддзöдлыны мем.

...А код нö сэнi öшинь улас качайтчö
И войт оз пов, мый вермас орны гез?
Дзик сад йöр пуяс йылöдз нин со качöдчис,
Вот öнi лэбас сынöдас... Но эз!

Суседлön ас кодь челядьлань нин котöртö,
А чужöм вылас шондi нюма ваш.
Сэн Стёпа, налön юрыс, ворсöм котыртас:
Дзоль, Зыртчöм, Тар-тар-потша – лунтыр гаж!
И ас чукөрön лэччыласны вадорö.
Ак, эзысь дзирдön чутiкасыйсь ва!
Со мöдарпомса...

Чикыш лолön на дорö,
И песни ёс моз сунсяласны:

– А-а-а-а!

И «башлато», гашкө, сёсы горзасны
(Жаль, лолад ставнас сынодыс оз төр...).
Кыв төдмаломыс лыа вылын ворсасны
И мусмом вао котортасны бөр.
Но шонди вешйө Кырйив вөрлань.
Гортын өд
И виччоны, и корсьоны нин, дерт.
И мөдөдчасны быдөн аслас ордымөд.
...Дыр гуляйтисьтө некод пө оз верд!

Да, челядь кадө помтөм вөлі гожомыс,
А ичөт войтыр андел кодьось дзик.
А быдмасны да кытчө найө вошоны?
Оз эскыссы, мый эновтоны сикт.
Дерт, көнкө, Курөг керка дорын олоны
И Діколасын вугралоны ёс.
А сиктө гожся югыд войө волөны,
Оз чукөстны-ө гортаныс...
Но оз.

18.05.20 – 02.08.20

экспромт

* * *

Льом розьялігөн көдздөдывлө век.
Но мыйла тадзи лоө, енмыс төдө.
А гашкө, садьмом вөр-ва чайтө сэк,
Мый бара воис төв...
и лолыс пөдө.

04.05.21

11.55

* * *

Май төлысьө мен звөнитны оз ков.
Эн виччысьөй, мый вочавидза пыр жө.
Май төлысьө ме му вылас ог ов,
Ме лунтырьясөн лоа сэки пыжын.

Вот йөткыштча ас берегысь, и – ук!
Да, радейта, кор кумьяс дорөдз ойдө
И ва ув дяс весьтөд шуньгө струг,
А серпасьясыс – быттө збыльысь мойдын.

Ва вылын кыпыд небесалон ром
И пидзосодзныс келом матыс ворыс.
И азыма нин дзоридзало льом,
Мый югзю весиг ромыдас. А корыс!

Ог термась, пелыс помон – телъс да телъс,
Ог орддьод, вогча ва выв толыс борся.
А лоньыс! Конко сиктын кылас – гольс!
И бадь куст улын посни чери ворзяс.

Ва вылын некор ниномыс ог пов,
Ме сыон ола вемосын и вогтын.
И кыла, кызди пессю ыджыд лов
Тыр толыс лоз войо менам богтын.

27.02.20 – 03.05.21
16.57

* * *

*Вокьясөс да ёртъясөс
казьтыломон*

Коді могон, коді мотгөг,
Менам рыгтя бипур гогор
Локтой ладмодчалой, локтой.
Энлой, регыд усяс огыр,
Сэсса печенчаыд лоо,
Важ моз нурьясыштам отвив.
Тшын сор русо босытам лоло,
Войбыд бравгомьс ог потлой.

Ваня, Лёня, Мишка, Вася,
Дыр нин тьянос эг адзвив.
Позю, сыла мыйко ассым,
Бара чукормим ко тадзи.

Коді му вывті на ветло,
Миян бипурдорса ёртъяс,
Юор некод тай оз сетлы,
Воло геждика гортас.
Но а тьянкөд мен кивыв,
Сомын казгышта, и танось.

Ставнас ва улын на Дівыв,
Тувсов войяс сэтшөм шаньось.
Эськө өні, кызди коркө,
Ставөн ва былө кө петам,
Сизим гөлөса моторка
Лөньсө шызыөдласны медым.

Мөдлапөлө, Гидъяс дорө,
Көні розьялө нин льөмйыс,
Сувтлам здук и олам сөрөдз,
Весиг чужъявламөй көмъяс.
Муыс ыркыд на, но ловным
Да том вирным сідз и ворсө.
Лөсьыд тувсов кадө овны;
«Лө-ө-ссы-ы-ыд!» – йөлөгаыс горзө.

Дыр тай олі, каны колө,
Шонді дась нин раскө пырны.
Медым тані ачыс овлө
Миян шуда дзөлядырным.
Сэк тай пөшти эг и калөй,
Кутіс радейтана öзын.
...Рытнас ваыс лолө алөй,
Коркө вежсяс пемыдлөзөн.
Ягын мачасям, а сэсся
Ыркыд ваө! Гажыс гартчас:
Сьөлөм зон чукөрлөн пессьө –
Коді водзджык Діөдз вартчас!
Нывъяс водзын ставөн збойось,
Прөста некоді оз сетчы.
Тадзи кольө дженъыд войыс,
Со нин шонді бара чеччө...

...Бийөй ваймис, шонді нөрө,
Збыль өд, зонъяс, каны колө.
Коркө бара на өд корла.
Сөмын волөй, ладнө?
Волөй!

02.02 – 30.03.21

* * *

Кор ыджыд ваысь Діколасо пыра
Да Дібөж помсо орддьода, то сэк
Лов кокняло и соотом руон тырө.
И сёрнитышта Кызкөд, кызди век,
Да аттьоала кыйдосысь. И васо
Тшөтш аттьоала – чериысь и сэсь,
Мый новлөдліс и ва туйос эз тасав.
А сэсся тырмас, колө тодны Chesьт.

Но, Пөтюв нырдөдз матын. Думөн сэн нин.
А берег пөлөн сулалысь быд пу
Сьод дядьбяс моз колльбдөны менө,
Друг бергөдча – и мышкөд мунло ру.
Көть кымын во нин ветла ва выв туяс,
Дай луннас найос аддзылі, а вот.
И тода, дерт, мый тайо сомын пуяс,
Но чурмунла, көть сьолөм оз жө пот...

Пыж нырөн пемыд берегө нин тшуки.
Час, ректыся и гортө. Весиг би
Ог пестыв, көть и пескыс со – дзонь чукөр,
И арся ваысь көдзалөма ки.
И сьокыд ноийөн велалөм трөпаті
Кор Пөтюв пурыйсь кая, воссяс эрд.
Но, водзө сэсся лөсьыдджык нин таті,
Көть кытъяскө и мыськыштөма зэр,
Дай югдөдө мен кок ув мусө тöлысь.

Кор кыр йылөдз нин воа, сувтла здук;
А югыдыс! Со весиг мөдлапöлысь
Сён веретяяс тыдалöны тшук.
Но, колө мунны, пока гортын биа,
Дерт, велалис нин мама, водө сёр.
Ме сомын кильчө өдзос восьта, сійө
Би чуткө, воча петалө көть кор.
И эзысь чери кык ведраа бакө
Кор кисьта ноийысь, лоө пöшти тыр.
–Но, шедыштөма бара на рыбаклы!
Ме ачым мыська, – шуас, – тэ вай пыр.
Сэн пызан вылас лөсьөдөма, сөйышт.
Но эсійөтө талун эн и кор.

...И чери кериг нюжавліс на войыс,
Мый овліс – узыны водлім югдандор.

Выль шонді регыд Вань йөр весьтө петас,
А мама, кыла, песө ассыс дум,
Мый кодлы аски выль кыйөмсьыс сетас...
И чужөмбанөс вөрзёдыштлө нюм.

05.03.21

МЕНАМ ВӨР КЕРКА

Быттьө аслам вөр керкаын пукала чөла,
Кывза ывла выв шыяссө. Пемыд и төла.
Думөн висьтала олөмөс матысса вөрлы.

Эськө збыльвылас керкаыс некор эз вөвлы,
Но өд көсийөмыс вөлі, и думөн нин тшупси,
Весиг вөтавлі, быттьөкө пыжө нин пукси,
Тувсов ва вывті Важкуа вис кузя каті –
Лолөй уна во кокныда ветлөдлө таті,
Сідзкө, мөдлаын керкаөй лоны оз вермы.

Петі пыжысь, и югыда-югыда зэрмис:
Тайө нөшта на төдчөдіс: думайтны колө,
Мый ас местаө инасис инасьтөм лолөй.

Еджыд чери тан сы мында прөйдитліс ки пыр,
Ты дор берегө өзтлөма сы мында бипур,
Весиг войколөн кольчывлі, гортө эг мунлы,
Войбыд пукавлі чөла, но синмөс эг куньлы.
Август төлысьө кодзула войыд зэв кузь нин.
Кодлы кызди, а ме тай со ывлаын узыны
Эг и велавлы.

Ньөжйөник трачкөдчө бипур,
Сылөн шоныдыс сы мында прөйдитліс ми пыр –
Орччөн водан да бокъяснад сөмын и бергав.
Аттьө билы,
Но мудз вылад, бурджык, дерт, керка:

Пыран, нар вылө ладмөдан зэлалөм мыштө –
Идзас перина бабыдлөн керкаын ыштө...

Тадзи аслам вөр керкаын мөвпала-ола,
Шуда лэбалысь мөвпсыс и инасьбөм лола:
Думөн бара на аддзысьлі Важкуа вискөд...
Регыд гортө бөр лэчча. Би өдва нин чискө.

26.09 – 15.10.21

* * *

Ме ветлі гортө аддзөдчывны августкөд.
Ми кутчысьмөмөн колльөдчим кык вой,
Мый поэвліс и лигышмунліс сой.

А вөтъясын нин арся зэръяс сявгисны
И Кырйив раскын гылаліс нин кор
Да керка вевтө лэбач кок моз шаркөдчис.
А лыбөм төлыс өшиньясө таркөдчис
Да эз-ө тадзи туйө петны кор?

Ми коймөд лунас пуксялім машинаө
И мөдім карлань. Туй пөлөныс вөр
Мен туй кузяла өвтчис. Август синмөн-ө
Тадз колльөдіс: «А оз-ө косав бөр?»

И вөтчылісны өласьмөмөн кар дорөдз,
А карө налы пырны эз нин позь.
И улын юрөн бергөдчисны ар дорө
Да шөпкөдісны: «Ладнө, өні босьт...»

А кызди муніс август? Либө поездөн,
Автобусөн ли? – тайос ме ог төд.
Тадз колльөдча ме ськөд уна вояс, да
Сідз эг и велав, пөръясьны ог мөд.

02.09.21

14.24

экспромт

* * *

Сөмын вои гортö, рытыс плавгис
Сикт выланым пемыд-пемыд вон.
Да, зэв водз нин пемдö. Век жö август,
Матын майбыр гожöмыслөн пом.

Туй сайö и вала он нин петав,
Кывтыдпомным тыртöм – би ни ва.
Эм пöнарик – бисö этша сетö,
Кильчö дорö петавмөн öдва.

Ломта плита пач да югөр улас
Пуксыыла... И быттö аддза вöт,
Сэтшöм серпас юр вежөрöс сулö;
Кутшöм воысь петкөдчö, ог төд,

Шонавлас сэк сьöлöм, весиг нюмда,
Быттö аддза ми йылысь кино:
Ичөтдырысь помтöм гожся лун да
Лöзалана дженьыд войяс. Но

Колö сэсся сёйыштны. Чекушка
Босьтлi сьöрысь, шонавлыны мед.
Пызан сайын пукалiгмоз кушта.
...Сэтшöм лöсьыд – би ни Интернет.

Катыдпомын шыасьлöны понгяс,
Сэсся шы ни гөлöс гөгөрбок.
Ышловзёмөн пыра гожся вонйö,
Кöть и меным водз на, ун оз лок.

Мöд лун садьма, черань везйын тiрö
Кырйив вöрысь лэбöм кыз пу кор.
Кызди артмис... Кыв ог редактируйт.
Тадзтö позьö сөрны пом ни дор.

09.08.21

16.40

экспромт

* * *

Ю котортö. Босыт васö аслад соддзö,
И сійö лöняс, бытгыö ичöт лов.
А юыс шуньгас тэрмасьöмөн водзö,
Оз содз тыр валөн думөн сійö ов.
Тадз кутыштан и лэдзан васö содзсьыд,
А сійö тэныд ыстас шондi көч
И ас кодьыскöд öтвыв мöдас водзö...
Ва колö валы, мортлы морт моз стöч!

13–15.04.21

* * *

Воліс тулысыс вывті водз,
Вöлі гожöмыс вывті öдъя.
Кор нин вижöдö, көть и шоч,
Август аддзö нин арся вöтъяс.
Войяс ыркыдöсь, улис ру
Весиг керкаад ва моз письтö.
Тöлысь бöрйöма аслыс лу*,
Гажтöм югöрсö тыö кисьтö.

09.08.21

17.25

Öти лов шыён экспромт

* * *

Кодкö ылöсас шуас: «Да, бур».
Нинöм, терпита кызкö и бурда.
Вуджны ва колö көсйöм. Да пур.
Мöдар берегас – бипур да, пурт да.
Мöдар берегас вöлышта бадь,
Вöча сыысь морт гöлöса пöлян.

*Лу – форма для литья. «Коми-русский словарь» под редакцией проф. В. И. Лыткина. 1961.

Коркө сэтшөмсө петкөдліс баты –
Вөлі шкап йөрө кольома пөльлөн.
Мыйла колө мен тайө, ог төд.
Шысө сямма-ө корсьны көть өтчөд –
Водзвыв артавны тайөс ог мөд.
Пөль кө вөчліс, и мен колө вөчны...

25.08.21
02.52

ВЫЛЬ КЕРАС ДОРЫН ДУМЪЯС

Выль керас Выль керасөн кольө,
Иннимыс вуджас нэмъяс пыр.
И сэк, кор вөлі чистөм поле,
И өні, кор нин вөрөн тыр.

А миысь, вылө пуксьысь пиысь,
Кор увгам төвйыв моръяс моз,
Мый вояс мысти кольө миысь?
Көть ичөт нимным кольө оз?

Эжолты, вой.
05.09.21

* * *

Зэрмис югыда. Кадыс на асья.
Өшкамөшка со петіс. И мөд!
Быттьө таджикөн енмыс и пасйис
Му выв олысьлы енэжлысь звөд.

Зэр кө шондіа, шулөны йөзыс,
Шонъян рөдвужлы зэрлө пө тадз.
Сөстөм-сөстөм, син ёрана лөзыс –
Кияс шевкнит и енэжас кач.

06.09.21
14.16

Юрий ЕКИШЕВ

Юрий Анато́льевич Екишев – русский коми писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Родился 6 апреля 1964 года в Сыктывкаре. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х годов были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. Публикуется в журнале «Арт», «Континент» (Париж), «Таллинн» (Эстония), «Наш современник». Член Союза писателей г. Москвы (2002). Автор книг «О любви от третьего лица» (2002), «Россия в неволе» (2008).

Семья и мир

Роман

Часть 1

Предыдущая книга «Наскальные рисунки» родилась от некоего недостатка того, что хотел бы прочесть о рыбалке, – а нет. Читая хорошую книгу, жалеешь, что близко конец, и в итоге многие из них закольцовываются: откладываешь, осушив до капли, ставишь на полку деревенского дома – в ряд таких же, прочитанных уже по несчётному количеству раз...

Как символ некоей закольцованности. В нашем северном, зверином пермском стиле есть такой образ, он, конечно, называется на слух не очень комфортно – уроборос – змея, схватившая свой хвост – символизируя вечность (тут лучше объяснят друзья-этнографы, филологи, историки, этнологи и прочие... «-логи»). Нам же достаточно этой картинки, имеющей бесчисленное множество аналогов (она не очень-то и выделяется среди тех тысяч образов, которые, при нынешнем-то образе жизни, легко увидеть: набери в поисковике «пермский звериный стиль» – и вот перед тобой ворох удивительной особой цивилизационной эстетики). Кстати, недалеко от моего дома, на берегу реки, в километре, а то и меньше от порта, велись раскопки, где археологи, находя скудные бусинки, восторгались каждой находкой. Итак, аналогов этого вокруг много – «он же будет жалить тебя в пяту, его семя будет поражать тебя в голову», – о борьбе сатаны против человека и его наследников. Возможно, выходя на уровень абстракции, восточные этносы довели эту борьбу до знака Инь-Ян, где уж змея-ящерица видится с трудом.

Кольцами спирали возносятся до конца веков церковная служба, вновь повторяя и чтения, и поминания тех, кто в годовом кругообороте

человеческим сознанием привязан. Это уже очищенный, иной кругооборот, вглядываясь в который, видишь лестницу уже не годовую, не рассыпающуюся с каждым мигом... И схожую с ней родовую лестницу твоих предков, уходящую в непознанную тобой мглу прошедшего, и – через тебя – ручейком ещё струящуюся туда, где тоже всё туманно, как лик утренней, вышедшей из тумана, таёжной реки, будто обновлённой за ночь.

Итак, хотелось тогда написать книгу о том, что хотелось бы самому иногда хоть вспомнить, перечитывая прикоснуться. И из этого, конечно, наиболее близким была: река, рыбалка – вечные занятия, где чудо, однажды произошедшее, вновь повторяется...

Но не только же рыбалка есть в жизни северян, и, когда писалась та книга, предполагал, что могут быть продолжения: семья в лесу, ну и так далее... Но разделить, по-нынешнему моему разумению: лес, река, деревня – невозможно, да и нет необходимости. Есть лишь одно – ради чего это всё? Дни идут, жизнь коротка, иллюзия что-то оставить людям тоже давно утеряна. Более того, в прошлый раз книга рождена была в лагере, в застенках, так и нынешняя пишется в условиях, когда до конца срока несколько месяцев (семь раз бил недавно) – и просто есть время вспомнить нечто без пафоса...

Читая Арсеньева «Дерсу Узала», или нечто Астафьевское, Аксёновское – непридуманное, без прикрас – приходишь к тому, что реальность гораздо привлекательнее любых, даже самых красочных выдумок, в которых все цвета в конце концов блёкнут.

Возможно, это попытка увидеть реальность – часть её, не той, что касается исповедной завесы – ран и утрат. Скорее, просто любви, в которой купалась семья, сама того не замечая. Без депрессивных конвульсий вернуться в невозможное при виде необратимой смерти, заядлых экзистенциальных потуг избежать столкновения с единственной константой их мира – смертью. Нет.

Скорее, в шаге от безмолвия рассказать, что было или будет на «земле живых». Всё, достойное описания, – любовь, действия её, удивительный свет, сочащийся в тех скрытых от гламурного мира жизнях, прошедших в таёжной глуши, посреди великого труда, бескорыстных отношений... и ...опять на реке.

«На месте злачне, тамо всели мя, на водах покойных воспитай мя...»

В итоге – опять вступление кусает себя за хвост, не в силах в отвлечённых словах сказать что-то важное о жизни. Поскольку это невозможно без обстоятельств. Это хаотичные записи ни о чём, может, важном для читателя, живущего другой жизнью. Это хотя бы какая-то хронология, временная последовательность, да и тут уж как получится...

Наконец-то, самый неприятный для писателя (да и для меня как читателя) момент знакомства – что за книга передо мной – подходит к концу. Обычно любое знакомство с книгой вызывает сопротивление, доходящее чуть не до физиологической неприязни, такая толстенная... и о чём? Что там в середине? В конце? Все эти хитросплетения понять, тонкости отношений – как это всё никчёмно. Чего только обойти железобетонное начало «Войны и мира», которое, признаюсь, хоть это и не исповедь, разум преодолевать отказывается.

Здесь всё проще – в конце будет то же самое, что и в начале – пройдясь по эпизодам семьи в лесу, семьи на рыбалке, в любви – вы окажетесь перед лицом своей реальности. С той лишь разницей, что мы хотя бы попытаемся нащупать то, что Гумилёв зовёт «комплиментарностью», полагая её неосознанной тягой, подсознательной симпатией – в чём, конечно, я согласиться не могу. Эта индукция, это родство, обнаруживаемое в настоящем, имеет корни, как в прошлом, в происходящем, так и в будущем – где и с кем мы окажемся в вечности. И это сознательный шаг – так ли мы дышали на одной и той же земле, тем ли жили, то ли видели? Что пропустили?..

Так что это набор, хаотичный, как при поисках «звериного стиля», – там намешаны и древние, и аутентичные шедевры, и современные подделки. Тут такой же ворох, невозможно помнить всё. Напротив, здесь забывать всю жизнь лишнее, достигающие в этом определённого совершенства способны забыть всё – человека, жизнь, книгу (что проще всего). Так что в этом ворохе вполне возможно повторение того, что уже было раньше (что давным-давно просто забыто), – те же иероглифы, наскальные рисунки, просто в другой пещере... Те же фигурки людей, животных... Те же краски, или несколько иные...

У Дионисия под рукой были камушки местного озера с монастырём и оттого фрески такие, определённого колорита, некой воздушной палитры, будто отфильтрованные жизнью – без некоторых ярких красок, которым неоткуда взяться на нашем укромном Севере.

Окна

История семьи – это история любви, живущей в нас, в родах, в семьях – покидающей иногда нас незаметно при неурядицах или долгих семейных раздорах, вопреки, всё равно живущей, несмотря на грозы и удары.

Так бабушка говаривала, чтоб не клали её рядом с дедом, намаялась она при жизни от его батожка, но вот же, всё равно – рядом они, Лиза и Василий...

Поскольку собственным взглядом, узеньким и пристрастным, и не видевшим даже то, что было, – не обойти то, что в историю вплетается, и то, что нашёл, и то, что слышал. Ведь любовь не сгорает, если посчитать время по настоящему по правилам, как на рыбалке, где время, проведённое на ней, не засчитывается, то останутся вечными детьми наши бабушки, дедушки, прабабушки...

Далеко назад, в прошлое, я могу взглянуть лишь через редкие свидетельства в каких-то разбросанных источниках, которые как подсыхающая роса – не успеешь – не увидишь.

В первых летописях, касающихся моего родового, отцовского древнего села – Вой чи, – есть упоминание о братьях Екишевых, живших там, – соот-

ветственно, деваться некуда – это мои предки, поскольку по отцовской линии все мы из одного места.

Доведя раскопки этих наслоений до пятых, четвёртых поколений, я всё ещё встречаю только имена, вписанные в списки церковных книг, помянников, разного рода записей по местам проживания – сохраняя листочки с их именами (конечно, в виде цифровых копий) – на всякий случай... Поминая их, неизвестных и таинственных..

Первый из них, кого я не видел, но о ком мне рассказывали уже постоянно близкие и совсем незнакомые, случайно встретив, узнав, чей я внук, и вздохнув: – Да... Строгий был дед-то... Из школы идёшь – в окно стучит батожком... Руки-то не было, да и ноги. Спрашивает: – Откуда? Из школы? Что у тебя там? Тройка, почему? Отчитываешься, всё рассказываешь... Это по-нынешнему как мэр, что ли... Всё человек знал, всем интересовался...

Вот с него-то, с деда, о котором много что есть сказать, много что осталось ещё живо, – пожалуй, надо понимать первый свой труд – литературный – у меня родился именно о нём, о Василии Алексеевиче, Важьяк Василе – как он вернулся с войны... Глазами отца, тогда ещё мальчишки, видевшего изнутри всё и передавшего мне. Во многом в виде благословения...

Тогда я жил в Питере, – точнее в Петергофе, туда сослали физмат СПбГУ – с «Васьки», Васильевского острова, где оставили несколько гуманитарных факультетов (по сути, разбив университет на части) – где преподавал топологию и дифгем (дифференциальную геометрию).

Наука моя только начиналась там, где заканчивался университетский курс, и потому преподавать было никак не интересно, только в виде свободных бесед обо всём, о чём могут говорить студенты, к тому времени ещё не грузёные веслом (ЕГЭ)... В 89-м ездил я и на Фонтанку, где находился мой институт (ЛОМИ – Ленинградское отделение Математического института). Там было поинтереснее – всё же сборище людей уже подготовленных, в частности – Гриша Перельман, известный своей историей с отказом от Филдсовской премии за решение проблемы Пуанкаре, ну и, для профессионалов непонятными реминисценциями (прошу прощения за такие слова, дальше их будет меньше), с другой историей, тоже связанной только уже с самим Пуанкаре, а так же Лоренцем и Минковским и их отношениями с Эйнштейном.

Окунувшись во всё это, я однажды наткнулся на статью в одном журнале математическом, в котором увидел практически то же, что было у меня в дипломе, только в наработках нескольких венгров и китайцев. И тут встал вопрос – зачем делать то, что могут сделать три венгра и семь китайцев? Пути науки ограничены и предсказуемы. Поэтому спасибо ей, показавшей, насколько возможно, как интересно устроен мир... И – пока! Ещё раз спасибо за науку, за навык использования невидимых категорий...

Оставил я и Питер, и университет, и науку, и написанную уже диссертацию... И вернулся домой, объявив родителям, что – всё. Теперь буду книги писать. Науке я уже ничего не должен.

К моему удивлению, отец отнёсся к этому более чем серьёзно...

Мы сидим на диване. И он мне просто рассказывает:

– Может, пригодится тебе... Напишешь, как дед твой возвращался с войны... У нас в селе было двое Екишевых Василиев... И вот приходит телеграмма – «возвращается с войны Екишев Василий». А который – не сказано. Собрали тогда, дело было зимой, две кошевы в город. На следующий день собралось всё село у церкви. Смотрят – когда приедут. Куда повернут полные сани, а куда пустые. И вот – едут двое саней. И полные поворачивают к нам... И всё село туда бежит... Выскакивает дед. И народ не знает: радоваться или огорчаться – без руки и ноги! Бабушка подходит, дождалась. А другой Василий так и не вернулся.

Вот с этого трогательного рассказа и началась моя литература – сценарий о том, как дед вернулся с войны... Уже потом я нанизал на это печальное отцовское благословение в долгий, продолжающийся поныне, путь и другие воспоминания, как ворох рябины на нитку... Получился «Ангел рода» – сценарий о том, как человек становится ангелом. Но то всё же художественная проза, а тут – эта россыпь не нуждается ни в каком сюжете, сценарии, кульминации...

Итак, дед, Важьяк Василь. Прозвище «Важьяк» – наше северное, коми. Имеющее настолько, может, утраченных корней, звучащее на русский лад как «Вожак», – и в этом тоже есть некоторый смысл. «Важ» – это «старый», а «як» – возможно, редуцировано от полного «дьяк». «Старый дьяк» – это как раз относится к тому, что дьяками тогда по местам звали управляющих... В любом случае, прозвище древнее...

Вообще, обычай на Севере был таков: по имени-отчеству, официально редко кого звали – может, из приезжих. А в ходу были прозвища, доходило до того, что муж о жене мог сказать, как зовут по прозвищу, забыв имя-отчество.

Это – признак родовой принадлежности, переходивший от отца – детям, от мужа – жене. У бабушки Лизы до замужества было прозвище – «Тури». То есть «журавль»... У мамы моей – «Лев»... И так далее...

Но сам я тоже – «Важьяк». Никак иначе. Хотя и журавль, и лев тоже есть во мне...

Вообще, Елизавета, Лизук – как ласково звал дед бабушку – была его второй женой. От первой у деда было двое сыновей, названных им причудливо – Вениамин и Минион (дядя Веня упал на той войне, Отечественной, в Прибалтике, – и, когда местные следопыты нашли его могилу, Минион ездил туда... Привёз скорбных фото – он на корточках, рядом – венки, стакан, привёз горсть земли, которую и похоронили рядом с могилами деда и бабушки – под его фото – круглолицего парня с автоматом)...

Отец, кстати, не мог вообще слушать некоторые особо жалостливые песни о войне, как, например: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей...» (опять журавли), – услышав эту песню, папка прямо сжимался до колики от скручивающей боли:

– Веня, Веня...

Бабушку, как говорят, уговорили выйти за деда замуж с помощью разных аргументов. Один из которых звучит убийственно:

– Что ты, Лиза! Выходи! У него же дом с четырнадцатью окнами!

И правда, дом наш, родовой, в котором прошло моё детство, был огромен для моего сознания. Он состоял из двух половин – тёплой и холодной, и окна были и там, и там. Но в холодной, летней, где не было печи, одиночные рамы, и стёкла иногда в ветер так пронзительно дрожали... Будто мы на корабле летим в вечность...

Эта дрожь говорила мне о мире больше иных рассказов – значит, там, во всём мире – шумно и зябко – значит, и на реке ещё не спокойно, и рано ещё на рыбалку – помаешься с путающимися поплавками.

В некоторых домах в деревне было не так. Идём по улице с отцом, и он называет половины домов:

– Вот тоже, летняя половина и зимняя... А почему на одной половине поменьше окна?

Папка – физик. Я не знаю отгадки – мал ещё. И жду ответа:

– Почему же?

– Чтоб тепло сберечь. Через окна зимой много тепла уходит.

А кое-где нет рам, а стоят половины домов с окнами, а другие – с прорезанными для рам прорубами, но так и не обрамленными косяками.

– Это значит, хозяин дом поставил и ушёл на войну. И не вернулся, упал там... Вот и некому было рамы вставить на холодной половине, – объясняет отец.

Идёшь и читаешь историю села. Двухэтажный дом – редкость, просто большой... С окнами... А вот только на одной половине окна. Значит – не вернулся... У нас говорят – «упал». Как бы споткнулся. Упал – значит, погиб в атаке. Упал – значит, не умер... Нет смерти, есть порог, перешагивая который легко запнуться.

Вот об этом говорят окна, в которых иногда полыхает закат, как пожар...

Сладкая жизнь

Сегодня есть возможность заглянуть в прошлое, не только полистав семейный альбом, или услышать обрывок, без начала и конца, какой-то истории о прошлом, рассказанной за мимолётным семейным застольем. На тех сайтах, где собраны крупицы свидетельств о чьих-то военных судьбах – скопированные обрывки машинописных кратких упоминаний: кто за что награждён, где похоронен, с кем воевал, – там я узнал, что война для деда длилась всего четыре дня. Но и за эти четыре дня он успел проявить себя по-своему, по-нашенски. Он попал в район Синявинских болот. Это потом их стали назы-

вать Синявинскими высотами – в память о тех, кто полёт там, сложив высоты своими телами.

Дед был артиллеристом. Его батарея попала сразу в гущу событий, где, как указано, все эти четыре дня он, воюя, по сути, работал – носил на себе ящики, заряжал орудия, давал огненную ответку наступающим. Дальше все эти справки отмечают только полученные ордена и ранения.

Остальное – редкие упоминания, как их осталось всего двое – дед и ещё один молодой парень, как, уцелев в мясорубке, где перемололо даже орудия, дед волок на себе парня, находившегося без сознания, до медсанбата, где деду самому отрубят и ногу, и кость руки.

Всего этого бабуля, конечно, не знала. Видимо, потому и вестей долго не приходило, что не до того было деду – выжить, лишившись руки и ноги. При этом кто-то, сочтя, что вся батарея погибла, послал похоронку.

Бабушке её принесли, когда она пекла утром хлеб. Почтальонша, видимо, привыкшая уже носить эти чёрные новости, ждала хоть какой-то реакции, истерики, слёз... А бабушка всё так же продолжала печь хлеб. И почтальонша не выдержала:

– Ну ты, Лиза, бесчувственная, что ли. Не молчи, поплачь хоть...

На что бабушка ответила просто и ясно:

– Такой человек не мог умереть...

Вот так.

Вот так люди сживались. Любили. Чувствовали друг друга. Даже не видя.

И когда пришла телеграмма, что возвращается Василий, то и это не было для бабушки такой уж новостью. Такой человек пропасть не может.

Конечно, деду приходилось тяжело, но он никаких поблажек себе не позволял – работал так, как работал бы мужик с руками и с ногами. Единственное, чего он не мог, так это подтянуть подругу, – там надо коленом упереться, а второй ноги-то нет... и ещё рукой подтянуть, упиравшись другой...

Всё остальное – делал сам. Заставил сковать себе же цепь, с помощью которой пристёгивал себя амбарным замком к сидущке косилки-ворошилки...

– Мы ему только лошадей меняли, – вздыхает папка, вспоминая те тяжкие, можно сказать, несносные труды того времени.

Нет уж того времени. Того мира. Это ощущение ушедшей жизни – когда вглядываешься туда – есть не только в тех непрорезанных, молчащих окнах.

Накрапывает дождь. В деревне почти всё блёкло, серо, пропитано влагой, и эти молчащие глыбы больших северных домов, плывущих куда-то, как наш родовой корабль, грустно свидетельствуют об уходящем без возврата мире, освещённом какой-то другой силой, другим светом.

О том, о чём понятия не имеют разбомблённые на атомы – без всяких атомных бомб – города. Где нет и никогда не будет таких отношений. Где не живётся тому спокойствию и миру, которые даёт любовь.

Но не только в невероятных трудах был замечен дед. Подняв своих – семерых, из которых старший сын Вал упал на войне, дед на том не остановился.

Не было после войны мужиков. Об этом сейчас говорят пустые прорубленные окна да незамысловатые деревенские поминальные списки, с фамилиями тех, кто погиб... А в том мире, что был тогда, не только у нас по всему Северу, мужиков полегли «высоты»...

И дед, работая ещё бухгалтером в лесопункте и объезжая объекты, или по праздникам, которые народ ещё не отучился праздновать тогда (в одном селе – Петров день, дня три, в другом – Иванов день...) – иногда брал с собой и отца, ещё мальчишку. Но не он. Кто-то другой поведал, что дед мой по всей округе «настрогал чурок», – как у нас называют незаконнорождённых детей. Чуть не по всему району наплодил нашей родни...

Это не воспринималось как непростительный грех, что ли... Просто такова натура, темперамент (передавшийся и мне)...

Всё это – образ жизни, отношение к ней, а не те достоевские страсти, когда человек от убытка с жиру бесится.

Вот приехали в село НКВД-шники. Арестовать Дьякон Анну. Кто-то написал донос, что она тайком крестит новорождённых, читает поминальные молитвы об усопших. В 1931 году расстреляли местного священника Прокопия Шаламова (дядю Варлама Шаламова, автора «Колымских рассказов»). В 37-м его матушку Марию – по делу о «Священной дружине», якобы действовавшей против власти. Осталась Дьякон Анна – прозвали так за набожность. И уже после войны – этот донос, пятеро НКВД-шников.

Дед одел свою военную гимнастёрку, орден, взял батожок и вышел к ним навстречу:

– Паче я жив, никто никого тут за это арестовывать не будет!..

НКВД-шники переглянулись. Поняли, что это серьёзно. Хоть и инвалид, но с виду – двоих сразу уложит, а остальных – неизвестно. Ясно одно – не шутит.

Развернулись и уехали ни с чем. А по тем временам – не исполнить приказ, когда расстреливали вот так, запросто, за веру – это было из ряда вон...

Не знаю, не сохранилось – о вере деда, наверно, где-то в глубине это было.

Наружу он запрещал любые проявления, ругал бабушку, которая, тем не менее, всегда приговаривала:

– Ну вот... Бласло Христос (Благослови Христос).

Иконы в углу, в божнице, стояли нетронутые... Лишь одну помню – из детства, стояла на подоконнике в холодной комнате... Полустёртую... Ангел или архангел с мечом... Синь непобедимого неба... И дрожание стены от ветра – куда несётся наш дом-корабль... Как люди не замечают этого течения к смерти, к вечности, постоянно сотрясающего мир? Чему они радуются в этих унылых городах, где ни простора, ни воздуха, ни неба, ни воды из колодца...

Сладкая вода, на самом деле, находилась далеко. Тот колодец, что стоит во дворе, где вода просто вровень с землёй и холодна как лёд, – слишком жёсткая. Не помню я её вкуса, да в детстве и не было таких вопросов... Лишь с удивлением отмечал, что дуло чайника узкое от осевшей из воды извести. Эту воду старались использовать только в хозяйстве или на баню. А питьевую бабушка просила приносить от соседки, Онош Анны, что в детстве составляло

целую историю... Это ж надо взять два ведра, преодолеть два забора, набрать воды... А обратно? Переставляешь через заборы одно ведро, второе... Да сам перелезаешь... А если прольёшь?

Но для папки, когда он рассказывал о чудаковатом соседе, любившем воду с Поинги, с таёжной реки, – эти воспоминания были, наоборот, как сама вода, сладкими:

– Забросишь ведро подальше в траву... Играешь целый день... Потом наберёшь воды из ближайшего колодца... Принесёшь ему воды, а он пьёт чай из неё и приговаривает: «Ах, вкусная вода, поингская... Ах, вкусная!»

Возможно, отец видел, что я, выросши в городе, сам уже одной ногой в этом потерянном, пустынном мире. Где вода – из-под крана. Где труд – сходить в магазин. Где любовь – неизвестно что...

Сладкой, впрочем, была не только вода... Отец, рассказывая, как жил он тогда, говорит: «Те, кто оказался за рекой, в вадье... В те времена звали нас «беспшанными»... Обычно комиссия приезжала весной и осенью, а весной они за двумя реками, Сысолой и Большой Визингой, за разливами – были недоступны... Вот и не забирали у них ничего... А мы выживали знаешь на чём? Пока война шла, открыли за рекой, в Первомайске, крахмало-паточный завод... И вот, разрешали то, что остаётся после выжимки, очистки – забирать... И люди жили на том, что пекли из них хлеб, оладьи...

Много чего тогда было в природе съедобного: молодой хвощ, побегов ёлок, кислые и вяжущие – не уломишь. Всё, на чём выживали тогда, особенно весной, когда запасы кончились, а ещё ни грибов, ни ягод...

– Дед-то самогон тоже иногда любил... Ставили его в чугунах, на печке, накрытым сверху вторым чугуном, откуда капало... Меня заставляли пробовать по капле – как там, нагрелось? Потом не выдерживал... кап и кап... Приговаривал, как сосед над таёжной водой, – ах, вкусно!

– Я масло-то впервые увидел, уже когда в школе учился.

Сосед говорит – пойдём в подвал одни... только лепёшку с собой захвати. Сидим в засаде – ждём, когда хозяин уйдёт. А начало весны было, снег.

Хозяин ушёл, а друг-то мой говорит – иди по следам, чтоб не заметил. И мы, шагая в его следы, идём к подвалу... А там – чугуны какие-то. Он достаёт один, говорит, хлеб взял? Я даю лепёшку, а он отрывает и говорит – ешь! Масло намажь! А я – какое масло? Я масло видел, только когда его, растопленное, тонким слоем бабушка Лиза намазывала на шанежки... Птичьим крылом. Рябчика или кого ещё. Стояло блюдо рядом с печкой – туда опускала и вскользь по ряду шанежек... Вот и всё было масло. Очень я тогда удивился, что оно может быть таким – твёрдым!

Не спутать – ни того масла, ни того вкуса, слаще пирожных – на том хлебе, который был и тяжек, и тоже – сладок.

Вечная слеза счастья...

«Такой человек не мог погибнуть...»

Такой человек не мог плакать.

Расплескав свою пассионарность, если верить Гумилёву и его теориям, по потомству, – то, что было спрессовано, сжато, – развернулось в каждом своими пиками особенностей...

Я уж говорил, что папка был иногда на грани, чтоб не пустить ручеек слезы, – я так и вижу его профиль, вглядывающийся в какую-нибудь передачу, где давно не видевшие друг друга находятся, переживал за этих «найдёнышей»... Как родничок из-под камня, который в деде был ведь, но глубоко... глубоко.

Каким стал бы дядя Веня – не знаю – и вообще, видел только одно фото – строго глядящего плотного молодого парня с автоматом в руках – в овале, том самом, надмогильном, фарфоровом...

Миньон же – как думаю – унаследовал эту, расплёскивающуюся вширь, попытку обнять весь мир. Появления откуда-то... Из Инты, с Донбасса, затем – из Киева – вихром, на такси... Обдав всех плотной бурей, будто с блестящим бриллиантов, кратковременной вспышкой... Так же разбросав своих детей – от одной жены, другой...

Сёстры папины – Валя, Лида, Эмма – тоже получились разные – кто более тих, кто как дед – с характером – ух!

Сам он – в другой картинке – стоит в очереди в магазине. И кто-то из молодёжи норовит проскочить вперёд, а он батожком своим – за шею!

А-ну, куда! В очередь...

Учёные говорят, что основные накопления и даже сокровища народа – это вовсе не горы материи, а отношения. Отточенные за века.

И вот это, «от старых людей», как у нас говорят, и возникавший от этого образ особенных, древних, чистых – всё это, как отражения, отсвечивало в началах смутных картинок, отражавших тот мир, безвозвратно ушедший...

Плакать он не мог. Не потому, что слёз не было. Не было на то времени. И не только от бесконечного труда или военных увечий. Скорее от уходящего времени, когда знаешь, что смерть – рядом, и даже, казалось бы – однажды уже перешагнул её.

Как отдельный слиток, иногда рассматриваю «золотой день сенокоса»... Вот одежда, потная – тоже сотворённая «теми людьми» – из льна и конопли, выбеленная – прочная, будто вечная – и чтоб не прокусывали комары-оводы, и чтобы не чинить, не заводить лишней...

Вечер после сенокосного беспокойного дня. Дед с бабушкой заводят самовар (это в жару-то) – и выпивают его полностью. Огромный, ведёрный, сияющий... Вот этот день – укладывается в одну мимолётную искру счастья, на которое не жаль времени.

Другой день. Выходной, насколько это возможно в деревне. Вернее, накануне выходного. Завтра – Петров день. И дед решает – идём на речку с бреднем. Дед, бабушка и отец, ещё мальчишка, таскать рыбу... Хотя какая рыба с такой-то командой?

Тем не менее, мы же семья, род, Важьяки – говорят, что на реке тоже была Важьяк – канава, где по осени предки наши ловили рыбу неводом – на зиму,

а остальное время берегли его. Но это уже почти былинные сказки... Давно нет канавы. Давно по реке пустили сплав. А в верховьях – поставили плоти-ну...

Так что – просто с бреднем, испытать судьбу, а то и переломить её, пытав-шуюся сломить нас и на войне, и здесь – утопив в беспросветных буднях...

Дед заходит поглубже, используя одну из стоек бредня как подпору, ес-тественный костыль. Бабушка, в длинном платье – конечно, вдоль берега, по мели... Отец – сверху, вернее ещё помельче... школьник.

Дед заходит всё глубже... Ну что тут может быть? Да и как может такая ко-манда поймать хоть что-то стоящее, хоть бы на уху?

Папка сверху наблюдает и не очень верит во всё это, и очень верит, потому что хочет верить! – в деда, в его силу, не утраченную с руками-ногами...

И тут в сетке бредня вдруг что-то начинает биться, ворочаться, рваться – какое-то неведомое чудовище...

– Щука! – кричит дед. – Лизук! Только не спугни... Прижимай ко дну!

Если поднимешь сетку ото дна, щука может и низом, как подлодка – под-нырнуть...

Дед, взмокнув в воде – вовсе не от речной воды – быстро ковыляет к ба-бушке, чтобы сомкнуть края сети, захлопнуть ловушку...

И тут папка, осознав, что происходит, как накинется сверху, прямо на се-редину сетки, туда – где мотня у бредня, туда – где ворочается что-то!

Дед потом сотню раз повторял: «Я-то тяну: Лизук! Лизук! А он как упадёт! Как кинется сверху! Пришлось обоим тянуть – и щуку, и Толю...»

В этой суматохе – так всё, скомкав ворохом, вытащили на берег: и папку, и щуку, и бредень...

Щука – действительно огромная, видать, лениво ждала в своей засаде... А тут мы её!

– Вот тебе и Петров день! – дед, хоть и использовал во многом праздники как время отдыха, смены занятия – не как церковный праздник, – тем не ме-нее тоже знал – это и есть благодать... Дар...

Это и есть ореол того мира, – чем в полной мере были наделены те, «ста-рые» люди, – и осколки чего достались и нам... Благодать – всё же правиль-ное слово. А не безликая пассионарность – энергия, неизвестно откуда взяв-шаяся... Тут – всё известно. Откуда она – эта сила... Кому даётся... И – даже не за что, но – к чему...

Миг счастья, уже не золотого, а с серебряным отливом щучьей тёмной че-шуи – кольчуги неизвестного, матёрого побеждённого богатыря... Только вперёд, только победа!..

Все эти рассказы вызывали у меня и нотку сочувствия, ощущения справед-ливости – кому как не им – бабушке Лизе с дедом Василием и папке – пред-назначались бы такие дары. В том, не испорченном, защищённом ими мире – от бед и военных, и человеческих нашествий чужаков в нквдшной форме... Это – их... И мне хотелось того же... Но даже найдя это место, закидывая жив-ца в эту яму, – уже не войти туда...

Все, кто хочет пройти по нашим следам, упрутся в эту, вовсе не Фроммом придуманную развилку: иметь или быть? иметь или казаться?

Чтобы там оказаться – на месте удара молнии счастья, на месте дождя благодати, – надо так быть, так жить, пройти этот путь, во многом утраченный горожанами-инвалидами... Даже выскакивающими «по приказу» – но с другим: обладать, взять, овладеть.

И видишь, как от городов, да и райцентров, с выстроенными в подражание городу многоэтажками, отходит тихонько этот мир...

Это вовсе не рыбалка... Это – прикосновение неба к тем, кто наследовал землю...

Такие люди не могли быть несчастны, живя на краю неба и сливающейся с ним реки, ступая в воду, как в иную жизнь. Закон равновесия. Закон благодати – законы счастья, слёз, мира в душе от прикосновения любви и смерти – уверенности, что смерти нет, так о чём горевать?

– Как крикнет: «А-а-а!» Как упадёт сверху-то! На щуку! Где Толя, где щука? А-хха-хаа... Вот тебе Петров день! Вот тебе счастье-то! Даже рассказывая, отец в некотором восторге – тоже вижу – сдерживает эту каплю, слезу счастья и несбывшейся мечты – вот бы так всегда, вечно...

Счастье как роса

Эти папины бесхитростные рассказы рождали острое желание хоть как-то умножить счастье того, кто был тогда, – протянуть руки и поддержать падающего, помочь немощному...

Это не того же рода, что детская мечта... Мечта, фантазия – это когда читаешь у бабушки, директора школы, подряд её книги и представляешь, как засел в помощь царю Леониду в Фермопилах, но уже с современным пулемётом, как в фильмах про немцев: МГ-42... И косишь, и косишь, пользуясь неограниченным технологическим преимуществом. Это ложное ощущение превосходства, которое якобы даёт современность по отношению к отсталому безнадежно прошлому – в детстве легко пользоваться этим...

А тут – другое... Острое желание умножения того счастья, капля которого – не в мечтах, а реально – выпала когда-то им, твоим предкам, кому посреди бесконечного труда радостны были эти неожиданные подарки. Откуда? Откуда-то сверху, где заведуют всем миром...

Отец рассказывал, как в первый раз в жизни заблудился. Мне не очень верится – он-то супермен-профессионал, опытный рыбак, который никогда нигде не потерялся, который на ровном месте, на глазах у изумлённых, измученных бесклёвом зрителей, – может выловить из реки огромного красавца – слиток золота – и на что? На палку с леской! И этот человек вдруг заблудился?.. Нее-е... Это не про него... Привирает...

– Тогда на той дороге, которая идёт на то место, где мы с Миньоном бруснику собирали (Сколько таких мест? Но я знаю, о котором идёт речь. Там невзрачный угрюмый лесок, даже одного взгляда на который достаточно осознать – тут ничего не может быть – только зелёный мох, родня проплешины егеря, комарья по уши, коряги, чахлые болотные осинки... Разве что сыроежки да редкие кустики уже безвкусной, да и так-то не очень ценной костяники)... Там какие-то грибы вылезли, белёсые такие, белые – но не те белые, а просто по виду белые, как альбиносы... Никто и не знал, что за грибы. Но взяли, попробовали – есть можно, вкусные... Дед взял да и телегу отрядил... Бабушку посадил, меня... Приехали туда, а он по лесу бегаёт с батожом-то, нагнуться нету сил, только бегаёт, листву переворачивает, у ёлок поднимает ветки: «Лизук! Лизук! А я ещё нашёл... А я ещё нашёл...»

Грибов-то вышло немерено, без конца... Вот они меня от них, от деда с бабушкой, и увели куда-то. Заблудился, плутанул... Только к вечеру домой вышел... А они чуть не телегу грибов нагрузили тогда...

И меня тоже тянет туда, к ним. Где дед, даже не то чтобы собирал грибы, а больше оказывал уважение бабушке, при всех его похождениях – будто цветы дарит, букеты, открывая эти созвездия неизвестных грибов, будто это от него зависит, что они вылезли вот так, без счёту... И это бабушкино безмолвное счастье – лёгкого по отношению к остальному труду, приносящее дальнейшее облегчение, – с грибами-то будет полегче...

Вот туда хотелось мне – не насладиться самому этим чудесным сбором, не ради того, ради чего современные «горе-рыбаки» ездят полностью экипированные по нетронутым местам – ощутить свою власть на чем-то живым, природой, бьющейся у тебя в руках живой рыбой, – наоборот... чтоб забыть себя, отдать хоть часть того неотдаваемого долга им, и так счастливым без моей помощи...

Такое же острое чувство счастья возникало у меня от другого рассказа, уже маминого, про бабушку – про те годы, которые нынешнему поколению горожан вряд ли представить... Мама ходила в детский сад, в младшую группу... – и заболела. И бабушка её (моя прабабушка) каждый день ходила туда, к полднику, с мисочкой и кружкой. И приносила маме то, что каждый день давали к полднику, – оладушки и кисель. Вот они-то и были символом детского счастья – четыре оладушка, бережно накрытые сверху тарелкой, чтоб не остыли, и кружка киселя.

Человеку надо мало. Чуть внимания. Чуть видимого, осязаемого счастья, возникающего от заботы. У прабабушки моей, по маминной линии, Екатерины Дмитриевны, было одиннадцать детей, за что она в военные годы получила роскошную, тиснёную золотом и багрянцем, грамоту от Калинина и – медаль. И столько же, помноженных на трудности войны, забот... И мама моя, родившаяся в 1942-м, – уже внучка – ныне названная общим словом, как «дети войны»... Но это неправильно, у войны нет детей... И не может быть... Это дети вот такого – пусть очень скромного – счастья... Которое они запомнили на всю жизнь. Если бы они были детьми войны, то так же помнили бы её, но за что её поминать добрым словом, саму эту войну?

Те книги, те фильмы, которые появились о ней потом и которые многим нравятся, будут более правдивыми, и то они не в силах ничего рассказать. Поскольку те, кто оттуда вернулся, – молчали о ней, громко молчали... Не будучи в силах охватить не влезающие ни в какие идеологические рамки масштаба? Нет, скорее наоборот – вместив её полностью, с грязью, с предательством, и пережевав, и выплюнув... И ответив на её адский размер – и подвигом, и – продолжением жизни...

Откуда что взялось по местам, истощённым этой войной?

Дед ездил не только по делам лесопункта, и не только по праздникам (в каждом селе – свой, престольный, многодневный). Однажды он снарядил телегу и поехал в город. Председателем Верховного Совета республики тогда тоже был фронтовик, Зосима Панев... Вот к нему-то и выпить и, главное – поговорить, ездил дед. Так у нас после такого разговора в селе появилось электричество. Расположены мы неудобно – все сёла, если ехать из города, – по одну сторону реки, вдоль большой дороги – на юг, в Киров... А мы – в обороне, в глуши... Обходит нас стороной и трасса (хотя какая тогда была дорога? Я ещё помню, как в особенно топких местах все вылезали и толкали автобус...) – этому я всегда несколько радовался: меньше народу, больше рыбы, грибов, тишины, воли... меньше шума, пыли – но для жителей это означало, что все достижения тоже мимо нас...

Вот по рассказам, после такого визита и стали тянуть к нам электричество (о чём мало задумывается сегодняшний человек – что и откуда взялось? Так и должно было быть?).

Хотя и меня тогда это волновало меньше. Больше интересовало другое – как там лес, тайга, рыбалка...

Идём с отцом по заросшей луговине, охраняющей таёжное наше сокровище – Поингу, реку, где вожделенные хариусы, язи, щуки... Кочки – по пояс...

– Мы с дедом каждую кочку здесь окашивали... Косой-то никак... Серпом...

Мне сложно представить это всё в битве с комарами и усталостью – скорее бы прорваться к реке – что эти огромные пространства... вручную... без руки и ноги...

– Трава-то смотри какая!

Какая... Я не Астафьев... Мне его внимание к листочкам... Форме цветочков... – несколько чуждо. Ну трава и есть трава... Разная, не разберёшь – осока, мята, «мышинный горох»... всякая всячина короче...

– Лиственная... С листьями... Значит, сохнет долго, не просто... Если дождливое лето – пойди попробуй, высуши...

Мне невдомёк, что огромные луга и поля вокруг деревни тогда были только на словах «народными»... Всё это принадлежало совхозу, а не людям. Народными были вот такие неудобья, болота... Которые скосить, высушить, сложить и вывезти для своей скотины намаешься так, что не снилось никому...

С особой горечью я после этого воспринимал рассказы, как местные активисты охотятся по нашим светлым ночам за бабушками, которые косили для своих коз окраины, обочины дорог – и ночами таскали... Так вот этот

активист на них «охотился» – подкрадывался ночью сзади и поджигал... Несёт бабуля своё сено, а «представитель власти» – сзади, оп! – со спичками...

Вот туда тоже потянулись мои руки... В это прошлое. Огреть оглоблей этого выродка! Оказаться бы там...

Но это промелькивает тоже как миг – больше не востребованное из воспоминаний... Возмездие – впереди. Плачущие – возрадуются. А кравшиеся в темноте – тоже получают своё, уже при жизни, получив жизнь без счастья и без смысла, выбрав другой мир.

Роса на траве, на кочках, отдыхающих, нетронутых, давно заброшенных... Бредёшь за отцом по ему одному видной старой заросшей траве. И – из куста, из-за кочек – мимо тебя – шшурх! – рябчик. Хоть руками лови... Хоть сачком... Вот оно, счастье – вылетит, не поймашь...

Когда уж там река? Когда уж её стальной проблеск? Когда уж первый заброс, колыханье поплавка? Когда уж время, где нет смерти?.. И влажный воздух, туманный – вдыхаемая сладость счастья...

Пока утро, пока туман, пока ещё не сошла роса – лови его...

Выше деревьев

Другая картинка, другой миг счастья – к деду приходит друг, по особому поводу – он прибывает поесть язей, – подсолённую рыбу, которую и так-то непросто поймать, – среди рыбацких уловов в основном лещи, окуни, щуки – язь редкость. Да и по времени, когда ж его ловить-то? Утром – коси коса, пока роса. Днём – вороши, суши. Вечером – собирай, стогуй, вози до глубокой ночи.

И этот миг – посидеть с другом, взяв лопоту истекающей жиром рыбы (а друг – это вообще специалист разбирать головы) – это вовсе не нынешние обыденные посиделки перед телевизором, а ежегодный ритуал... Постоянство, с которым это повторялось, тоже казалось вечным, как времена года, их смена и новый приход. Значит – верхушка лета, когда язь клюёт...

Насчёт времени – острое ощущение сочувствия появлялось у меня, когда отец рассказывал, как бригадир будил их, ребятню, лежавшую вповалку в глубине летнего временного шалаша, поставленного на сенокосе.

– Эй, детишки! Что спим, солнце уже давно под деревья поднялось.

Это означало – пора вставать и входить в общий ритм сенокосного непрерывного труда. Но не от того, что приходилось им выносить «все тяготы» почти что военного труда, рождалось сочувствие, а потому, что входя в положение папки-мальчишки, я знал: река рядом. Вот она – с таинственными омутами, где огромные щуки. С лениво помахивающими опереньем листьев водорослями, куда приходит утром и вечером лещ...

А тебе – работать. Вот от этого рождался и общий с ним вздох облегчения.

– Вечером, солнце уже зашло – наконец, говорит – бегите купайтесь! Да нам зачем купаться? Успеть бы ещё наловить да крюки на щуку поставить... Сидишь, ветер стих. Комар вышел самый голодный. И сидишь в траве, удочки-то самые простые – пробка да кусок свинца, и крючок какой уж есть, лишь бы клюнуло...

И – что дальше? Сам уже тянешься увидеть, попался ли на крюк кто? И желал я, чтоб попадалось им, тем, послевоенным, больше, лучше, да когда...

– Ребятишки! Солнце-то уже с дерева высотой!

Ох уж это солнце...

Сегодня есть эта река, эти повороты – те, да не те... Луга позарастали шиповником – нетронутые, некошенные, ставшие вновь дикими...

Солнце – и низко, и высоко... И не то – другое... Тот мир физически был тут же, а духом – другой... Кто может войти туда? Есть сегодня и время, да нет чего-то другого, ушедшего, показывающегося лишь на миг. Не рыбацкого счастья, а того, когда всё вокруг как драгоценный дар. Сегодня он нужен кому-то? Нет?

Вот по закону, который и сформулировать не просто, – сохранения в мире благодати, – всё и происходит. Чем больше человек завоёвывает для обладания, тем меньше даётся, тем убожественней жизнь, не внешне – а по полученным дарам...

Ещё одна особенность деревни моей привлекала меня тогда – учёные называют этот процесс энтропией, разрушением сложного на более простые элементы, каким-то обветшанием, старением... Но этим и был особен этот мир. Да, с виду он ветшал. Стены домов – серели, деревья будто выгорали на солнце, седея и чернея с каждым годом... Но это было какое-то справедливое старение, законное, правильное – и кто входил в этот мир, тому это становилось доступно.

Деду как ветерану под конец жизни (но кто ж знал, где он – конец, и когда) выдали по тем временам неслыханную роскошь: инвалидную машину. Ещё старого образца, округлую, как машины, тогда казавшиеся большими – «Победы»...

Внутри – кожзаменитель, без рычагов коробка передач – всё на руле, на лепестках, как в нынешней «Формуле 1».

Да вот беда – дорог-то особо не было: где на ней ездить? Электричество провели, а с дорогами тянули ещё несколько десятков лет.

И оказалась эта машинка – на приколе под навесом, в амбаре... Став моим наследством, на время мной освоенным (пока не приехал из Иваново золотозубый дядя Толя Цветков, муж тётки Эммы, и не увёз в далёкие Родники).

Дед скончался в 62-м (иногда говорят «ушёл из жизни» – будто человек сам решает, когда ему уйти). Я родился в 64-м, чуть он меня не дождался...

Но вот эта, никогда не выезжавшая даже на метр вперёд машинка, как символ некоего своим чередом идущего обветшания, как космический корабль, попавший в запретную, закрытую, сталкерскую зону, стала моим самолётом, местом атак сверху, снизу, полётов по-над врагами, с нескончаемыми патронными лентами в пулемётах...

Это был, с одной стороны, верх справедливости – кому, как не деду, полагалось такое – пик, вершина по тем временам... и одновременно невозможность ездить на ней – я ощущал внутренне, как некий предвестник смерти, смутное какое-то поражение, когда вроде и сказать-то нечего. Вот вам, хотите счастья? Вот вам – счастье... Не свыше, от людей, бестолковых, бесчувственных – не знали, что ли, что у нас от одного конца села до другого дойти тогда было тяжелей, чем по лесу? И чуть не в броднях, по никогда не просыхавшему суглинцу в центре... Прыгая на настил из деревянного тротуара, высматривая, – не провалиться бы, не попасть в ловушку – где доска худая, где не прибита...

Видно, многого я и не знаю – тех трудностей, о которых никогда никто не пожалуется, – мужики же... Это ощущалось в другом: отец горько вспоминал, как в 14 лет дед отправил его вслед Миньону, старшему брату, учиться в Воркутинский горный техникум...

В этом одном было что-то, что мне не рассказывали, – трудности, сложности, – как прокормить большую семью... Ведь ещё три сестры было – младшие...

Отец родился в 37-м... Плюс четырнадцать – значит в 51-м где-то он ушёл из дома. В чём – во что одет? С чем? – не вижу, не знаю... Но ощущается та тяжесть... Кроме как ещё одно проявление отеческой воли – какая бы она ни была. Как бы ни воспринималась тогда. Ведь я нынешний – оттого и появился, что была эта цепочка событий, где всё для меня освещено некоторым ореолом дедовского имени.

– Ты чей-то будешь? – встречает меня в магазине кто-то незнакомый.

– Важьяк Василия внук. – Я уже привык, что надо говорить о деде, с него всё вспоминается.

– А-а-а, Миньона, что ли, сын?

– Не, Толи.

– Толю не помню. Помню Миньона. Дед-то был – ух! – вспоминает незнакомый мне человек, углубляясь в свои воспоминания и забывая уже про меня и про папку моего... – Вот был человек! Добрый! Всем помогал... Тяжело нам было...

Вспоминается, отсеивается только хорошее, такое, как беспричинное добро, без корысти...

– Маленький я был, а его помню. Придёт, узнает – что надо... Поможет... Может, потому и жив...

Солнце уходит, тепло ещё какое-то время держится... Потом – роса, ночь, сон, глядишь – а солнце уже выше деревьев...

Знак сломанного времени

По маминой линии – прабабушку я уже не помню. Она, родив 11 детей, как я уже упоминал, прожила 102 года, из которых я застал несколько последних.

Помню, как на одном из выгнувшихся к солнцу боковиной пригорков – ранней весной, – буквально ползаю по нему, а мама показывает мне щавель и как отличить его от ложного. Прабабушка любит этот первый зелёный супчик в году – необычный, с замешенным туда яйцом, превращавшимся в лапшеобразный сгусток белёсых водорослей... И вкус такой же – пряный, необычный.

Я стараюсь. Прабабушке скоро сто лет. И это для моего детского ума – порог счастья, то, чем можно измерить – удалась ли жизнь... Я недавно научился считать, и этот «железный Феликс» внутри при взгляде на человека безжалостно считает: доживёт ли человек до 2000 года? – в этом я вижу (тогдашний я) некоторый рубеж счастья и сочувствую тем, кто вряд ли сможет перешагнуть этот порог, – за которым что? На это мой умишко, ощутивший недавно некий мистический ужас, связанный с осознанием того, что есть смерть, – отвечает смутной картинкой из неких полувопросов, возможно, там – бессмертие? Возможно, там люди изобретут эликсир вечной жизни? Надо только дотянуть каким-то образом до отдалённого рубежа...

Эти холмы, пригорки, на которых выходят первые весенние травы, – часть того, что местный люд зовёт «горами»: Морозовские горы (мамина девичья фамилия – Морозова...), а напротив Толя на горе – Звенигород (Помачай-пом на коми) – неизвестное тогда, загадочное для меня слово... Настолько далёкое, что, казалось, так можно описать край мира: конец всего, за которым – неизвестно что...

Мамино, бабушкино, прабабушкино (все женщины, и от этого – это место для меня как земля родовая, женского начала) – село – райцентр, расположено уютно, в долине этих гор-холмов. Защищённое от ветров и бурь, снегов и ещё Бог весть чего, как некое уютное прибежище, земное лоно, где покой, тиканье будильника (вернее, какое-то звонкое, ровное отрезание каждого мига: уос-х, уос-х, уос-х – отчего мгновения делались полновесными, полными чего-то уходящего – для меня это было время, которое я мог провести в лесу, у реки)... Ещё помню пульсацию так и не зажившей шишки на затылке у прабабушки.

Её ведут на кухню – помыть... А я вижу её со спины, в ветхой колушке, да и волосы на голове уже как бы почти иссякли, проредились – как такие же простыни и пододеяльник у неё на кровати – мягкие, уютные, обволакивающие...

На любимой моей фотке прабабушка, отодвинув занавеску, смотрит в окно, на мир, в котором столько прожито, столько отдано... И следующая – она уже не за окном, а перед ним – на лужке, с грабельками, ворошит траву...

Вот эти два образа: взгляд на мир и последние движения в нём – хоть что-то сделать для других... – становясь качественной частью чёрно-белого «старого» мира...

Сюда, в этот центр мира, ходил к мамке – по тропе вдоль реки – папка. От его села, Вотчи, до Визинги – километров шестнадцать... И рядом – вьётся Большая Визинга – бестолковая посреди райцентра – поскольку там максимум, что есть – это редкие краснопёрки. Там, под холмом Вадыба, – она уже полновесная, с омутом, где могут быть и лещи, и щуки...

Сами названия Визин-га, Поин-га, Вол-га – однозвучны, с одним корнем – «га» – «путь», – некий предел... Вёл – это конь, лошадь. Вёл-га – предел движения лошади? Их путь, путь кочевников, без хитростей не могущих перебраться через реку...

Поинга – таёжная река, наподобие Радонежа или сходного по произношению Оредежа... Пёин – может быть пёим? Пепел? От выжигаемых для посева участков? Не знаю...

Визин-га... Визь – по-нашему – течение.

Но это всё позже, позже... Это уже, когда я появлюсь, тогда и разберёмся...

Пока это папке четырнадцать, пятнадцать... – Воркута, горный техникум... А это я ещё не могу помнить. Что такое Воркута?

Лето, июль – папка рассказывает, как с утра легко оделся, только горный китель с большими пуговицами, – надо бегать от общежития до техникума – получать диплом... На обратном пути, пока длилась церемония, – пошла метель... Триста метров до общаги – и... папка умудрился уши отморозить! Вот это и есть Воркута, середина лета...

Эта некоторая лопухость на его фотографиях в этом самом кителе горняка... Дальше – армия, где я его не узнаю – неужто этот накачанный полный крепыш – это он? Да! Не может быть...

Годы армии... Папка возвращается в город. И тут – на тебе, объявление, что начались экзамены в институт. Он – без подготовки – дай попробую! Сдал один, потом второй – и на тебе, вот что значит хорошее фундаментальное образование – поступил... (у меня, наверное, потом от него появилась эта самонадеянная привычка – практически не готовлюсь к лекциям, занятиям – и так прорвёмся!).

Вот так шли друг к другу и встретились два начала – мамка и папка – в пединституте...

Любимое фото – свадьба. Мамка в белом, конечно, отец – взъерошенный, и снова – худенький, в чёрном... На столе какая-то вазочка, похоже с вареньем, и – два взгляда, в которых – вся моя будущая жизнь. Словами не объяснить этой красоты и моего внутреннего ощущения образца, неискажённого ничем образа – любви...

Это потом, на папкиных похоронах, кто-то скажет эти слова (не только ей, но ей в первую очередь) – в этом самом «сказочном» 2000-м...

– Знаешь ли ты, кого мы сегодня хороним? Любовь... Всю жизнь, посчитай, купалась ты в любви... Вот теперь нет её... – это как-то без зависти, без

«второго дна» кто-то сказал, выразив правду. О том, когда любви нет, говорить легче...

Уж потом, после этой свадьбы – череда других фоток... Папка встречается мамку у роддома. Она в модном тогда пальто – узором «ёлочкой» – полосами сверху вниз... Она держит папку, обнимая за голову (за отороженные уши, ха...), а на руках у него свёрток. И другое фото, в разворот – внутри свёртка – сморщенный пяточок, недовольный – это я, здрасте...

Всё ещё чёрно-белое... С серыми оттенками... Не цветное, незамысловатое... Оливковый взгляд мамы со свадебной фотографии – за рамками которой сама она, простенькая, студенческая... Всё главное – и видно, и угадывается по видимому – невидимое, но простое – полное жизни, по скромной внешности – настоящесть того, что было вокруг, без прикрас, настолько красивое, что можно замереть у окна и смотреть вечно: как там мир, как там люди... Пока не закроется занавеска, когда течение времени дойдёт до своего предела, – время тоже как река любви, чёрно-белое, выцветающее, ветшающее... Смотрящее со старых фотографий в опустевших домах – кто там жил, рождался... Какими путями шли друг к другу? В слиянии каких рек они появились? Фотографии, как сломанные ветки на пути – вот здесь путь, здесь тропа...

Запах рая

Однажды, уже будучи взрослым, вернее, – успев многое относительно мира познать, распробовать, – я увидел сон, не сон, нечто подобное, но связанное с реальностью необычным способом...

Я очнулся лежащим на каком-то пригорке. Будто от сна – ощутив в этом пробуждении во сне некий запах. Этот запах и привёл меня в чувство, немного напоминающий смесь нескольких земных ароматов, которые ни с чем не спутаешь (вот почему я говорю, что уже был взрослым, – определить, что и как в мире устроено, можно только испытав), – один из них похож на аромат земляники, с её густыми, древними, почти райскими чёрточками... и, возможно, ещё ладан... Воссоздать, постараться воссоздать, я мог бы из нескольких земных запахов – но при этом точно знал, что на земле такого нет... И очнувшись там, лёжа на пригорке, я ощутил дыхание в затылок – со спины, узнав его:

– Бабушка, это ты? (это я о прабабушке).

– Да.

– Это рай? (сопоставив запах, положение, ситуацию – спрашиваю я).

А бабуля в ответ встаёт, идёт по лужку, спускаясь за изгибом пригорка к лесу... А я не сразу – встаю и слеую за ней... И вот – я уже около дома, в который она вошла. Деревянного, большого, но не похожего ни на один из тех, в которых я бывал, – вокруг солнце, ветерок, двери и окна дома – все распах-

нуты, и колыхаются светлые занавески от свободно гуляющего ветра. А я стою у притолоки и слышу голоса: бабушки, прабабушки, точно зная, что это – рай.

Вновь – прабабушка, занавески, окна, распахнутые в мир. Вновь – бес-
смертие, на пороге которого стоишь и ещё медлишь войти...

Но это будет позже, а пока это я только родился, только эта фигурка, сфотографированная в свёртке, открыла глаза – и... – по воспоминаниям – мама тут же попала в реанимацию, начались её мучения с камнями в почках, вызванные моим вынашиванием, – и я оказался в руках сердобольных нянечек, кормивших меня просто, – заворачивали в бинт кусочек хлеба и макали его в бульон – на... жди, когда маму отпустят...

Конечно, это всё по рассказам.

С моим рождением – дали папе с мамой комнату в общежитии, где – такая судьба – когда папка с мамкой одновременно шли на занятия, то я доставался на руки ещё кому-то. В частности – повороты реки судьбы – соседке Галине, которая потом уже, через годы, станет Галиной Васильевной, заместителем главы республики, редактором журнала, который издаст эти, вернее, предыдущие подобные записи. Выпестовав, пусть и на краткое время, и тебя, а потом и твоих детей, с которыми можно сравнить книги...

Уже после этого было найдено лекарство – как меня оставить одного. Мне давали блестящий ребристый электрический чайник. И я часами мог играть с ним, смотреть на возникающее отражение – как там приближается и искривляется отражение моей мордочки... Вот это, пожалуй, я уже помню. Это – уже в той квартире, в которой родителям дали две комнаты, – в доме для преподавателей института. Он стоит (шатаясь, как рябина из песни) по сей день. По сей день, как получили квартиру в том доме, так пропустили всех вперёд в очереди, – у кого-то трое детей, у кого-то ещё что-то – так и оставшись к «перестройке» первыми в очереди – остались всё там же... Дома-то строили, не очень заботясь о качестве, – ведь впереди коммунизм – там всё будет – уж как-то дотянуть. Вот и слегка модернизировался тот дом – от печного отопления к центральному... Потом пошли привозные газовые баллоны, когда чуть пропустишь миг, что надо новый заказывать, – то... жди без газа, пока привезут новые... Не говоря уж об иных «удобствах», претерпевших подобные изменения.

Я ещё помню, как выбегаешь из подъезда, а напротив – ряды сараев, где хранились дрова. Там не до хозяйства и рутины быта – самое главное было зимой, когда от подъезда до сараев огромная полоса сугробов, навеваемых к концу зимы выше роста человека! Вот там – вся жизнь... Строишь стены, роешь норы окопов, проходы под толщей снега, и – война! Войнушка! Всё детство – непрерывная игра, и в первую очередь – в войну – во дворе, в школе, после школы...

Во дворе, помимо тех игр, что на скорость и ловкость, король игр – это «генерал-Симус» (мы в детстве не знали слова «генералиссимус», а генерал-Симус было понятно, видать, высший генерал, с такой фамилией). Для неё делались бумажки: «знамя», «сапёр», «мина», «рядовой», «майор»... и – высшее – «генерал-Симус», который бьёт всех. Знамя – прячется, и главное –

его найти. Поле битвы – весь двор, включая подъезды вечно обшарпанной, будто изначально, с постройки, пятиэтажки. Одна команда – со звёздами. Другая – со свастиками. И идёт интеллектуальная битва, кто кого перехитрит, кто как спрячется или откроется, кто – мина, а кто – сапёр...

В войнушке попроще – с деревянными автоматами и пистиками из магазина (хорошо, если с дымком, с ароматными пистонами) – всё проще – увидели, значит, помер... И если игрок честный, не кричит, что он тебя первый увидел, – падает в предсмертных конвульсиях, умирая красиво, как в кино...

Но война – потом... Я ещё мелкий, только перевезли в этот дом... Только дорос до яслей...

И тут уже первое, что помнится явно, – как везут спелёнутого в эти ясли... На санках, по сугробам... И санки клонятся на бок – и падаешь, как есть – набок... в снег. Мглистое северное утро, кругом ещё темнота – первое воспоминание...

В самый первый раз, когда меня привели в эти ясли, – мама говорит, что она с нянечками поговорить, а меня запустили в группу... И их разговор прервал общий хор всех ясельников... Что такое? Вбегают в группу, а я успел всех, лежащих и сидячих, обползти, собрать у всех соски, сложив их все в одну, свою... Вот нахал! Ещё не научился себя вести... Ходил между ними, как хозяин...

Впрочем, это быстро кончилось – нашлись другие занятия – книги, чтение, солдатики, танчики...

Ясли эти как-то быстро снесли. Но всё равно я туда ходил с папкой, правда, совсем за другим – там образовалось ближайшее к нам место, где можно было разжиться червяком для настоящей северной рыбалки. И вот, под раскопки, где попадались то древние пуговицы, то пластмассовые неразлагающиеся безделушки – сломанные девчачьи гребни, разобранные на детали Ваньки-Встаньки, – папка мне и напоминал, как водил сюда. И в этом сложилось какое-то особое отношение к этому месту на земле – месту, освящённому прикосновением какой-то благодати: тут ты рос, и вновь это место даёт тебе то, что необходимо: лучшую наживку для лучшего в мире занятия – рыбалки... Рассказывая своим существованием о том мире, где всё – тёплое, всё – как во сне с прабабушкой... Есть всё же рай. Там солнце, лес, трава, люди – всё наилучшее, собранное здесь. Земляника, рыбы, чернозём – только без этих безглазых кукол...

Урчание медвежат

Одно из маминых воспоминаний – как они собрали с папкой довольно много земляники (редкость, что её бывает достаточно для внушительной банки варенья, – обычно в чуланчике, где хранятся все припасы на зиму,

посреди увесистых трёхлитровок с брусникой – земляника, приберегаемая на какой-то особый случай: праздник, Новый год... – с её концентрированным, будто сжатым в каждую ягодку, вкусом вершин лета, – возможно, оттого и был её аромат в том сне о бабушке, о рае, о чём-то древнем и вечном...).

А тогда я был мелкий, но уже знал этот вкус – просто окунал голову в тарелку, поставленную передо мной. И, урча как медвежонок, поглощал её...

Место, где её собрали, – развилка между двумя дорогами: налево – в родные папкины места, направо – к мамке... А посреди – уголок, где в лесу раньше была проложена высоковольтка, и на образовавшихся порогах – выросла и земляника, и краями пошли заросли малины.

В этом малиннике тоже паслись мои родители – это ж по пути. Я был ещё настолько мал, что мама просто посадила меня на полянке и от комаров укрыла платком сверху, под которым я сидел, как в шатре... А сама пошла с отцом обдирать малинник. Лесная ягода – более мелкая, чем в огородах, но более ароматная. Собирать тяжелее, но зато в тот год уродилась как следует. Пока мамка собирала ягоды, сзади послышался треск – она подумала, что я выбрался из-под платка, не беспокоясь, спокойно обернулась, – и... оказывается, да, из-под платка-то я выбрался, а вот рядом – сухим, ломким кружевом малиновых кустов трещу вовсе не я, – а медвежата с медведицей, стоявшей чуть поодаль... Они тоже, оказывается, паслись в этом углу. Зная уже по лесному опыту, что кричать и пугать медведицу нельзя, – мамка просто дождалась, пока они отойдут подальше.

Вот такая она, ягодка-малинка, с таким любимым вкусом (но не в переваренном варенье, где он исчезает, а в лёгкой «пятиминутке»). Но этого аромата там, во сне про райский запах, похоже, не было... Нет, не было. Этот вкус и аромат – попроще, приземлённей, да ещё и напичкают этим вареньем во время простуды, когда не особо охота.

Из других ягод особый вкус ещё у двух: морошка, особенно та, что налилась прямо на болоте, но не та, что пересохла, ссохлась до выстуживших косточек, будто ягодка-старушка. Обычно-то морошку собирают чуть неспелой и дома ждут дня два-три, когда она дойдёт. Так и нести домой легче, а не то спелые ягоды, особенно если идти далеко, превращаются в жёлтую кашу.

Вторая ягода – совсем редкость – похожа видом на небольшую малину, только фиолетово-лилово-жёлтую. А растущую, как земляника, – в траве. Это княженика (хотя у нас её иногда называли, путая, конечно, ежевикой) – эта совсем-совсем редкость. Несколько пятен – уголков вдоль дорог – где она может выйти поодиночке. Уж даже не говоря о том, что никаких полей и тем более плантаций княженики у нас никогда не видел. Это – нечаянная радость где-нибудь по дороге на рыбалку. Когда, даже не скинув рюкзаки, просто отложив связки удочек и вёсел, ползёшь по холмику – вот ещё ягодка, вот ещё... И папка, собрав в свою заскорузлую ладонь, даёт тебе. А ты свои, поменьше, конечно, чем он тебе – ему... Гостинчик от медведя.

Вкус её – м-м-м! Тоже будто древний, необычный, но... это скорее вкус того, что было запретно для человека, – вкус плода бессмертия, как-то так я это ощущал. Будто ягода эта потому редка, что вкушать её не заповедано. Хотя плод этот, конечно, восхитительно приятен...

Среди остальных ягод в детстве проходила чёткая черта: кислые и сладкие. Наиболее ценными были черника и голубика, которых я не различал. Это папка особо ценил голубику – и я это оценил только с возрастом. Потому ещё голубика таяла первой за зимние месяцы – она почему-то быстрее начала бродить – под защёлкой чулана – в темноте – становилась пьяной, горьковатой, и – невкусной... Лишь с возрастом её отличие – от родственной ей черники – пришло и ко мне... Когда попробуешь её, разных сортов, особенно благородную какую-то, белую, прозрачную, прямо с куста в тайге... Вот она – папкина тайна – голубика – это просто класс!

А так, с мамиными оладушками, с блинами, с утренней кашей – поглощаешь варенье черничное, и можно жить...

Правда, в начале, когда ещё варенье лежит сбоку, давая потёки по поверхности этой самой каши, которую зачем-то надо всю съесть, – ещё хорошо! – цепляешь и ягодки, и погуще вареньице... А потом всё смешивается – белая каша становится пятнисто-лиловой, и вкус – растворяется, уходит... Это уже не то! Ешьте сами свою кашу...

Потом уже в промежутке между сладкими и кислыми – шла смородина и резкий для нас – крыжовник. Своего у нас не было, плантация крыжовника росла у маленькой бабы Клавы, жившей тоже на горе в маминой Визинге, но несильно в стороне от общего родового дома, рядом с которым жила «большая баба Клава» с невесткой тётёй Валею и моими двоюродными Иркочкой и Шуриком. В эти кусты крыжовника меня в редкие гости к «маленькой бабе Клаве» запускали уже после того, как основной урожай собрали в тазы, стоявшие на веранде. И я ползал весь уколотый шипами – искал, где не обобрано – где ещё под кустом висят самые вкусные, красные-красные ягодки. Но варенье из крыжовника, да и смородины, мне не казалось чем-то вкусным, будто что-то резкое, режущее было и в том, и в другом. Хотя таёжная спелая смородина с куста полной горстью ещё ничего, приемлема... Но её добычу я уж считал на втором плане наших целей. Тем более уж кислою красную или белую смородину, на что она? Правда, маме нравилась, да и для здоровья надо было – вот это другое дело. Чтоб сколько-то сохранить в морозилке, на особый случай, когда понадобится. Ради этого – можно собрать... Но чтоб просто есть – не-е-е... Ле-е-ень...

И сборы смородины, которую нет-нет, да всё равно потянешь в рот – а там зелёная, какая-нибудь вяжущая – я считал второстепенным, связанным с этой неминуемой оскоминой... Только для их качества.

Смородина – и из чулана-то уходила в последнюю очередь, а то и проживала следующий год, засахариваясь, становилась совсем уж неказистой, годной лишь на то, чтоб в жару, уж ладно, развести водой – как морс, – так уж и быть, в жару и это пойдёт.

Остальное, из сладких, было случайным или специфическим – как черёмуха – вроде и ягода, а вроде и лекарство, которым тебя пичкают «от живота».

Дальше шли уже совсем кислые, клюква да брусника, вкус которых открыть ещё предстояло. Так, в пирожках – терпимо, но любимое твоё это то, что ты мог бы потреблять «без рук», – опустив свою детскую мордочку в миску с урчанием и детской жадностью. Вот это – твоё. Урчание медвежат, основной ягодный инстинкт – вот наша песенка...

Волшебные кофейные кубики

В детстве мир состоял из пятен – освоенных и как бы закрытых, пропускаемых, неизвестно кем обитаемых (так, видимо, продолжается до сих пор).

В садик вели две пешие дороги (ну, и когда повезёт, автобус) – верхняя и нижняя. Верхняя была именно такой – закрытой, чужой. И я всегда ждал – может, поведут по низу, по улице...

Дело в том, что не доходя садика – в половине квартала, там ещё стояли деревянные дома – и во дворе одного из них находилась клетка, выходявшая одним боком на улицу. Там жил медвежонок, на которого можно было посмотреть, – это рождало в душе сложные чувства – и восторг, – как же, живой медведь! – и сочувствие: он ведь в чём-то нам родня... Нам – не всему человечеству, а детям, запертым в пространстве яслей, садиков.

Садик стоял на пригорке. И когда нас выводили гулять, мы скатывались по лестнице вниз, если были в верхней группе; короткий поворот налево – и вот он, спуск! – по которому можно бежать вниз: играть, гулять, воля! – эти чувства до сих пор живы. Справа – веранда – за ней, по бокам – кусты с волчьими ягодами. Мы, перешёптываясь, поведывали друг другу эту тайну – не ешь! отравишься! умрёшь! – хотя несколько непонятно было: зачем тогда сажают такие кусты здесь... у нас в саду... Ну и бестолковые эти взрослые! Посадите малину или, на худой конец, смородину... Хоть что-то нормальное.

Хотя у многих по дворам, огороженным частоколом, кое-где виднелись посадки: даже картошки и, выглядевшие сиротливо, вечно ободренные ещё зелёными, обломленные кустики. Но мы их не воспринимали серьёзно – это была чья-то неудачная ностальгия по покинутой деревне... – воссоздать хоть что-то привычное.

Вообще, тогда в городе ситуация была другой – вполне нормально воспринимали, что кто-то ходит по паркам – и собирает грибы! И мы как находили – подосиновик, подберёзовик – радовались – ух, ты, гриб!

Правда, мы уже не застали то время, когда за пединститутом собирали чернику, – город рос быстро: был рынок в центре – и нет его! Была там остановка автобусная – и вот уже она у вокзала, на краю... Был пустырь – и на тебе – котлован...

Во время прогулок в саду мы, мелочь, чудили со своими играми. Первые прикосновения к нашим сердцам, первая равнодушная девчонка, какая-то таинственная Таня... И другой мальчишка, пытающийся её же поразить свойством, на мой взгляд не присущим человеку, – взять дождевого червя и положить в рот!

В этом отношении – при всей рыбацкой вседозволенности в способах обращения с насадкой – ради девчонки положить в рот – бр-р! – это ж гадость.

Однажды на завтрак – помимо каши, киселя, молока с ненавистными перками – дают помидор... Я надкусываю – и там, в красной сердцевине – что-то огромное, зелёное, мохнатое! – свернулась какая-то гусеница – ужас! Вот так же во рту ворочается червяк – бр-р! Мерзость... Я ещё долго не мог есть помидоры.

А папка – дак вообще – говорит, впервые привезли их в деревню – он попробовал – и – вкус какой-то непонятный... То ли кислый, то ли горький... А он-то вообще тогда думал, что это – яблоки! – он же их тоже не видел, у нас не растут даже дикие. Если я со временем преодолел это сеньор-помидорное отвращение, то у него к яблокам осталось на всю жизнь. Вот груши он любил. Даже не любил – обожал. И мне было удивительно, что когда у нас появились груши, то он ими всегда делился, подкладывая в первую очередь детям. Почему он не ест их первый? Он же их любит! И только потом, с возрастом, дошло – именно потому, что больше всего любит, – потому и подкладывает детям – лучшее им, не на словах...

Вот забор садика – мы и воспринимали, как тот медвежонок – как границу клетки. И смотрели туда, на волю...

Тогда ещё были в ходу растворимые кубики – кофе с молоком, какао с молоком. И вот эти кубики мы контрабандой тащили из дома в сад – и делились, укрывшись под забором. Иногда кто-то подходил оттуда, с вольной стороны, и рассказывал что-нибудь интересное: например, что на Красной Горке бывают цыгане и что они крадут детей. И мы за эти важнейшие новости тоже расплачивались этими кубиками – вместо конфет. Потому что нас иногда вывозили туда, на Красную Горку, – там можно было отдохнуть, порезвиться у реки, – конечно, под присмотром.

И вот нас везут туда... И в какой-то лужице стоят лошади, и их кто-то обмывает – и мы все оглядываемся и перешёптываемся – вон! вон! лошади! цыгане! – волнуясь в душе: не украдут ли кого-то из нас? Мда-а-а... Вот он какой, вольный мир – полон опасностей... В отличие от безопасного пятна на твоей парте – садик он и есть садик...

Я уж не помню, во сколько научился читать, – говорят, очень рано. Причём если мы ехали в сад на автобусе, – то громко читал, всё подряд, в обе стороны: и справа налево, и слева направо: кино-оник, гастроном-монортсаг, автобус-суботва... – вызывая одобрительные восклицания взрослых.

В садике этим быстро научились пользоваться практичные нянечки – усаживая в центре группы с книжечкой, которую я читал остальным, а они пили чай, изредка заглядывая к нам, – как там «Сказка о золотой рыбке»? «Пуще прежнего старуха вздурилась...» – ну, тогда нормально.

В детстве все дороги кажутся долгими. Позже, научившись не только считать, но и умножать, делить, складывать (и даже возводить в степень, извлекать корень, находить интегралы и логарифмы...), – я ещё больше сокращал время пути, занимаясь тем, что находил не только «счастливые билетки», но и стараясь с помощью всех этих действий приравнять левую часть номера встречной машины с правой. Номера тогда были четырёхзначными, разделёнными пробелом посередине. И приходилось делать это в уме. Иногда получалось, даже несколькими способами! – становилось бодрее на душе. Ищешь следующий номер – и дорога становится короче, незаметней. Ну а билеты были шестизначными – с ними слишком просто, слишком легко...

Других каких-то игр в саду я особо и не помню – основные-то были дома, с друзьями по округе. А там – вечно было что-то совместное, сфантазированное взрослыми, как всегда бестолковое, как наш сон, – бегалки, догонялки, обручи, мячи...

На «тихий (самый ненавистный) час» нас загоняли по раскладным местам. Серым (полотно из холстины) и не очень-то удобным – тем более мало кто спал, все ждали и полдника, и – бегом вниз! – прогулки... Ничего личного, всё почти общее – кровати, внешний вид, стрижки... Фото из садика – где любимая (по-доброму к нам отношению) воспитательница (Валентина? Как её имя? Валентина Ивановна?), фотография дышит теплом, которым веет от её фигуры, от взгляда, таким очевидным сейчас, – которых мы не замечали, не расплачиваясь за это тепло ничем... Только памятью, с запоздавшей благодарностью.

А вот и ты – тот, квадратноголовый, чуть набок, короткостриженный, с чёлкой... Неужто это ты? Не-е... Хотя и та фигурка в свёртке из роддома... И чумазый карапуз в кроватке с сеткой, вероятно, оторванный на минутку для фото от любимого эмалированного чайника – тоже ты? Ну, раз говорят, значит, возможно – ты... Взгляд боком и на мамкины фотографии, и на папкины – короткостриженный, лопухий...

Мда, наверное, это я, тот... Не украденный цыганами, не попробовавший до сих пор волчьих ягод – хранимый какой-то силой, которую мы, может, тоже не замечаем, – как любовь наших нянечек. Выросшие, как медвежата, на кофейных сладостях, появившихся неизвестно откуда, – которых нет сейчас, лучше которых не было на свете, у которых надо обгрызать сначала углы – и уж потом... добираться до сердцевины. Единственное неудобство, пока не начнётся полное сладости счастье...

Войны, взрослые и детские

Не знаю в каком возрасте, но ещё только далеко до школы, однажды двоюродная моя сестра, а по возрасту старшая – Светлана, – приехав из маминной Визинги, повела меня в церковь. Теперь-то я знаю, что она даже не на

окраине, а ещё и от окраины лесозавода в отдалении, куда надо было идти пешком. И не знаю, как она меня, вечного лентяя, уговорила сходить туда. Путь сам не помню, но, наверное, как всегда изнывал от его долготы и нудности. Но помню – мягкий полумрак на входе, огоньки свеч и лампад, стоящие прямо, будто не шелохнувшись. Осталось некоторое, насколько может сохранить ребёнок, чувство уюта и спокойствия.

Обратную дорогу тоже не помню. Но вот это ощущение родства со своей основной церковью детства, – приходит сейчас уже осознанное, проникшее и проросшее то ли вглубь, то ли наоборот – оттуда.

Эта церковь в нашем, папкином селе – встречала нас издалека, ещё с холмов на трассе, кустов тогда вдоль дороги было мало – всё сносили – ничего не зарастало. И – увидел маковку дерева, издалека, до неё ещё чуть не двадцать километров – уже, считай, почти дома, в своих краях.

Потом она вновь скрывалась и появлялась уже, когда из-за леса разворачивалось наше село при пешем приближении – это уж значит, ты точно дома. Вот она – наша красавица...

Ощущение от неё, заброшенной людьми, – складывалось иное, чем от той, теплившейся, в которой я был-то раз и потом напрочь до взрослого состояния забыл.

Для меня она веяла каким-то иным, остывающим, но всё ещё уютным теплом – как печка, которую уже никто не топит, но не замечает, что она ещё по-прежнему греет мир, из последних сил растапливая какой-то надвигающийся холод.

И оттого все её обводы, строения – без куполов, без блеска, но всё ещё чистое, белое, светлое – я считал безукоризненно прекрасным. Как в альбомах – все мамкины фото были для меня образцом красоты, бодрой силы, задора, огня жизни... Так в мире лета, деревня – вся красота мира была в ней – вокруг неё крутились каждодневные посиделки на реке с удочкой, с донками, походы в лес, вынужденные, а стало быть нудноватые путешествия в магазин, а то и в центр села, в библиотеку, или – со взрослыми, на кладбище...

Везде – она, как она стоит, где она, видны ли купола – центр мира, ориентир, обетованная, желанная, ждущая, одинокая, смиренная и снегу, и дождям – вечная спутница, вокруг которой этот покрывшийся благодатью мир как пятно спокойствия на земле.

В Визинге церковь была тоже недалеко от нас. Прямо рядом жила бабушкина сестра баба Наста (Анастасия, получается), Светина бабушка. К ним мы иногда ходили – в баню, и там же изредка доставались мне книжки, которых не помню. А за их двором, рядом, было некое полуразрушенное здание, которое мы со Светкой тоже обошли пару раз, – какой-то холод и неуютно торчащие рёбра сломанных балок. Того тёплого ощущения, что исходило от других, – не было. Это была смерть, «мерзость запустения», отталкивающая, неуютная, говорившая о людях больше, чем книги и слова.

Так сложилось, что этот, визингский мой мир – был более женским по окружению, а значит, и по занятиям. Бабушка, директор школы, строгая, курившая «Беломор», – Анна Александровна, разошлась с дедушкой давно.

Мама говорит, был у неё ухажёр, который однажды пришёл к ним в дом, сидел, сватался... Заметил её ещё мелкую, что она играет, – отделив себе некий уголок занавеской, где у неё была кукла, ещё что-то... Потом, видать, хотел показать, кто будет в доме хозяин, и сказал убрать эту занавеску – у него дома не будет никто отгораживаться... А потом – снял её. И тут – напоролся! Мамка подбежала к нему и укусила за руку!

После этого сватовство и походы в гости с любовью к бабушке были прекращены.

Мама говорит, что однажды в городе, в автобусе – они снова встретились. Без разговоров. Взглядами. Он так и не женился. И этот взгляд – говорил больше, чем слова. Может, и любил он бабушку, может, и не нашёл никого лучше... Да только я был полностью и целиком, всеми силами – на стороне мамки и той картины, которая мне рисовалась, как они втроём – прабабушка, бабушка – и она в своём углу – играет, – и угол такой, из которого идёт свет, просвечивающий сквозь эту её лёгкую занавеску. Поднять руку на этот мир – как сломать вот эти балки у церкви... Вот такие и ломали – и им ни капли не было жаль их... Правильно – зубами за руку, чтоб почувствовал!

Папкины игры были грубее, проще – ну, как он описывал. Говорит, ходили, например, на конюшню. И конюх, воткнув в косяк кривой гвоздь, учил их ругаться на него... Вот ведь забава! Это, конечно, помимо рыбалки, которая никогда не воспринималась как игра. Это было серьёзно, даже если просто удочкой. Да и когда там при деде играть-то... С кем? Сёстры помладше.

Это у нас в городе было раздолье в этом отношении. Идёшь с родителями в универмаг и норовишь в детский отдел притереться. Мечтаешь – неужто зайдём? А потом, как сбилось, трёшься поближе к витринам, внимательно изучая, – вот появились пистики, как у Серёги, – значит, вот откуда у него... А пистоны уже закончились. Да и пистики остались какие-то, несерьёзного цвета, лилового или голубого – ну кто же додумался делать оружие такой расцветки! Что они натворили? Вот солдатики, вот былинные красной пластмассы – русские витязи с овально-каплевидными щитами, у которых мечи быстро ломаются. Что же выбрать? На крутое замахиваться не стоит – я ощущал, что это не по карману, как-то молча, чтоб не напрягать ситуацию. Мы же пришли за валенками или шапкой, и игрушка – это приложение, которое как довесок – не может превышать саму покупку. Так что нечто поскромнее, конечно, не пластилин или кубики – не прикладное, а что-то военное... Обычно это алюминиевая сабля. Конечно, качество на наш детский взгляд было не очень. До первого серьёзного сгиба, после которого ещё можно попытаться поправить так, чтоб влезало в ножны. Но потом – уж никак, а то застрянет так, что не вытащишь без помощи, а потом – безнадежно гнётся на сгибах, пока не сломается.

Это был наш расходный материал: сабля, пластмассовые мечи и доспехи. О настоящей, почти реальной игрушке приходилось лишь мечтать. Что иногда приводило к казусам.

У папки был карманный транзистор в кожаном (конечно, из заменителя) футляре – с застёжками, с дырочкой напротив динамика. С ладонь. Требовавший родных тогда, быстро садившихся на рыбалке, батареек – «Крона»... Я не знал цену этому радио. Ну, приёмник и приёмник... У парня из соседнего двора был такой пистолет, что просто любо-дорого... Сам ложился в руку, сам звал на войну. Нынешними словами – эргономичный, как «Люгер-Парабеллум» или «Вальтер», – который увидишь и сразу представляешь – вот ты с вытянутой рукой и глаз прищурен... Конец всем врагам.

Короче, этот нужнейший в мире пистолет был одним вечером обменян мной на папкин транзистор... Всё это обнаружилось тем же вечером – как же спрячешь такое оружие, которое должно украшать воина... – откуда? – и потом проводилась целая спецоперация по поискам парня из соседнего двора, по обратному обмену, по внушению мне: что можно, а что нельзя... Хоть это и папкино, но отчасти ведь тоже моё – я так это ощущал... Раз взрослые не знают истинной ценности вещей, что с ними поделаться...

Но пришлось и мне смириться, что у них есть нечто, какие-то ценности, которые отличны пока что от моих. Конечно, это не чужое – наше, но и его надо беречь.

Ладно, наше так наше. Понял. Не буду без спроса. Иначе спросят с меня... У взрослых тоже свои игрушки – не надо их трогать никому, правильно... За руку не укусят, но больно будет... И им, и мне. Это нехорошо. Неправильно. Боль причинять нельзя.

Вкус разлуки

Впрочем, какие там игры у папки. Времена тяжёлые, но то, что им воспринималось как игры, – тоже было...

Тёмная ночь. Электричество появится гораздо позже. А пока это – в осенней мгле, папка, ещё мальчишка, пробирается в центр села. Само село вытянуто вдоль реки – одной улицей, вдоль которой как гнёзда – кусты деревенек, из которых оно состоит. Папка стремится в клуб. Там его ждёт соперник – Пила Толя (Пила – тоже прозвище). Играют они в шахматы.

Вот это игра – когда живёшь от партии к партии – и неважно всё – и дорога ночью в пару километров между луж и опасностей – легка, и дневные труды – ничего, и усталость – нипочём, – голова ясная, бодрая... Сицилианская защита, новый вариант, всё по-серьёзному.

Потом уже, в институте, папка доигрался до первого разряда... А может, и дальше, – где кандидаты и мастера. Но там уже было совсем другое, что, видно, заставило его предостеречь меня:

– Не играй в шахматы... – когда я тоже начал тянуться к этому, даже пару раз сходил в городской клуб – детский, конечно. Видимо, там, дальше, во взрослой жизни – эта игра превращалась в нечто иное... Там и курево, там и последующие выпивки. Короче – тупик. Не ходи туда. Проверено.

Но дома со мной играл во всё подряд, и в шахматы, где битвы наши уже к концу школы пошли с перевесом в мою пользу. И в шашки, и меньше – в домино и подобное... Был грех, сиделись семьёй вечером – в разные карты, где тоже – азарт, желание победить, перехитрить.

Наверное, и в этом дело было в шахматах – неуютное состояние души от желания победить соперника любым путём, – и – дальнейшее торжество от превосходства. Не наше это, не его, не моё.

Хотя о душе мы с ним почти не говорили. Уже после его смерти я узнал, что, родившись в 37-м, его крестили в 38-м.

Особенные это были годы. В 31-м расстреляли – ни больше, ни меньше – священника. Прокопия Шаламова, дядю того Варлама Шаламова, что написал «Колымские рассказы».

Уже позже я нашёл их фотографию с женой Марией. Тихие, скромные. Прокопий написал книжку про наше село, наш приход – о чём расскажу в своё время и как это связалось с моей жизнью.

Был у нас в Катыеде, где общий сенокос, и Поп-видз («поповский луг») – на том берегу, где находился омут с огромными щуками, – который я всегда представлял себе, когда папка рассказывал про сенокос и ершей, что они таскали на закате. Это – тоже, как пятнышко на земле, связанное со словами: труд, солнце, сенокос, летний лагерь, ночное комарье и ожидание поклёвки щуки. Будто сконцентрированных в особый мир, в которыйходишь, – и за тобой затворяется дверь – там всё есть, там всё правильно. Это был мир Прокопия, папки – и мой, по наследству.

В 37-м, когда родился папка, расстреляли и матушку Марию, жену Прокопия. По выдуманному, как и многие тогда, делу «О Священной дружине».

Село осталось без священника, без его семьи. Но люди-то остались, и, как потом рассказала баба Рая – папке двоюродная сестра, родившаяся с ним в один год, – их не крестили ещё год, но не из-за событий с Прокопием и Марией. Ждали долго заказанной хорошей ткани – год ждали – на крестильные рубашки... И обоих, когда пришла эта долгожданная, особая, именно для этого случая ткань, – и покрестили. Кто? Где? Не знаю. Может, та самая Дьякон Анна – за неимением священника? Хотя вряд ли, ведь кто-то ещё оставался, водили, возили куда-то...

С маминым крещением история вышла тоже особенная. Как и при моём рождении заболела мама, так и при её – заболела бабушка. И этим случаем, устроенным, видимо, свыше, – воспользовалась бабушкина сестра – баба Сандра (Александра, получается). Она схватила мамку и побежала в церковь, которая тогда, в 42-м, в Визинге, видать, не была закрыта, либо ещё куда. И по святцам нарекли маму сложным, излюбленным мной, именем барселон-

ской мученицы Евлалии. Так что, когда бабушка пришла в себя, – уже всё свершилось. Евлалия, Лия – кратко, и по-нашему – Лиюк... – наподобие того, как дед звал бабушку: Лизук! Лизук! Очень на грибов-то вышло, немеряно! (вольный перевод с коми).

Сама баба Сандра жила далеко от бабушки, неудобно. Ходить к ней в гости одному было нереально. Только с мамой, когда она приезжала со мной. Видимо, отдавала долг любви. Я не очень-то понимал этого всего тогда, томился долгой скучной дорогой – зачем идти туда? Зачем сидеть, и вроде говорить не о чем? Как пробовать эти неведомые, странные на изнеженный городской вкус – нехитрые деревенские угощения – с особыми какими-то запахами, формой, содержанием...

Не было мне ведомо тогда по моей жизни – что для них эти угощения? Что значило это внимание...

Потом уже я узнал про эту отстранённость, настороженность в отношении: почему-то Сандра особенная...

Оказывается, помимо веры и её проявлений – она и в другом отличилась: отсидела в лагере буквально за несколько колосков. Вот, как классически пишется – так её и осудили. За несколько метёлок ржи – лагерь. А за это время, пока она была там, – муж ушёл к другой, но недалеко – по-соседски, практически в дом напротив, через дорогу...

Она вернулась, а он – с другой. Так и жили, пока он не заболел... И вот тогда они обе, и Сандра, и новая жена – ухаживали за ним вместе до самой его смерти...

Ничего этого я, конечно, не знал – это было «до меня». И не мог я ощутить их любви, их внимания, охватывающих и обнимающих меня, как любимое дитя...

Впрочем, один поход – без мамки – к Сандре помню. Вернее, сначала мы были у неё вдвоём. Вернулись, и обнаружилось, что мама забыла у неё подарок папкин – золотые часики. И – не знаю, как меня уговорили – сходить к ней одному. Видать, мама торопилась. И я иду один – несколько километров туда – и несколько этих же, обратно... Помню только путь, как я утомился, как Сандра положила меня чуть отдохнуть, как я погружаюсь в мягкость и непривычность чужой постели, как из-за лавки выходят три мышки – и идут гуськом туда, где накрошены съеденные мной картофельные шалейки... – и как погружаюсь в сладкий сон...

Мама вообще вынуждена была часто уезжать куда-то в командировки по делам конструкторского бюро, где они после института работали с папкой.

И вот я у бабушки, а мама надолго в Москве, на ВДНХ, настолько долго, что успевала прийти посылка от неё – два невиданных никогда ананаса. И мы с бабушкой режем тонкими кольцами этот ананас и разделяем этот неведомый, наверное, тоже райский вкус – вкус разлуки и будущей встречи...

Это, конечно, не земляника, но что-то свежее, необычайно ароматное. И последний кусочек, уже рядом с прожилками – начинаешь обкусывать.

Немножко напоминало лесные поросли. Их можно было ободрать от внешней слоистой оболочки – и разгрызать. Вот что-то такое, но неизмеримо лучше. Вкус заботы, любви, встречи.

Если же я находился в городе, а маме предстояло прилететь к ночи – всё было проще и приземлённей. Я ждал, что она приедет, и привезёт... сосисочек... И пока она, приехав вместе с папкой, не сделает мне картофельное пюре, не сварит этих самых сосисок – я спать не ложился... Даже не думал... Пюрешка с сосисками. Всё! Вот теперь я готов спать. Мама приехала.

Схватить зло

Да, папка был прав. Игра для нас являлась не способом утвердить своё превосходство, хотя мы и старались достигать совершенства в том, как бить, закручивая, пробки о стену, как втыкать ножи в песок, как кидать палку, чтоб с отмеренного расстояния попасть в консервную банку. Всё это служило нам способом освоения мира, расширяя пространство вокруг.

На лестничной площадке у меня был друг, старше на один год, Саша Лихачёв. Помимо прятков, в которых участвовала и его старшая сестра Рая, у нас были игры, которые делали наши квартиры единым целым, – войнушка – при отсутствии взрослых бушевала то на площадке между квартирами, то ты в темноте полз на территорию противника, то отбивался в выстроенном тобой ДОТе – под столом, ножками кресел наружу...

Было и то, во что ввязывался папка. Убирались половики из длинного коридора, который тянулся от чулана до туалета (чьи двери служили воротами) несколько метров. И вот маленькой шайбой с маленькими клюшками – шла битва в мини-хоккей, самая азартная, когда научишься попадать, чтоб от борта (от плинтуса стенки), в обход папки, полетело точно в угол Сашкиных ворот.

Вот эта возня была с криками, с разгорячением до установленного предела – скажем, «играем до десяти» (мы же не знали чувства меры и могли рваться до упаду).

Когда Сашки не было – он всё же старше, забот больше – разница в год являлась тогда очень существенной. Кроме того, у него школа находилась далеко, да ещё мама там преподавала математику... Короче, препятствий хватало.

Тогда – играешь в войнушку один. И вся квартира – поле битвы. Ковёр – чужой лагерь, который надо завоевать. Десант долго готовится в моей комнате. Там вперемешку – современные солдатики и рыцари, и древние славянские воины – плотными рядами уставлены на десантный корабль – большую коробку. И венец этого всего дела – железные пушечки, бронетанчик и Т-34...

До второй смены, в которую ходят младшеклассники, успеваешь высадиться, но не победить... Так и остаётся война – посреди комнаты. Бежишь

после уроков обратно – доиграть. А взрослые всё уже убрали... О-о-о... Ведь победа была твоя, рядом...

Когда уж совсем приходила ночь и твоим местом оставалась только кровать в тёмной комнате – оставалась последняя возможность: книга... Тянешь с собой незаметно батарейку с фонариком и дочитываешь то, что обязательно надо дочитать. Что там у Тома Сойера...

Если нет батарейки – крадёшься на цыпочках к приоткрытой двери. Родители в полудрёме, лёжа то ли смотрят телек, то ли уже, сморенные, спят. А ты, не дай Бог шелестнуть страницей, – читаешь при неверном мерцании телевизионного света. «Том Сойер остановился поболтать с Гекельберри Финном» – это ж не терпит отлагательств до завтра – что у них там было. Что с покраской забора...

На улице – местом освоения для начала стал наш двор: игра с соседями, кто на что способен. То мы разбираемся во всех тонкостях устройств одеколонных пробок, оценивая, кто «единички», «трёшки», и самые уж витиеватые – от 25 до 50... Это уж совсем короли пробочного искусства. Ходишь везде, выглядываешь – не выкинул ли одеколон какой непутёвый, ничего не смыслящий, взрослый – главное, с пробкой.

Мы их бьём о стенку кафе «Блинной», которое выходит к нам задними фронтонами. Пробки закручиваются при щелчке. Устояла – твой ход. Упала – жди беды, отвоюют. Опять страсти, разгорячение, опять желание взять верх... И, став профессионалами, научившись ловкостям, читал их в действиях других – казалось бы – как раз самая игра... – остывали. И – все пробки на землю, под ноги – хватит, надоело! – и топчем то, что ещё вчера было ценностью.

Это как путь – попираешь землю. Чтобы пройти дальше – надо оттолкнуться ногой, отбросить... Если встанешь, будешь разглядывать – так и останешься стоять...

Дальше – что? Мелкие монетки об ту же стену. Но тут – их маловато. И добывать их надо было что-то предприняв: сдав бутылки из-под молока, кефира, где-то сэкономив – в школе, в магазине... Но, когда они есть – то не до игры – надо ж мороженое. Шоколадные батончики... Тем более в школе.

Потом пошли игры в фантики: складываешь их треугольниками, не лёгкие, карамельные, а поплотнее – цветные, от шоколадок... И – каждую перемену – режешься у подоконника – кто кого... А ещё пошла мода – собирать фантики от шоколадных батончиков, где есть разные серии «Ну, погоди!». И вот – у кого-то есть редкие (у друга Серёги – у него вообще магазин «Юбилейный» рядом с подъездом, а там – кондитерский отдел... Хоть по два раза на дню заходи, смотри. Да ещё папа – то ли лёгчик, то ли ещё кто – короче, у них там в аэропорту всяких всячин навалом). А у тебя что? Такие у всех есть, по несколько штук – меняться не на что...

Правда, и у меня есть, где посмотреть новинки...

По пути в музыкалку...

Это была самая нудная часть жизни...

Родители определили меня в эту самую школу – с первого класса. Где, проверив мой слух, – досталась мне скрипка, до сих пор вызывающая смешанные чувства. До нынешних времён осталась у меня неприязнь ко всему жирному, к кремам, которыми мажут руки...

Потому что – вот такими пальцами хватаешь её, эту непокорную гадину, как змею за горло, – и жирные пальцы скользят – и получается не звук, а нечто обратное: му-э-э...

С этой скрипкой вообще вышел конфуз. Со слухом у меня было нормально – однажды на сольфеджио, самом страшном уроке, я возьми – да и напиши весь диктант без единой ошибки – как-то удачно попал прямо в яблочко. И на тебе – после этого особо и не проверяли мои знания, а зря!

К пятому классу выяснилось, что я так и не знаю нот! Мой преподаватель тогдашний, Давид Юрьевич Раппопорт, задал мне как-то довольно сложный концерт... Я же, будучи лентяем, если было можно, – старался повлиять на их выбор того, что мне можно задать. Если успевал, там же, на уроке, старался запомнить до следующего раза, что нужно сыграть и как. Если не получалось – у меня был огромный тыл, обеспечение моего лентяйства – наш Универмаг. Там в отделе музыки имелся довольно приличный выбор пластинок: хочешь тебе Гилельс, вот – пожалуйста, Рихтер... Бах, Вагнер – это всё было впереди. Пока что – «менуэт Боккерини» – там-тарам-там-там...

И я с пластинки просто переучивал на скрипке, не вдаваясь в то, что там по нотам. Вот к пятому классу это открылось, когда Давид Юрьевич ткул в какое-то место, а ни бэ, ни мэ... – меня же ждали спиннинг, удочки, а не горло этой придушенной (к пятому классу стоившей уже больших денег) – так и не ставшей близкой – спутницы...

Так закончилось музыкальное образование. Спасибо ему – столько, сколько надо было, чтоб начать слушать остальное, от японской музыки Гагаку до «Летучего голландца».

Но это всё впереди... Пока что – на этой нудной дороге в музыкалку – одиночной дороге, без спутников, значит, особо растянутой – играешь то в номера машин, то загадываешь – успеешь до вон того столба первым ты или – она... Короче, зачатки тотализатора, правда без ставок – кто кого... То прикидываешь, сколько шагов до конца тротуара, до перекрёстка... И идёшь нарочно длинными или короткими шагами, – чтоб не проиграть.

Ближе к музыкалке, – где за углом уже Драмтеатр и спуск к школе, – кондитерская. Вот там можно было пожить (опять же, если есть карманная мелочь) – батончиками «Ну, погоди!». Если их нет, хоть ромовой бабой или ещё чем – подсластить этот путь. Ведь ещё обратно – о-о-о!..

Ведь это было уже с первого класса... И уроки – выполняй задание, и музыкалка...

Где ж они, те благословенные времена, когда мы, будучи дошкольной копышней, как нас тогда называли, устраивали экспедиции вокруг стоявшей напротив пятиэтажки. Там – по периметру – выходили на нижний бетонный

фундамент погреться пауки с длинными ножками. И смысл нашей операции состоял в их уничтожении – будто они, прячась в своих щелях, были постоянно сторожившим нас врагом. Притаившимся злом. Уже не выдуманном, а настоящим, враждебным не понарошку – а если он укусит, что тогда? Надо было искусно, чтоб не прикоснуться, – поймать его за длинную ногу.

Ну всё, обход завершён. Мир избавлен от зла... Бежим обратно!

Рыбки, девчонки, две педали...

Конечно, были у копышни занятия посерьёзнее – мир познавался и ради других целей. У Серёги Кулика, из соседнего дома, был аквариум. Он показывал изредка нам своих «барбусов» и разных гуппи. Зоомагазин находился невообразимо далеко. Так что корм для них Серёге приходилось добывать поближе – и мы устраивали целые экспедиции за новое здание университета (или только стройку – нас это мало касалось, готово что-то там или нет). Там были большие ямы, – где, если придётся, кишела жизнь: какие-то дафнии, что-то ещё мелкое, копошащееся.

За рыбками смотреть для меня казалось невообразимым трудом. Лучше уж рыбалка. Хотя я тоже однажды предпринял попытку держать дома рыб – ведь так классно смотреть, как они там резвятся, – это до бесконечности, как глядеть на воду, костёр и, как говорится, – как работает пожарник...

Однажды, в самом начале лета, мы с папкой, имея всего одну ночь на рыбалку, – поехали на пригородном автобусе в Лозым. Где перебрались через реку на лодке – на озеро. Там клевал карась – в свою редкую пору. Карась был мелкий, но клевал хорошо. Кроме удочки я взял с собой магазинные сетки, натянутые особым образом на обручи, куда, как в ловушку, рыба заплывает, протискивается, а обратно – никак.

Я крошил хлеб в пространства этих ловушек и – раз в полчаса (хотя, конечно, раньше – дождаться невозможно) – поднимал их с папкой. И нечестно, но несколько рыбок там было! Живых, не заметивших червя, не пораненных...

– Давай маме отнесём! – и мы с папкой заполнили почти наполовину молочный бидон этими карасиками, на мой взгляд сбитыми отлично, крепко, как богатыри-крепцыши...

А потом, сморившись, я уснул прямо на лапнике, сваленном нами вдоль костра. Папка от комаров накрыл меня сверху лодкой, но это не помогло – проснувшись, я вылез с такой губицей, покусанной неизвестно чем, что не надо было дуться и злиться неизвестно на кого, – вид и так надутый.

Но – главное – добравшись до дома и выплеснув наш подарок маме в ванну (больше, конечно, нам самим – это как на женский день подарить бритву), – увидели... – как они ожили, как резво брыкались, с брызгами...

Мне выделили трёхлитровую банку и трёх рыбок, объяснив, что вообще-то воду надо бы отстоять... Но я не слушал – главное, рыбки были дома и у меня. Накрошил им побольше батона....

Но к утру всё было кончено... Между раскисших белых комков столичного батона (как же, мы ведь столица!) – вверх пузиками лежали уже все трое...

После этого эксперимента с аквариумами было покончено. Так что я на них глядел только у друзей. Вся моя жизнь крутилась вокруг других рыб – настоящих, с которыми были постоянные поединки. Но живую увидеть рыбу – на реке – этого кроме тебя никто не увидит... Это плоды одиночества, о которых не рассказать, – как может весь мир крутиться вокруг этого: рек, рыбы в них и мира, в котором время тратится на постоянные походы за настоящей рыбой.

Самым обычным поводом попасть в гости – были дни рождения. Мы, одетые особенно, в белых рубашках, с подарками! (книгами или ещё чем...) – приходили к имениннику, к столу... Где ждали, когда будет торт... Когда лимонад... Еду мы проглатывали, ожидая сладкого, вкусного, – и дальше – времени, когда нам официально разрешат «побеситься» – поиграть в то, что обычно недоступно.

У Серёги, моего друга с первого класса, мало того, что папа отлично фотографировал, но имел ещё настоящий узкоплёночный кинопроектор.

И объект вечного детского вожделения – мультики (которые мы иногда заранее, получив программу на неделю, – подчёркивали!). А тут – нечаянная радость: мультики мы можем и сами записать.

«Шпионские страсти» – это была кульминация. Чёрно-белый, рисованный, пусть без звука, с титрами – но зато – свой, обладаемый именно в это время, именно в этом месте, где ты находился, – это был для нас «символ статусного потребления», как сказал бы учёный...

Но что бы он сказал о том, что мы делали дальше? Прокрутив мультик до конца на специальных простеньких бобинах с ручкой, – мотать его обратно, вручную, к началу...

Но разве это для нас? И мы запускали этот мультик в обратную сторону – вот где начиналось настоящее веселье! Когда вездесущий майор Пронин не хватал шпионов, а отпускал, когда он запрыгивал обратно в шкаф... И так до самого начала – от омеги к альфе!

Вот здесь мы, вовсе не страдая никаким синдромом дефицита внимания и гиперактивности, выросшие, купаясь в родительской любви, – просто падали от хохота... от прекрасных мгновений, летящих обратно...

Это уж не статусное потребление... Это возвращение к началу... К некоему братскому единству, когда мир весь твой, без времени, вечен, в котором всё можно повторить...

Как говорится, «жаль, что только раз в году»... – и мы всё же ждали, волновались – пригласят ли меня на этот праздник безвременья в этом году?

Компании и дружбы слагались как-то сами собой. Но внутренне – было ещё некое чувство неловкости: Серёга жил в пятиэтажке, на пятом этаже. Мы с родителями – всё ещё в деревянной двухэтажке, но зато с тремя комнатами (раньше в одной комнате тоже жила семья – преподаватели, но им, наконец, «дали квартиру» – а нам всё «не давали»). Это давило на детское сознание – не по отношению к Серёге (про него я знал, что он ничего подобного не ощущал и не сказал бы, вот про других, особенно – про девчонок...).

Было в этом и сожаление, и неловкость за родителей – мы ждали, что они без слов это понимая, как-то пойдут куда-то в гости...

В один из моих дней рождения, – пригласив помимо прочих одну девчонку, Ленку Соловьёву (что в этом мероприятии для меня было важнее всего), от стола мы перешли к играм... Ленка с Вале́й Поповой («попиком») ходили на танцы, и наша бывшая гостиная – пусть и не уставленная стенками с хрустальём – была как раз для того, чтобы они показали нам свой парный танец: места хватало на всё это дрыганожество...

Вот это – заполненное живым, белым, свежим дыханием, движением – ослепило моё зрение тогда...

После этого уже пошли прятки – в трёх комнатах – это просто сам Бог велел! При этом кто-то залез за фортепиано (второй мой инструмент, после скрипки) – и, вылезая, уронил его! Вот, добесились...

Мы его кое-как, совместными силёнками, поставили на место. Вроде ничего... Но только вечером, когда пришли папа с мамой, всё равно всё открылось: педали-то загнулись вверх! – а мы и не заметили (я-то уж точно, просто ведь пиликал на нём без всяких там педалей).

Но в остальные дни – у нас опять воцарялась тишина – одиночество в мире взрослых, и мысли об этой девчонке, которые, казалось, нереально отогнать. Сильнее была только рыбалка...

Видеть невидимое

Вообще, когда оказываешься на качелях жизни, то все раскачивания воспринимаешь как препятствия – либо преодолеваемое влечением, либо разбивающее его...

Так, в деревне, у реки, в лесу – я ещё был в том возрасте, что не помнил ни Ленки Соловьёвой, ни кого другого, – ощущая лишь то, что вокруг...

Это в школе, где с первого класса тебя пичкают неизвестно, нужным ли тебе, ненужным, – выделяешь вокруг кого-то, смутно влекомый даже не чувством, а не пойми чем.

Первые три класса проходят вообще без этого – просто привыкаешь к тем, кто вокруг. Все – отличные, и среди них друг – Серёга – один... Выбегаешь из школы весной – закидываешь в сугробы портфель и ложишься на снег – смотреть, как он тает, как возникают фигурки – и весна идёт уже.

Когда сходит снег, – игры идут уже посреди девчонок, а то и некоторое время вместе с ними. Но у них свои увлечения – классики, битки, резинки – это они сами...

Идёшь домой – и всё равно уже ощущаешь – вот Ленкины окна в углу дома – а наискосок быстрее. Дома стоят как доминошки – в её доме ещё несколько «Б»-шников (из «Б» класса). В другом – Маринка Титова... Куда выходят её окна? Юлька... Короче, пространство потихоньку оживает.

Дальше уже – переход в пионеры. Галстук, вечно мешающий, не принимаемый, ни по цвету, слишком красно-рыжему, тревожному, ни по физическим свойствам – он из какой-то ткани, которая легко мнётся, и складки – безнадежны, неисправны – чуть коснись утюгом – и всё плавится, да ещё и с вонючим дымком...

Но это всё позже, а на фото, где нас принимают в пионеры, – Ленка на первом ряду, я где-то во втором, улыбаюсь во всю ширь. Да и она щурится от улыбки. Вот это, пожалуй, то, что облегчает жизнь в городе, – которому не понять того мира, куда периодически ты погружаешься, считая уже себя взрослым... Поскольку ты несёшь то, что даже не можешь передать другим, – целый мир, где леса полные такого, что не перенесёшь никуда.

Поля. Золотая с белым отливом рожь. Это папка то несёт, то ведёт тебя на рыбалку. Мимо полей, говорящих о тепле, о том, что завтра из этих зёрнышек будет хлеб. Это правильно. Это не вторжение в природу, это соглашение с ней, доброе, не ранящее это место, не уродующее мир. Зёрна папка растирает в ладонях – я ещё мал – то рядом, то на плечах – даёт мне попробовать.

– Не поперхнись, они с остями...

Новые слова – «ости», как кости – и точно прям как мелкие косточки – колются; но вкус – здоровский...

Это что... Вкус молочного гороха – вот это здорово! Посреди овса выглядываешь его. И это помогает скоротать дорогу – с кладбища, домой...

Туда-то идёшь без вольностей... Там – дадут тебе и яиц, и лепёшек – но их вкушаешь без аппетита, не как еду, не в удовольствии. Тут – среди холмиков с фотографиями – к чему есть-то? А кругом – нетронутая земляника! – вот, снова она, райская! Но её не трожь! Можно лишь взятое с собой – а тут, манящая, созревающая до полной спелости... А потом уже, как пройдёт желание, – понимаешь – да, пусть стоит, пусть украшает, пусть радуется – «обещая встречу впереди».

Дома уже, после кладбища, вот там, в этот особенный день, бабушка напечёт разного... А обычно – молоко, хлеб. Но только под молоком здесь понимается настоящее молоко, а не городская белая водичка...

Бабушка приучает меня к козьему, густому, отливающему каким-то жирным перламутром. Я не осознаю, что мне желают непременно лучшего, – с натягом пью это невесть чем пахнущее, густое – ожидая в конце непременно чего-то, что закончит мои сомнения, – хорошо это или не очень, тогда придёт просто смириться...

И через некоторое время – привыкаешь, втягиваешься, после чего уже коровье молоко какое-то блёклое. А это – ароматное, восхитительное, дающее сил...

Так же и с мясом... У бабушки уже мало сил держать телёнка. Во дворе выпущенные с утра бальки – овцы.

И весной – засоленная баранина, надетая на палки, как шашлык на шампур, только крупнее – наверху, под стрехой. Пока ещё нет мух – она вялится и сохнет. И потом уже – вот это сухое мясо, которое так готовят, чтоб потом варить суп (холодильников-то нет), – от которого отщипываешь и отщипы-

ваешь волокна и не можешь остановиться, – похлеще семечек и уж куда вкуснее! Вот такого концентрата хватает на утреннюю рыбалку.

Это взрослые изобрели концентраты – коньяк, чтобы перевозить вино, а потом распробовали...

А мы ведь всегда знали, что так вкуснее – и кубики кофе с молоком, и сушёное мясо – не надо их готовить! К чему?! Так гораздо вкуснее.

Дети и индейцы, изобрётшие пеммикан, знают в этом толк.

Жаль, грибы сушёные не такие, не сварить – не поешь.

Первые открытия в лесу, конечно, появляются задолго до школы.

Первый выход за грибами, когда ты научился различать боровик на покрове разнообразия трав, веточек, шишек, иголок, цветочков, – это просто восторг, который надо повторять и повторять: папка остановился и стоит загадочно, да ещё зовёт:

– Юралик! – так заманчиво, что значит – тут что-то есть. Но что? Что?

И потом будто вдруг появлялись из-под земли эти тёмно-бурые комочки... – так это и есть грибы! Вот! Вот! Вот ещё...

О-о-о-о! Да как же это прекрасно! Вроде просто поляны – а на ней такие здоровские, свеженькие, крепкие – будто ждавшие тебя!

Плотные крепыши приятно холодят руки, да ещё и на срезе такие молочномраморные, будто благородные.

Это как головоломка – где долго смотришь на хаос чёрточек и линий – и проступает вперёд какая-то фигурка...

Первые грибы – это как толчок, который уже не успокоится до кончины, бесконечная волна (от слова волнение, наверное)...

После этого – ты уже покручен с борами, с белым мхом, с запахом сушёных грибов, с их маринованными мелкими «самыми лучшими» братцами – навсегда, навсегда...

Вот так из панорамы мира – как особое, единственное лицо, на общей фотке в несколько рядов – проступает прекрасный мир, наполненный любовью, – чьей-то к тебе, и ко всем.

Мой белый друг

С малых классов нас посылали в лагеря, которые мы, при всей их «привлекательности» разными занятиями, воспринимали как неволю. Лагерь есть лагерь – даже для детей. Того, что надо нам, – мало. Особенно мне не нравилось целый месяц (ме-е-е-сяц!) тратить на лагерь недалеко от города – «Белый бор». Он располагался именно в тех местах, куда папка меня брал за грибами, – не на жарку сколько-то насшибать, а найти по-серьёзному, чтобы хватило на зиму заготовить: посушить, а то и замариновать сколько-то (что считалось уже верхом совершенства).

Критерием удачности похода, несколько километрового, пожалуй, даже десятикилометрового, считалось найти больше ста таких боровиков, что залюбуешься... И, сходя утром с теплохода (путь до которого тоже был не без испытаний – не опоздать бы, а когда прибежали к нему, видишь напирющую толпу – влезть бы, уже не мечтая устроиться где-то у иллюминатора, почти у среза воды – наблюдать плывущий блёклый пейзаж: мокрый песок, чаек, далёкие берега, стальные волночки).

В уже рассеявшийся, кусками ещё лежащий туман – ёжишься, итак намёрзшись по пути – а внутри холодок! – куда пойдут все эти толпы...

Они же всё потопчут впереди. Я-то мелкий (всё началось ещё до школы и в первых классах) – куда нам с папкой угнаться за ними. А кругом давно уже проснувшийся посёлок: рёв бензопил, цокот мотоциклов, переделанных на местный манер, – вместо коляски – тазик. Этим-то вообще лафа, кайф! Лес-то рядом, да и они на колёсах – подъезжай куда хочешь.

Выходя в одной точке, огибая тот самый лагерь «Белый бор», стоявший обособленно, на мыске, – нам приходилось, успевая к вечернему расписанию, дойти до другой остановки теплохода. Опоздать было невозможно – папке завтра на работу... Так что времени – в обрез.

И единственный выход из этих сложностей – настолько хорошо изучить весь лес, чтоб идти от места к месту, от пятна, где стоит покружиться, – к другому...

Я, конечно, отвлекался по пути к этим коренным местам, думая, что самое главное – просто что-то найти: вот маслёнок! вот иванчик! – это ж тоже грибы, пойдут на сушку! – тем более, что «чёрные грибы», чернеющие при сушке, не то что «белые» – они же такие ароматные. Это как чёрный хлеб и белый...

Но папка торопил – пойдём, пойдём – зная, что надо вперёд, где можно набрать белых.

Обгоняют нас, обгоняют – всякие там горожане-туристы, одетые форсито, фасонисто, с иголочки, а у нас нет-нет да и мелькнёт какой-нибудь деревенский ветхий чуманчик (берестяная набирушка) – латаная-перелатаная, где и дырка-то заткнута чем-нибудь... Зато – поставишь её на мох – так она не заваливается набок, не то что эти, появившиеся недавно узкие пластиковые вёдра.

Орава городских грибников (я-то не такой, я ж практически деревенский, таёжный) – цепью прошла по верхам и волной покатила дальше, бестолково перекрикиваясь: Валя! Вася! А-у! Ты где? А я здесь... Есть у тебя? А у тебя? Иди сюда! – ну и так далее.

Ну какой же настоящий грибник скажет – да, у меня есть, иди сюда... Наоборот – это ж «тихая охота» – тихая, понимаете?

Мне это как-то папка молча внушил – зачем без толку тратить хоть одно слово, тем более привлекая этим ещё кого-то к себе?.. Иди молча, учись чувствовать не только всё, что вокруг, вглядываясь во мхи и закоулки разных кустиков, – но и натягивая невидимую нитку между ними – нервующуюся,

которая, если натянется, – тоже, как струна, должна зазвенеть – где там папка, что он притих? В какой он стороне? Куда двигаться...

Цепи грибников, будто каратели из рассказов про партизан, – так же бестолково прочёсывали бескрайние просторы, – а мы – то на одном месте покрутимся, то на другом...

И уже входит это в какую-то особенную внутреннюю память: вот вдоль этой канавки был выход так выход! Идешь, вернее, крадешься, как рысь – и – о, чудо! – вот россыпь маленьких, только что вышедших боровиков! – моих дружков! И никто их не увидел, только рядом – чей-то след, кто-то, не рассмотрев, сшиб один, разломал другой – эти уже полегли в этой войне природы, атакуемые человеком.

Папка учил меня и как срезать, и как сразу на месте очищать, – чтоб меньше нести, чтоб меньше работы дома. Но всё равно я тащил всё – раз уж нашёл, то для количества сойдёт любой! А уж с червяками потом разберёмся.

Горожане скрывались неизвестно где, рассыпавшись по просторам, и понемногу мы оставались одни...

Вот и привал. Уже посреди коренных мест – яйцо, огурчик, чай из термоса – всё вкусно, но есть-то не хочется, хотя утром и не поел ничего – торопился на теплоход – ведь кругом они! – грибы! белые! Наши красавцы, которые уже воспринимал как свои! Как и те места, куда мог заглянуть такой же, как мы – настоящий грибник-охотник, – ну с какой стати, я ж туда вот только что хотел подойти...

Так что привал – тоже быстрый – успеть раньше всех... ведь кроме этой всем видной канавы есть ещё такие прекрасные закутки! Где нагнешься за одним, срезаешь другой, третий – примечаешь... А о четвёртом думаешь – чувствовал я...

Остатки, съедобные – птичкам да мышкам... Пакеты – всё с собой... Ничего не должно остаться такого, что не смог бы бор-красавец принять.

И как же я негодовал (не здесь, в другом бору, ближе к деревне), когда на том месте, где растут грибы, – обнаруживал выкинутый кем-то мусор. Как так можно?! Это ж уникальное местечко – тут же белые! А кто-то навалил пакетов, консервных банок... Насыпать бы ему за шиворот это всё...

Или – ободранный мох... Это вечные городские неудачники – в поисках самых мелких, ещё только вышедших, ещё не появившихся из мха – грибочков! Будто граблями... Не подозревая, что мох-то, чтоб вырасти, десятки лет по миллиметру прибавляется. И это вовсе не грязь, не мусор – всё, что выросло в лесу, – живое... пусть и его есть нельзя – но как же он прекрасен!

И как уродливо, когда он, оторванный от корешков, уже не белый, грязный, потроганный ради чьей-то пустой прихоти: ну сколько им прибавили те малипуськи, что они наковыряли? И вообще – нашли они что-то или нет?

В такие мгновения я негодовал на этих бестолковых, жадных, неряшливых горожан, оставлявших и пакеты, и задранные мхи как свидетельства своей жажды: схватить, потратить, поломать то, что только для них! – пусть всего одну беспомощную пуговку – гриб...

Нет, нам с ними не по пути...

Мы уж как-нибудь, мы уж где-нибудь... Не хвастая своими достижениями – с полными коробами и рюкзаками (у меня с возрастом – всё больше) – это при том, что где-то в начале настоящей «грибалки» папка под кустом сложил то, что я насшибал по пути: обмякшие иванчики, слипшиеся маслята – белые идут! Так что прощайте остальные.

И к вечеру, когда уже не очень-то видно, но всё ещё хочется найти его, самый распоследний, уже ходом к теплоходу... Не опоздать...

И – оставшиеся мгновения – а то и полчаса, – чтоб не тратить его даром, – уговариваю папку соорудить мне удочку (контрабандой я всё с собой прихватил), – чтоб успеть в уже потухающем мире, при свете блёклой зари, погонять пескариков.

Но вот уже вздохи воды, гудки теплохода... домой. К мамке... Пока я терзал мелочь (и свою душу) – поединок в лёгком, малявочном весе – с насадкой из мякиша хлеба – папка успел всё почистить... Ура, домой! Вот бы на обратном пути ещё и с автобусом повезло, с «десяткой», идущей по одному кругу, или с «четвёркой» – в обратную сторону, но тоже к дому. И всё – больше и мечтать-то не о чем...

Так что, оказавшись в этом «Белом бору», – лагере, действительно окружённом тёмными борами, которые я знал лучше многих, – я страдал от их близости... И ещё от того, что был окружён, пусть маленькими, но тоже горожанами, не могущими отличить сыроежку от поганки... Чьими забавами было – бросить сосновую иголку в бочку с водой – и смотреть, как она, как какой-то катер с мотором, – резко разгоняется и несётся до борта, оставляя за собой радужный, будто бензиновый след... Не-е-т! Это не отдых, а каторга! Когда за лагерем вздыхает твой настоящий друг, ожидающий тебя, свободного от всей этой чуши линеек и построений... Шумя кронами, терпеливо снося нашествие, в том числе и дикарей из нашего лагеря, то затевающих на его опушках «зарницы» и «походы» со здоровенными «пионерскими кострами», то – «экскурсии»: это черника, это шишка...

Скорей бы...

И я, и лес были в неясном, тёмном положении, – зная друг о друге то, что недоступно дикарям, общающимся с природой через гербарии...

Были и другие лагеря, на которые тоже уходили лучшие моменты лета. Но то были южные варианты этой ссылки – не такие, там – как будто ехал в гости, к морю. Но не долгожданным гостем, не падая в его необъятные объятия, – нет: купаться вот здесь, за буйки не заплывать, да и по времени – мизер...

Конечно, дай нам волю, мы не то что до посинения бы там торчали – мы бы научились жить в море, стали бы «ихтиандрами»...

Хотя я, как северный человек, имел особое отношение к воде – то есть не любил и не умел плавать: речки всегда холодные, да и учиться плавать негде и не с кем, а хочется всё сразу – взял и поплыл. Кроме того – речки быстрые: переплыть не так-то просто. Заходит человек в одном месте, а выходит вовсе не напротив, а снесённый течением далеко вниз – зачем? Чтоб потом

идти обратно? В чём прелесть? Ну, зашёл, ну, поплескался – и хватит... Ведь река – это тоже часть вселенной, дышащей, полной жизни – в первую очередь – рыб... В её омуты, таинственной глубине – та сила, что даётся тебе, делится с тобою, разговаривая на языке поклёвок, удач, сходов, рыб, мелькнувших белым боком и – ушедших навсегда в тот мир...

И вот – входить в него, бестолково, неумело дрыгаться? Да ну!.. Не-е...

И море, в той же мере, только солёное, только безбрежное, только постоянно волнующееся. Ведь первая мысль – а как тут ловят рыбу? Когда поплавок скачет и скачет? Какая насадка?

На горизонте – какие-то судёнышки... Видать, тянут сети, качаются на волнах. Сетями-то понятно, легче. А нам-то что останется?

Остаётся облизываться на такое количество воды, в которой – недоступные, неведомые рыбы, которые пока что не твои. Значит, и море – не твоё, обособленное.

Смирившись с тем, что придётся убить месяц в таком спелёнутом состоянии, – проводишь время хоть как-то более-менее сносно: забираешься с новыми друзьями в заросли неведомой кукурузы (у нас-то Никита тоже пытался посадить – да выростали только ростки с ладонь, не больше) – и там грызли молодые початки – замирая от страха: вот сейчас найдут, вот дадут по шее...

То так же, в кустах, шепчась, составляли план, как улизнуть после линейки на расположившийся внизу маленький рынок и хватит ли мелочи хоть на какой-то арбузик... Хватало. На маленький-маленький, тонкокорый, ранний – но и этого нам хватало, чтоб разбавить горечь, – мы здесь, а дом и наши реки – там... Там свобода и просторы, где никто тебя не держит, не принуждает что-то исполнять...

Мазались нецветной, манящей и какой-то безвкусной, безароматной шелковицей, которая с виду должна быть вкуснее малины или чего ещё, а на деле, обманывая ожидания, – была просто сладковатой... Но безнадежно пачкающей наши пальцы, рожицы и – рубашки...

Смысл этой траты времени я обнаружил уже потом... Когда узнал, как наши, только посевнее, воркутинцы, на всё лето вывозились в тёплые места. У них-то в июле ещё лежал снег, и даже метели могли быть (даже папка в июле умудрился уши отморозить). Для них составляли целые поезда.

И вот уже в районе Ухты, Печоры, – где начиналась хоть какая-то травка, – дети тащили всё это, украшая свои купешки, дальше – южнее, уже начинались деревца и кустики, – которые тоже, с корнями, и это было не остановить, перекочёвывали внутрь, превращая плацкарты, как церкви в Троицу с повсюду украшенными берёзовыми ветками... Их везли за здоровьем, а не то, как в воркутинской шутке могло получиться так:

– Что ты делал летом?

– Да я в этот день дома сидел...

На фото, где мама, ещё школьница, играет с кем-то на лужайке в мяч – и вот она в «Артеке» – говорит: у меня так всё детство ноги болели, что не-

вмоготу... Вечно раздетые – одеться-то где: перешивали из старого. Помню, бабушка панталоны мне сшила из старой юбки... И вот как отличницу отправили в этот лагерь, на 45 дней... И с тех пор ноги больше не болели.

Вот за это я готов был всё простить Югу, Крыму, неизбежной в начале лета Евпатории-Феодосии или же Ейску-Бердянску.

Люди раньше были как-то дружнее. Ту ранку на затылке, которая мне запомнилась у прабабушки и которая не заживала, а только пульсировала или затихала, – она получила, когда бабушка-учительница с мамой были в другом селе, километров за тридцать.

И вот зимой звонят бабушке, что с прабабушкой такая беда – упала, поранилась... И тут же, сразу люди организовали ей и лошадь, и повозку, – и они с мамкой, не смотря на ночь, пустились в путь...

Как решились? Да люди тогда были посмелее, что ли, сильнее... Лошадка и сбивалась с пути, и забредала в сугробы, откуда бабушке приходилось выводить её обратно на натоптанную дорогу, но всё же быстро добрались, разобрались. Сделали что можно... Ранка у бабушки так и не зажила, просто затянулась какой-то плёнкой, которая мне и запомнилась. Как будто бабушка – утёнок, живой комочек в обрамлении пуха, в который превратились к старости волосы.

Вообще, это внимание, способность думать не только о других, но и за других – спасла жизнь и мамке. В сорокаградусный мороз она однажды пошла прибираться на холодную половину дома – она ж отличница, всё должно быть в порядке... И, слезая с печки, спиной вперёд, наступила на табуретку неровно – и она возьми и упади в сторону, а мама – на бёдра... Да так, что пошевелиться не могла и ползти тоже, – это в мороз-то...

Хорошо, сосед, Ильич – с утра увидел, что дымок из трубы не идёт. Непорядок! Мороз же. И он знал, что мамка здесь. Не поленился, оделся, подошёл к дому – кричит... И мамка, хорошо в сознании, крикнула, ответила... Ильич сломал топором дверь – и вошёл... Вызвал «скорую» из райцентра и меня из города. Так я раньше их приехал... Но соседи, чтоб успеть отогреть, обложили мамку полторашками с кипятком... Не заметили, как ожоги пошли. Из-за этого оперировать нельзя было. Пришлось так полтора года обходиться, чтоб естественным образом срослось.

Сегодня ваш сосед по лестничной площадке способен на такое? Мы же, не замечая этого, жили – ведь так и надо жить – скопом. Забегали в первую открытую дверь (практически все не запирались) – и там нас ждал и хлеб с маслом и сахаром, и нос утрут... И поругает чья-то мама как своего – и ничего в этом не было страшного. Так и должно быть... Мы же, ребятня – одна семья. Только не держите нас, не пичкайте лишним.

Больше моря, воздуха, арбузиков, свободы... А кто в чём неправ – мы не хуже взрослых знаем. Кто жадина, а кто за мамкину юбку прячется – такие в нашей ораве не приживались. Или исправлялись. Вот вырастем, станем взрослее – не будем тратить время на те пустячки, на что они его тратят. Уйдём в тайгу, будем жить у костра, сидеть с удочками, ловить звуки

колокольчиков на донках... Только бы скорее вырасти. Время, время, что ж ты так медленно плетёшься, особенно в лагере, и почему тебя так мало, когда ты в деревне...

Царская доля

Гумилёв называет гармоничными тех, кто успокаивается в привычном состоянии вещей, в установившемся порядке, и пассионарными тех, кто готов, даже ценой жертвы – пойти на неизвестное, людьми длинной воли.

Но человек не рождается таким, да и те всплески и колебания, что мы испытываем в жизни – от порядка – к изменению, от тяги к безмолвию – к действию, от земного – к вечности, от себя – к другим, – во многом непостоянны. И «длинная воля» – это путь тренировки и навыка или изменившихся обстоятельств, в которых находишь новую гармонию.

Я ещё очень мал, неосознанно мал. Воспоминания вытесняются ежедневными, перекатывающимися через сознание, как летний пух, мимолётными впечатлениями. Но вот – резкий слом: наш дом ремонтируют, вернее – ломают печки (а не то для городского дома – это уже перебор, атавизм) – взамен будет газ в баллонах.

Не помню деталей переезда – помню только, что мы очутились у папиного двоюродного брата – в пригороде, в Лесозаводе. Дом, по конструкции, такой же, как наш: двухподъездный, двухэтажный, деревянный – но тут ещё печки. Всё почти такое же – только ковриков побольше – путь от деревни в город у дядьки моего оказался покороче... Кроме того, по моим ощущениям, все вещи, дороги, предметы в мире – были расположены вдоль каких-то невидимых линий (то есть гармонично, ладно, согласованно), либо – поперёк. Так вот, тот же, что у нас, коридор, те же, по объёму, по конструкции, комнаты... Но – расположены поперёк. Это всё, что я помню о том доме, о его положении. И – ночь. Папка приходит откуда-то. Оказывается – недалеко (относительно, конечно, для человека, живущего рыбалкой) – мост через Сысолу (мою реку), и на той стороне – справа, чуть выше по течению – злиянь. Это место, где собирают плывущие сверху свободно – брёвна, проходящие и выше по течению, далеко, в нашем родном, дедовском селе – в Вотче.

Тут он заканчивается – этой заводью, где брёвна сортируют, связывают в плоты. Вот на них папка и стремился порыбачить, оставив нас с мамкой после переезда – к вечеру, расправившись с переездом. Уже солнце село и смеркалось – папка успел выдернуть на берегу, вывернув кочки травы, – трёх миног, чтоб насадить их на донки.

Недалеко, расположившись вольготно, рыбачил городской дядька (все они, на мой взгляд, пижоны).

Где-то плеснула крутая щука – и рыбак этот, не имея понятия, как их ловить, только шумно воскликнул – смотри какая! Вон там...

Там папка и поставил первую донку. На одну миногу, а две других – укрепил слева и справа на облюбованном им местечке.

И – на тебе, пока этот городской суетился без толку вокруг снастей, которыми обкидал всё, у папки – клюнуло. Стерлядь! На одну из донок рядом с ним... Свечка! Это она, точно – да какая!

Папка боролся с этой рыбиной, думаю, довольно долго. По себе знаю, что одним махом её не одолеть, то нырнёт вглубь, то натянёт вдаль, разматывая почти всю леску, то меняет резко направление, то делает сумасшедшие движения, будто пытаюсь встать на хвост, потрясти головой, чтобы скинуть крючок с обиженно оттопыренной нижней губы...

Короче, это заметил и городской, и подбежал (вот это я уважаю) помочь папке со своим новеньким подсачком... Который папке пришлось у него перехватить – городской дядька гонялся за ней сачком, будто за бабочкой, – догоняя на лету, с хвоста, – чего я в пять лет уже свой знал – делать не надо. Надо – с головы! Но вот папка справился, вытащил рыбину... И тут вторая ошибка горожанина – он стал бить сапогом по рыбине в сачке, стараясь её успокоить, обездвигить – и зря!

Стерлядь – благороднейшая рыба, с этими прекрасными рядами шипов-косяшек – очень острых для тех, кто не знает... А городской впервые в жизни видел такую рыбину и разодрал новый сачок ударами об эти острые ряды, как зубья пилы, стерляжьих шипов...

Ну что взять с этих городских неумёх? Короче, подсаку пришёл конец – без ремонта не обойтись.

Ну вот, только всё успокоилось после этих счастливых для любого рыбака мгновений... Ещё поклёвка! Снова стерлядь у папки, на вторую донку! Только теперь подсака-то нет! Вот она, городская неумелость... (наверное, заметно, что всё это я приписывал исключительно горожанам? К которым себя не причислял...).

Теперь уже папка один – выхватил всё же эту рыбку из глубины – после борьбы – на колени... И получилось, что одной рукой держит леску, второй – за хвост, а рыба – на коленях, да какая! И надо перехватить, чтоб взять её надёжней – отпускает леску, за шиворот взять – и в этот миг она стала биться, и за хвост не удержать – бац – в воду! И сорвалась...

Всегда во время этого рассказа руки мои тянулись помочь, успеть схватить – и... ничего не поделаешь, что было – то было... Не переделать (это у Толстого есть повесть с двумя концами – выбирай, какой хочешь, но это неправильно – во всём есть последовательность, внутренняя логика, причины, в той высшей силе, что сотворила всё и всё наполняет... Это если нет Бога, то всё дозволено, любые продолжения). Ну, ладно... Из двух одна – и то отлично. Вообще, как мы с папкой заметили, – многие крупные рыбы как-то ходят парами – поймал на одном месте здоровенную щуку, стерлядь – жди или ищи рядом вторую.

Всё, миноги закончились, да и темнота кругом, и домой надо... И тут на тебе – на выходе засигналила и та донка, на щуку... И тут уж папка не церемонился – поднял её, голубушку, без сачка, схватился за хвост – вывел и рывком, будто смазанную неким облегчающим слоем, вытащил под ноги и прижал её, всё – наша Маша!

И тут, на берегу, папка сделал то, на что я потом годами не был способен, – взял и отхватил половину стерлядки этому дядьке. Во мне всегда всё возмущалось: как это так... Это ж папка поймал! Это ж наше, его, значит, и мамкино, и моё! А он, на тебе, делится...

Потом уже он мне объяснил, что рыба, настоящий, всегда в конце рыбалки делится с теми, с кем ловил... Неважно – кто, неважно – с кем... Конец – делу венец...

На уроках биологии потом мы учили, что обезьяну можно научить пользоваться деньгами, – и она за бананы будет собирать монетки... Но никогда не научишь её делиться, это свойство человека. И в данном случае – настоящего рыбака.

Дальше уже была ночь. На плите печки варилась эта самая царская уха под рассказы о рыбалке.

Остальное, что помнится, – золотые монетки жира, всплывающие по краям этого варева. Ворочающиеся в глубине куски рыбы – от кипящей воды ставшей белёсой, белой, принявшей форму. Взмахи переворачивающихся, выточенных будто рукой древнего мастера – плавников стерляди. И ароматный, ни с чем не сравнимый дух ухи. Под слова о том, что это царская рыба, царская уха... – да, вот это правильно, так должно быть. И – сон...

В который будто упал, и – проснулся уже в другом мире, ощутив, что всё правильно, всё как надо, – благодать даётся тем, кому она положена. И кому, как не папке, урывающему минуты на то, что любит и умеет, чего не хватало в детстве. В отличие от нас, кто знал, как масло намазывают на хлеб, да ещё сверху сыплют сахаром, – будто с рождения, не задумываясь, что могло быть иначе... было когда-то...

Всё правильно, им – живущим любовью – эта благодать, и даже тем, кто рядом, с новеньким подсачком... – держи свою долю.

Жизнь под ногами...

Всё время, какое у меня имелось, – я был готов тратить на лес, на реку – на что угодно, сам уже при случае подбивая папку хоть на несколько часов вырваться за черту общедоступных для горожан мест. Самое ближайшее было сразу за городом, по дороге в нашу – папкину и мамкину – сторону. Маленькому человеку, да ещё пешком или на папкиных плечах – каждый метр и каждая минута, потраченная на ходьбу, даётся-то непросто...

Папка вёл меня вдоль старой железной дороги, вернее того, что от неё осталось: дорогу спланировали ещё перед войной. И успели – протянуть насыпь, да только рельсы проложить не успели – началась война. Всё ушло на знаменитую и в песнях, и в памяти дорогу «Воркута-Ленинград». А насыпь – осталась. Вот она – иногда даже появляется, когда едешь на автобусе туда, в свои края... Может, это спасло многие мои места от разорения.

Вдоль насыпи, обросшей ольхой с осиною, росли в основном «чёрные» грибы – то есть те, что чернеют при сушке: подосиновики, подберёзовики. И редко какой поход украшает что-то особое... Кроме того чувства, что вот опять постоял хоть на первой ступеньке лестницы, ведущей в мир, полный чего-то, ждущего тебя...

Этот улов быстрого, туда-обратно, похода – скорее был просто предвкушением, по-музыкальному – увертюрой к основному произведению, богатому уже всеми оттенками – к лету и началу осени.

Точно так же и походы по грибы в Визинге, – где, как ни странно, я нашёл «первый свой белый гриб» (боровички пошли чуть позже). Там тоже, чтобы дойти до чего-то существенного, надо преодолеть (кроме себя) несколько полос домов, забираясь по улице в гору, затем – череда полей перепаханых и только потом – какой-то ближний лес.

Это были уже мамины места, куда она бегала с детства, где находились заветные, одним им известные закуточки, особо драгоценные своей нетронутостью, поскольку рядом было слишком уж большое село, слишком людное.

Таким местом являлась какая-то особенная кочка, которую знали только мама с сестрой, тётёй Элей, – она покрыта особенной, чёрной брусникой.

И мамины воспоминаия об Эле, которая была старше и всегда заботилась о ней, и её голос из-за кочки: – А у меня лучше! – приманивающий маму, ещё мелкую, только научившуюся ходить туда, на ту сторону кочки, где и правда – больше ягод.

– Иди сюда, у меня лучше! – этот звонкий, заботливый голос тёти Эли, звонок даже после смерти, в маминых воспоминаниях...

Теми же путями, в маминых рассказах, бегали они с другой ребятнёй на пасеку, где пасечник делился с ними и мёдом, и опытом: – В следующий раз с хлебом приходите, без хлеба-то не пойдёт... не наедитесь – а это для вечно голодных, да и раздетых (откуда взяться обновкам?) детишек было как спасение.

И этими же тропками ходили они за бабушками (дедушки-то на фронте) на ближний луг, на делянки, – встречая не только добрых пасечников, но и медведей, от которых куда бежать-то?

Я хоть и мал, но уже знал, что с мамкой и папкой наш поход – так, прогулка... Плёлся позади их – вдоль дорожки до леса прошлись, наверно, и не раз... И тут, как-то случайно развернув, раздвинув какой-то травяной кустик, – вдруг увидел гриб! Папа с мамой впереди – звать, не звать? Зову! И – о чудо! Это же белый! Да какой огромный – ножка чуть не с мою руку

толщиной, а шляпка с пол моей головы. Это сейчас я понимаю, что, может, папа с мамой видели этот гриб сверху и намеренно прошли его... Но тогда – я был свято уверен – это я нашёл!

В конце этого похода папка на дно нашей корзинки положил земляничных кустов – для объёма. В центре мы разместили красавца белого, а по бокам все остальные: наверное, сыроежки-маслята. Что-то такое из другого разряда, из другой лиги...

Вот так с полной корзиной пошли обратно – тоже удовольствие... Да пусть глядят! Пусть бегут неуклюже... – где мы побывали, там уж делать нечего... – мы домой.

Дома, конечно, после чистки – грибов ещё уменьшается. Но тут начинается борьба – хочется, чтоб побольше осталось... Но и преодолеть отвращение – а вдруг в супе или жарком будет червяк? Вот проблема, и не маленькая для меня, тогдашнего... Ещё помнящего гусеницу в помидоре...

– Да это тоже мясо! – встаёт на мою сторону папка... Это он о червяках в грибах, читая об этом по моему напряжённому лицу: лишь бы не покровсали мой первый белый гриб! Первый! Белый!

Вообще, папка напоминал мне какого-то героя, которого я видел в фильмах. Очень напоминал внешностью молодого Георгия Жжёнова – кого-то такого, с такой же тягой к справедливости...

В этих походах, даже по истоптанным, легко доступным местам папка учил меня: видишь человека, что-то собирающего, сделай вид, что тоже собираешь – по грибку, по ягодке, – а сам иди дальше... Мест в тайге хватит всем. Ещё найдёшь. Так принято себя вести.

И я так и действовал, – полагая, что те, кого мы встречали, тоже должны себя так вести: если уж я собираю ягоды, скажем, то пусть остальные не пристраиваются, а идут дальше...

В этом отношении та насыпь железной дороги, как только я вступал на неё – являлась уже только моей, где я постигал искусство – даже рядом с городом, где, казалось, всё натоптано-перетоптано, – научиться собирать так, чтоб не стыдно было идти домой.

Для этого следовало не лениться – внимательно и медленно ходить, будто вышивая коврик – туда-обратно, накрывая своими путями всю площадь. Пусть надо было по насыпи, будто спортсмен на тренировке: лазать вверх-вниз, не упуская при этом направление – где солнце, как оно освещает траву и деревья, как взглянуть, чтоб удостовериться, – есть там что-то или нет? Солнце превращалось в противника – под определённым углом всё прятало... А в другом ракурсе – наоборот, открывало всё! Надо было соответствовать этому, думать наперёд, – вот пройду это брёвнышко, а за ним могут быть подосиновики, ведь сколько раз так уже бывало (и это касалось не только грибов, но и речки – в заводинках, тишинках – таились щуки! Но моя была ещё впереди). А вот тут, где трава и россыпи иголок, – может выйти рыжик... Это знание как-то входило внутрь, в душу, двигавшей руками, ногами, глазами – телом, являясь отзывом на тот мир, который раскрывал-

ся как книга, которую надо читать медленно, вчитываясь в строчки – туда-сюда, иначе пропустишь смысл... Только тут движение было в обе стороны.

В старом прабабушкином доме стоял под провалившейся крышей ветхий станок. Вот на таком они делали свои удивительные половики, – сплетая косички из отслуживших вещей, а затем переплетая их нитками и сбивая в одну дорожку.

У бабы Насты был такой, и мне даже позволили несколько раз пройтись челночком и внести свою лепту в новый половичок. И в этом была правда, – что даже уже ветхое, отжившее – ложилось под ноги, как прошедшие пути, по которым идут новые, молодые...

«И ты хребет свой делал как бы улицей и мостовой для проходящих...»

Так уходила жизнь – и продолжалась. Вечное чудо появления чего-то удивительного, вечные поиски, в согласии с кем-то, кто всё это сотворил... Примирение и радость открывающихся тайн вечного света книги жизни...

Продолжение следует.

Владимир СУМАРОКОВ

Владимир Рудольфович Сумароков – журналист, литератор. Родился и вырос в Воркуте. В 1986 г. закончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. В 1986–1990 гг. занимался преподавательской деятельностью, с 1991 г. – журналистикой. С 2001 г. – главный редактор газеты «Трибуна». Стихи и проза В. Сумарокова печатались в различных журналах и коллективных сборниках. Автор книги: «Единственная тюрьма» (1992), «Агарь» (2000), «Коми на переломе» (2013), «Злоба дня» (2014).

Осень

Стихи

* * *

Вот ты думаешь, что я старый юрод,
сумасшедший с ухмылкой джедая?
Я подпольщик, готовлю осенний переворот,
смазываю револьвер, патроны перебираю.
Заговорщик, погромщик, толпы кукловод,
и об этом ты скоро узнаешь:
осень в город придёт – флаги ветром сорвёт,
разбегутся все полицаи.

Революцию жду в первый снег, к октябрю,
леденящую месть предвкушаю.
Я предателей список в подкладке храню,
и ты первая в списке, родная.
Наши город возьмут – я тебя погублю:
Разлюблю! А потом расстреляю.

* * *

Мы загадали когда-то – и выпал бонус
вместе стареть в пейзаже, что прян и солон.
Я по камням скитаюсь, как мрачный голем,
ты по утрам уходишь молиться к молу.

Волны считают камни нестройным хором,
ветер гундосит, как рабби над списком Торы.
Даже в молитве от гнева дрожит твой голос,
смерть медитирует рядом, внимая волнам.

Осень уже проверяет на прочность окна,
в двери колотит и в ставни швыряет солью.
В доме у моря, где мы однажды сдохнем,
нас не в обнимку найдут, а порознь.

* * *

Прорывается она, как герпес, наружу,
застарелая любовь в крови убивает тихо.
Полечи её – найди шалман да поглубже,
без окошек, где один только выход.

Там, где кровь пускают медленную, гнилую,
Бьют кабацким резаком, норовя в печень.
Эта боль, конечно, не заглушит другую,
Но тебе, дружок, станет легче.

Ты мне не оставишь надёжных следов и свидетельств,
ни шрамов глубоких, ни грубых кровавых отметин.
Ты станешь фантомом, лучом inferнального света,
мерцающей нежитью, фейри из древнего склепа,
из сущностей тех, что всегда исчезают с рассветом.

Нам счастье до неба пророчили все звездочёты,
армянские звёзды в буфете за час до отлёта
сулили нам радость, в которую если залезешь по локоть,
вдруг кажется, будто весь город зашёлся в восторге,
таксисты клаксонят и музыка хлещет из окон.

Как обод у чашки, скололась с небес позолота.
И нынче в свидетелях только углы и пустоты
холодной квартиры, где лишь сквознячок эшафотный,
где мёртвые звуки в пыли залегли как пехота.

Тебя подтверждает наличие боли височной,
как мины замедленной безоболочной,
на точное время уже заведён молоточек.
Тебя подтверждает навеки контакт обесточенный,
пропущенный вызов, как пропуск просроченный.

А утром, родная, тоска ледяная
тебя подтверждает. Не отпускает.

* * *

За ваш роман спасибо алкоголю,
а брюту белому – особенный респект.
На почве трезвости ты стал опасно болен,
утратил резвость и лицом поблек.
Но было время, славное в начале,
до первой мути, плещущей в глазах,
когда вы карты вин перебирали
и пировали в тёмных погребках.
Ты весел был, не чуявший капкана
любви последней, длинной, как война,
в том холодке игристого романа,
в той женщине, которая пьяна.

* * *

Каждое расставание только меняет числа,
выглядит одинаково – пафосно или кисло.
Сколько ни репетировал, прощаться не научился –
с ледяною улыбкой и холодком подкожным.

Пугаешься в шнурках и замираешь в прихожей,
подбирая слова, самые глупые из множеств,
главное, чтоб звучали пожалуйста да пострашнее.
Даже ударить – и этого не умеешь.

* * *

А когда во тьме уже не спастись,
а когда ни родины, ни пути,
затеряйся в мирах кочевых, чужих,
приблудись к их улусам в ночной степи,
поклонись их божкам в небесах пустых.

Но зато там в полнеба горят костры
и под ветром сухим шелестят шатры,
там покорны рабыни, щедры гурты.
Ни любви, ни ярости, ни хандры –
только сонная скука степной орды.

* * *

Лёгкий мандраж, томление между пупком и коленями,
как перед дракой уличной, тёмное вдохновение,
как перед первой строчкою или первым соитием,
перед любой случайностью, ставшею вдруг событием.
Если бы знал заранее, вышел бы в победители.

Среди других случайностей, в мире не обязательных,
смерть не такая уж цаца, чтоб вызывать спасателей,
чтобы, в подушку вжавшись, прятать лицо заплаканное.

Дело сугубо личное, хоть и слегка волнительное.
Пялясь в окно больничное, не утруждай Спасителя.
Для доходяг безбашенных дело вполне обыденное –
где и когда, неважно – стать навсегда невидимым.

К белой конечной станции путь в семафорах капельниц.
Где и когда – неважно.
Ни торжества, ни таинства.

НОСТАЛЬГИЯ

Повыщвели лики на мятых футболках –
Гевары и Меркьюри, в венчике коки.
Свинец остывает, ржавеют иголки.
Вчерашние боги, как вы одиноки!

В краю вертухаев, дремучих пророков,
опущенных глаз, зарешеченных окон,
парадных мундиров, церковного глянца,
где носят на «тельниках» лидера нации,
вы вышли из моды, красивые боги,
что были для нас героинем эпохи.

А нынче на майках, народом носимых,
улыбчив, открыт, как гэбэшная ксива, –
страны несчастливой
герой некрасивый.

* * *

Нас друг за другом, детства соучастников,
стирает время твёрдым школьным ластиком.
А призраки, при внуках и при галстуках,
печальной стайкой бродят в «Одноклассниках».

Мои дружки, не худшие, не лучшие,
хоть лавров не стяжали, но не ссучились,
ни разу не замечены в отличниках,
ни в первачи не вышли, ни в опричники.

Я знал их под другими аватарками:
«Шуруп» и «Череп», с чёлочками «лесенкой»,
на кулачках пластались, кровью харкали
и девочкам своим лабали песенки.

Оценочки, проставленные в табелях,
и выцвели, и некому показывать,
но ни на миг единый не состарились
те девочки, которых в песнях славили.

Ах, девочки, коленки, щёчки-яблочки...
На платица не ляжет пыль архивная,
мы вам споём на всех небесных лавочках,
застенчивые, нежные, любимые.

* * *

Там, где чёрные бронхи деревьев, фарфоровый звук,
покури с нею вместе, с осенью, на ветру,
подкадрись к ней за всех приставучих мужчин:
«Барышня, я сегодня один...»

Как цыганка, стрельнёт сигарету и молвит, смеясь:
«Я была золотая, а нынче – слякоть да грязь.
Доктора говорят, им же платят, наверно, не зря,
проживу ещё долго, возможно, до декабря».

Погляди на прохожих: зонты, капюшоны без лиц.
Чтоб тоску твою вылечить, нету таких больниц.
А пока ещё осень, пока не кончается дождь,
покури, порадуйся, что живёшь.

* * *

Мы над смертью смеялись –
и старость друг другу накаркали,
с её пигментными пятнами, носогубными складками,
порошками и травами, сонниками и страхами,
запрещающими солонку, пепельницу и сахарницу.

Как глухонемые любовники, шифруясь тайными знаками,
будем снова встречаться, как в молодости, украдкой,
приходить на кладбище, ухаживать за оградкой
и любовь усопшую по-стариковски оплакивать.

* * *

Деревянный идол не знает, зачем бывает такая тоска,
и особенно в засуху, в глазах невольниц.
Даже лучшая пленница становится не близка,
а ведь ты убил за неё двух воинов.

До сезона дождей ловишь ветер скупой рукой
и, божку угождая, сулишь награду,
он лишь мутную влагу да чёрный зной –
больше ничего не умеет угадывать.

Бог не знает, зачем на свете такая печаль
у погасших костров, на звериных тропах.
А рабыня сидит на камне и смотрит вдаль,
и её не радует мёртвая антилопа.

* * *

В нашем роду, мой мальчик,
мужчины в постелях не умирают,
труса не празднуют,
спин не показывают врагу.
Старость позорна, а смерть ничего не значит,
кроме последней встречи на берегу:
тьень на песке и тусклый меч самурайский,
честный клинок, для тебя его берегу.

* * *

Как вспомнишь – так прихватывает горло,
и прошлое колотится под дых.
На молодость оглядываясь гордо,
ты видишь их – дружков былых, крутых,
в сырое небо заряжавших порох,
злым огоньком прикуривавших в спорах.
С бравадою безбашенных сапёров
укоротили свой шнурок бикфордов,
на фейерверках выгорев лихих.

Ты не предашь их ни душой, ни словом –
шалльных, бухих наперсников бедовых –
на новичков не выставишь в обмен.
Да, опоздал к друзьям на целый век,
но без тебя неполон мартиролог.
И молодость – ты ей остался верен –
вновь подмигнёт, как вечная Кармен,
и разольётся розовым портвейном
по пересохшим руслам древних вен.
Как это утешительно старпёрам –
что старым дружбам не было измен...

Но вместо звёзд давно зияют дыры
той, берегов не знавшей, Атлантиды,
её бесчинств, и славы, и тоски.
Раз опоздал – запишут в дезертиры.
И ты боишься их кривых ухмылок
и в пустоту протянутой руки.

В дырявом небе жизнь не отразилась,
ты молодость читаешь, как папирус,
которого забыты языки.
Всё реже снятся мёртвые дружки,
и лишь былые ржавые обиды
ещё во сне сжимают кулаки.

ИЗ ВYЛӨ ИЗ

Роман

Заводитчöмыс 2021 вося 3 номерын

Мөд глава

1

Важтыбокса шөр школаын Андрей Игнатов помаліс көкъямыс класс. Позис велөдчыны сәні водзө да босьтны аттестат. Мамыс сідз и тшөктө вөлі. И вежаныы сы дор муніс: врачө пө сәсса велөдчан. Но Андрейөс өні бурдөдчан удж эз кыскы. Сылысь вежсө петкөдлісны трактор да машина вылын журъялысыяс. Телепит аслыс руль сайө пуксыыны, өдйөджык босьтны специальносът да нажөвитны сьөм.

Анфисалы жаль писө лэдзны. Гортсыыс ас шөрысь некытчө на дыр кежлө эз ветлы. Йөзыд йөз и эм. Кодарө на удайтчас ветлөмыд. Лөк морт шөрө мед эськө эз веськав. Мукөдыс томысянь шпанаөн быдмөны. Кык син костысь ныртө нетшыштасны. Друг да татшөмыскөд паныдасяс? Анфисалөн сьөлөмыс абу местаын. Сёр рыт-нас матыстчис крөвать дорө, көні крепыда узис сьлөн мам пиыс, Öнюшыс. Небыдика малыштис сылысь юрсисө. Синваыс ачыс тюрөбтис. Гусьөн, пидзөсчанысьөмөн шлюпкис-бөрдис.

Мөд лун асылө петаліс Мальковьясө. Петя Мальков оліс карын. Том, зэв ён да повтөм зон. Талун лөсьөдчөма бөр лэччыны. Анфиса кевмысис сылы:

– Колльөд Öнюшөс карөдзыс. Паракод вылас синйышт, быдсяма шпанаыс өд шөйтө. Пола,

Алексей МИШАРИН

Алексей Васильевич Мишарин чужис рабочөйлөн семьяын 1949 вося апрель 5 лунө Көрткерөс районса Шойнаты сиктын. 1969 воын помаліс Сыктывкарса сельско-хозяйственной техникум. Уджсыыс орөдчывтөг велөдчис инженер-механик вылө Ленинградса Лесотехнической академияын. Став олөмыс да уджыс вөлі йитчөма сикткөд да видз-му овмөскөд. Кызь во веськөдліс видз-му овмөс предприятиеөн. Россияса гижысь котырө пырысь.

мөдъсы на сөмын карө лэччө. Экзамен вылас мекөд лэччыліс. Ме сэки пинь пукталі карас.

– Эн пов, Анфиса тьöt, – вочавидзис Петя. – Колльöда питö, меным абу сьöкыд. Ас дозьöр улö босьта. Тьötка дорöдзыс вайöда.

Рытнас Мальков нуöдіс Андрейöс пристань дорö. Öтлаын сölісны нэмөвöйся «Бородино» вылö. Андрей лэччис ветлысь-мунысьяс пукаланінö. Пуктіс нопсö тупкыса пуклöс улö. Думыштіс нöшта öтчыд гөгöртны синнас чужан сиктсö. Öні югыд на, унатор аддзылан. Нимкодъысла, мый карö лэччö, сьölöмыс тіпкөмөн тіпкө. Котөрөн кайис крут содйöд палуба вылö. Паракод торйöдчöма нин берег дорысь да шлопкис-петіс лопта көлесанас ю шөрö. Берег пölөн сулалісны колльöдчысьяс, öвтчисны. Андрей тшötш лэптыліс кисö. Чайтіс тöдса чужөм аддзыны, но син улö некод эз усь. Сулаліс, видзöдіс берегдорса керкаяссö, ыгшкөм öшинь увьяссö, веж корья пуяссö. «Медводдза пристаньöдз сулышта нин», – думыштіс ас кежысь.

Медводдза пристаньö «Бородино» сувтліс бөр-водз и пыр жö öддзис горув.

– Со тэ көні вölöмыд, – кыліс бөрсянь Мальковлөн гөлöс. – Пырав, видзöдлы, нопйыд места вылын абу.

Андрей крут содйöд лэччис паракод пытшкө, лэптіс пуклöс вевтсö. Нопйыс вöлі сэнi, сөмын вөрзылöма.

– Аттьöав менö. Эг кө ме тані вöv, нопйыд эськө тэтöг муніс, – шуис Мальков. – Гусьыслы пель дінас школөбті, да öні на зуньгыртчөмөн пыді пельöсас пукалö. Лок петкөдла.

Пыді пельöсын пукаліс лёкиник паськөма шөр арлыда мужичöй. Кисö чужөм бокас пуктöма да син бөжнас кыйöдіс локтысьясöс.

– Пель дінас школөбты, – индіс Мальков гусь вөр вылö.

– Ме? – повзис Андрей. – Тэ вачкөмыд нин да, ме некор на эг тышкасьлы верстьöяскөд, пола.

– Эк, тэ-э, – дивитана нюжöдіс Мальков. – А нöшта карын велöдчыны көсьян. Карад мед кабырыд ён вöлі, ас вöсна мед сулавны верман.

Андрей пель йылöдз гөрдöдіс, көсйис вешйыны, но друг матыстчис да зургис гусьверлы киас, кодөн вöлі тупкөма чужөмсö. Зургöмыс артмис кызкө небыдика, быттö малыштiгмоз.

Мальков килькнитіс-серөктіс, но нинөм эз шу.

Водзö карöдз воөдчисны лючки. Мальков, кызди көсйысис, колльöдіс Андрейöс Наста тьöt дорöдз, кодi лöб батыслы ылысса рөдняөн да олiс ас керкаын Свобода нима улич вылын. Сэнi и торйöдчисны.

– Ковмас кө, матыстчыв, – кисö нюжöдіс Мальков. – Ме ола со эсiйö уна патераа керкаас. Дас öкмысöд, эн вунöд.

Наста тьöt вердыштiс Андрейöс.

– Оланінсö техникумыд сетас? – юаліс пызансö идралiгмоз.

– Көсйöны сетны.

– Бур, ми унанöсь да, дзескыд лöб, но тэ верман воыны. Кор көсьян, сэк и лок.

– Вола.

Сыктывкарса видз-му овмөс сөвмөдан техникумын первой во заводитисны велөдны техник-механикьясө. Велөдчаніны, важиник пу керка, йөршитчөма партия обком мыш сайө.

Андрей водз асывнас на сэтчө локтіс. Сулаліс коридорын да виччысис директорөс вежыссьө: сійө пө сетө общежитиеныс места.

Местаыс вичмис пөвйөн эжөм кык судтаа керкаыс, коді сулаліс Пушкин нима улич вылын. Олан жырйыс вөлі ули судтаас.

Кык вой и узис сэні Андрей. Эз кажитчы сэтчөс оланногыс. Öти-кө, жырьяс овмөдісны көкьямыс мортөс, а мөд-кө, вывті шума: коді петө, коді пырө. Мукөд велөдчысыс, армия бөрынөсө нин, локтасны войнас гуляйтаниныс да биасысны. Заводитасны ошйысыны, кызди кадсө коллялісны. Андрей, көть ыджыд семьяын быдмис, тадзи овны эз көсйы. Да-й татшөминад велөдчынытө сьөкыд.

Сэки оланінсө бокыс көртымалысыяслы техникум мынтыліс этшаник сьөм. Андрей локтіс Наста тьөт дорө. Висьтасис, сідз и сідз, корся пө оланін. Донсө сетө техникум. Наста тьөт неылыс и индіс керйыс тшупөм кык судтаа керка вылө: со пө вылыс судтаас Закарсыктыс вөвлөм поплөн ныв олө, Анюта. Нэмсө поп Анютаөн ыдждөдлөны. Горгас прамөя оз овлы. Төвйыны ветлө ныв дорас Геленджикө, а патерасө дон вылө көртымалө. Буретш сійө керкаас өти жырйын олө батысянь нөшта өти рөдня, Яков Анна.

Андрей төдө сійөс. Техникумө экзаменьяс сдайталігөн сы дорын олыштис. Мамыс пинь пуктавын тшөтш лэччыліс. Гөз-мөд вой и узис пиыскөд раскладушка вылын. Кутшөм узыөм? Вольпась пыдди важ шебрас. Зонка мед оз усь джоджө, зіліс кутчысыны дор йылас, быд вөрөдчыштөмыс раскладушкалөн көрт рамаыс дойдіс боксө, но терпитіс. Сылөн лысьөмыс небыд на, эз өна мудз, а мамыслы йөршитчыны раскладушка дорыш вылад абу прөстө. Кыдзкө тай войяссө коллялісны жө. Мамыс эз кут норасыны, кор Андрей юаліс сылыс, кызди узис. Яков Аннаыд бурджыктор Анфисалы эз вөзйы. Позис, дерт, джоджө вольсавны. Раскладушка дорсьыд век нин лөсьыдджык, но Яков Анна чөв оліс, а Анфиса, тыдалө, эз лысьт корны вольпасьсө. Сійө луньясө ывлаын зэрис, джоджад шебрас кежсьыд эськө көдзыд лои.

Наста тьөткөд локтісны поп Анюта дорө вөзйысыны. Лэдзис өд пыранінас, инпөв кодь жырьяс, коді өтпырйө вөлі пөрчысянінөн.

– Вольпась көлуйсө, шуан, техникумьян сөтөны? Раскладушкаыд эм, сы вылын узылан. Сөмын пескыс аслад, – индіс дзоляник плитаа пач вылө. – Ме сарайөс игнала.

– Пессө пөпугтө совхоз машинаөн ваям, – көсйысис Андрей.

– Пусыны кутан ачыд, – пыр жө өлөдіс Яков Анна, коді тшөтш вөлі сөрнитігас.

Яков Анна оліс ылі муыс мырдөн вайөдлөм поляккөд. Вольдемар латшкөсіник тушаа, ош кодь өн. Уджаліс Гөрд Затонын кузнечөн. Яков Аннаыс вылө эз петав, сөрніө эз суитчыв. Корсьюрө висьтавліс шмонитана анекдотьяс. Узыны водліс водз, а квайт час асылын удж вылө нин муңліс.

Регыд мысти поп Анюта лэбис лунвылө. Андрейлы пес эз на вайны. Ывлаыс кодздөдiс, и къртымалөм жырйын өтарө ыркалiс, лов шы весиг төдчис. Велөдчанiнысь воас Андрей да электрической плиткa вылын шыд пуө. Сөйыштөм бөрын шоналыштө вир-яйыс, но тайө абу дыр жежлө.

Өтчыд восьтылiс Яков Анналысь өдзөссө – шоныдыс паркнитiс чужөмас. Пыралiс да сулыштiс өдзөс дорас, шонтысьыштiс, а то кодзыдiнад олiгөн зонкаөс заводитiс кызөдны.

Шонтысьны пыравлiс некымынысь. Жырйысь нинөм эз вөрөдлы, но коркө Яков Аннаыд локтiс удж вывсьыс да Андрейөс бөрдтөдз пинялiс. Вөлөмкө, өдзөсас пысавлөма асьыс юрсисө, пас пыдди, а зонка төдтөгыд восьтылiс өдзөссө да пассө ородiс. Та бөрти Яков Анна аслас өдзөсө өшөдiс томан.

Коркө сэссия Андрейлы машинаөн вайисны пес.

– Кытчө тэча? – юалiс Яков Анналысь. Сийөс поп Анюта колис ыджыд пыдди, да тайөн Яков Анна пыр ышнясьлiс.

– Со пос дорас, керка вевт улас тэч.

Андрей тэчис тшөктөминас. Пескыс улькодь, ломтысьөм пыдди ёнджыка сiльгис. Жырйын гажтөм и кодзыд, йирмөг босьтө. И лов вылас зонкалөн гажтөм, сьөлөмыс гудрасьө. Андрей висьмис, температуритiс. Шыасьлiс бурдөдчанiнө, да бура дыр ковмис апапны лекарство. Весиг висигас Яков Анна ас дорас эз корлы шонтысьны.

Посводзянь позис пырны нөшта өти торья жырйө, көнi өдзөсас век өшалiс томан. Өтчыд Андрей локтiс техникумысь да аддзө: томан абу, а жырсьыс петiс шөркодь арлыда нывбаба. Вөлөмкө, Анна лэдзөма выль олысьясөс, гозьяөс. Андрей төдмасис накөд. Виль олысьяс вөлөмабсь шаньбсь, пыр жө зонкаөс корисны гөститны. Сийө тшөкыда пыравлiс на дорө. Налөн жырйыс пыр ониш вөли.

Коркө Яков Анна дорө локтiс Закарситкса школаысь директор Марья Сидоровна. Аслас верөс пыр лоө рөдняөн Яков Анналы. Гөстяыд заводитiс юасыны Андрейлысь, кызди олө да велөдчө. Андрейлөн сы мында нин ас пытш-кас чукөрмөма өбидаыс, мый ас төдлытөг зонкаыдлөн синваыс петiс. Синва сорөн и висьтасис.

Рытнас Яков Анна инпөлын гөстялы пызан лөсьөдiс. Марья Сидоровна пуксис пызан сайө да быттьө нарөшнө чукөстiс зонкаөс:

– Андрей, лок тшөтш матыстчы, ужнайтам.

– Сийө ачыс пусьө, – пыр жө вомалiс Яков Анна.

– На кампет да прениксө коть босьт, – Марья Сидоровна мыччис чөсмасянторсө. – Тайөс ачым лавкаысь ньоби, да оз ков юасыны.

Яков Анна чушсө пыр и нюжөдiс. Эз кажитчы гөстялөн сыысь вылө петөм, но нинөм эз шу.

Марья Сидоровнаөс узьмөдiсны шоныдiнө, Яков Анна жырйө, паськыд диван вылө, кодөс ёна видзис, мед оз мисьтөммы. Яндысис директор морттө инпөвса джоджө водтөдны.

Аскинас вöлі шойччан лун. Техникумö мунны оз ков. Марья Сидоровна ньöбöма чипанпиянöс. Корис Андрейöс отсыштны нуны автобус станцияö. Зонка пыр жö кöйысис. Босьтис сылысь кöрзинаын дзользысь чипанпиянсö да нуис автобусöдз.

Марья Сидоровна воис сиктас да норасис Яков Анна вылö мамыслы. Коркö сэсся Анна кайліс гортас. Локтис да лöзсьыс-лöз: эштис и ыждавны Андрей вылын. Эштис и кратайтчыны. Медбöрын скöрысь шуис:

– Со мый, Öньö, менö мамöй тэ понда прöстасьыс видіс. А коді тэ меным? Бокöвöй морт, и тöдны сэсся тэнö ог кöйы!

Öвтыштис кинас да пырис аслас жырьö.

Яков Анна чушгьяліс, а верöсыс сылön, Вольдемар, чöv оліс.

Век жö быд субöта Андрей да поляк Вольдемар öтлаын ветльвлісны öтувья пывсянö, коді сулаліс Ленин нима улич помын. Поп Анюта керкасян матын, сы понда и волісны сэтчö.

Öтчид, кыдзи и пыр, локтисны, пöрччысисны да пырисны мыссян жырьö. Андрей сöмын мыссьыліс, корöсьөн швачöдчыны эз пыравлы, а Вольдемар радейтис пöсьнас небзьöдчыны, велалöма войвылад олігön.

Андрейлы пывсянас регыд мысти нин эз ло лöсьыд. Мыссянінас уль ру бовгьяліс, сынöдыс вöлі сьöкыд, муртса удитис майтöгöсь мöчалканас зырыштчыны, юрыс кутис бергавны. Видзöдö – Вольдемар некön оз тыдав. «Кöджас виччысьла», – думыштис зонка, пожйыштчис кыдз веськалö да петис пасьтасянінö. Помнитö на, кыдзи шкап öдзöссö восьтис, а сэсся синмыс пемдіс, и ачыс эз тöдлы, кыдзи шнөпкысис шкапа-скамья костö. Паляліс – кутшöмкö мужик нашатыр спирта вата ныр дорöдзыс вайöма.

Зонкалы яндзим, юрсö лэдзöмön пасьтасис да петис ортсы жырьö, көні вöлі торгья пуклөсьяс, медым пывсьысьяс вермисны шойччыны. Пуксис пуклөс вылö. Мужикгьяс, кодгьяс адззылісны сылысь усьöмсö, довкнитльвлісны юрнаныс да öта-мöдныслы мыйкö шуалісны.

Мыгчысис Вольдемар. Андрей, нем думышттöг, пыр и ошйысис: садьтöг пö усылі.

– Вешйы ме дорысь, быттö ми абу тöдсаöсь, – Вольдемар повзьöмпырысь чепöсйис бокö.

Пывсянысь петісны да, торйön муніс.

Рыгнас Яков Анналы бур ру воöма, да велöдіс: пывсянад пö тшыг кынöмön оз ков мунны. Сійö асьсö сюсьөн лыддис, уджаліс пинь бурдöдчанінын санитаркаөн да...

А усылан лунö Андрейлön весиг няньсö ньöбны сьöмыс эз вöv. Шкапын куйліс ичötик көрыш. Чорзьöма нин, но медым, шыд тасьтіö пыриктöмön сёяс. Кор Вольдемар нуöдіс пывсянö, видліс сьöмсö. Буретш пывсянö билет ньöбны тырмö. «Пывсьытöг кольны оз позь, – шуис аслыс да асьсö такöдыштис на: – Нянь вылас Наста тьötлысь удждыла». Сөйтöг и муніс пывсянас.

Мöд луннас вöскресенньö, шойччан лун. Тайö лунö Яков Анна гозгья дыр узьöны. Дас час лунын сöмын мыгчысьöны. Андрейлы оз узьысы. Нянь

көрышсө рытнас шыд пиө пыриктөмөн сөйис. Асыв кезлө коли сөмын шыд пыдөсыс. Рытнас мырдөн колис. Эз эськө пөт, но асьсө венис. Сөяс кө, асывнас певсө лоө нөнявны.

Стипендияөдз быдса вежон. Пукалө да думайтө, кор Наста тьöt дорө петапны. Часи вылын муртса сизимысь петөма. «Час, нөшта видлала зепгьясөс. Гашкө, кутшөмкө пельөсысь грөш коть сюрө», – мөвпыштис зонка. Öтилаө пыралис, мөдлаө кисө суйлис. Пинжак морөс зепсыс, кытчө пуктылө авторучкасө, кыскис ёкмылялөм ичөтик кабалатор. Лөзов рөма да, первойсө чайтис вит шайтаөн. Весиг радлыштис, вомыс шешмунли, но кор паськөдис сюрөмторсө, вомыс пыр и тупкысис. Вөлөмкө, лотерейнөй билет коркө босьтсьылөма. «Чөртид, – видыштис асьсө. – Эг кө босьт, тайө сьөм вылас дзонь нянь тупсө өни позис ньөбны. Бара өти лун пөт кынөмөн эськө оли». Лыддис билетсыс, мый воөмсө буретш тайө лунө лоө йөзөдөма. Почта вылын позяс төдмапны. «Гашкө, мыйкө усьө, – думыштис ас кезысь. – Первой почта вылө ветла, а сөсся вөлись нин Наста тьöt дорө». Колө виччысьны өкмыс часөдз. Буретш сәки почтаыс вөссьө. Да, колөкө, оз пыр жө газетсө өшөдны, сөрөнджык мунас. Öни нурьясыс шыд пыдөснас да лыддысьыштас. Выльлунө математикаысь контрольной, колө дасгысьны.

Муртса точкис өкмыс час, Андрей почта кильчө вылө нин сувтис. Дырджыксө виччысьны терпенньөыс эз тырмы. Пырис, газетид өшалө. Морт вит сулалөны, билетгяс видзөдалөны. Андрей кыскис асьыс да тшөтш кутис синйыны. Öтчыд син пырыс нуөдис, мөдысь... Мөдысяс и крукасис, сылөн паса билетгис эм! Усьөма дас вит шайт. Андрейлөн весиг пөсь чепөсийс кымөсас. Радысла сьөлөмыс кутис чеччыны. Ачыс эз эскы, мый тадзи везитис. Выльысь лыддис да вөлись нин матыстчис стеклөа пызан сайын пукалысь почтаса уджалысь дорө.

– Кора прөверитны, – Андрей полігтырйи мыччис билетсө.

Почтаса уджалысь босьтис билетсө. Здук кезлө копыртчылис аслас кабала-яслань да нюмдіс:

– Дас вит шайт воис.

– Шуда вөлөмыд, – кылис бөрсяныыс.

Андрей тайө здукас и збыльысь асьсө кылис шудаөн. Петис почта вылысь да бытгьö бордгясис, сэтшөм долыд лои.

Бөрө коли медводдза велөдчан во. Восө Андрей помалис бура, «нөль» да «вит» вылө. Нимкодгысла, мый регид аддзысыс матысса рөднякөд, карын сөсся өти здук эз ов, кайис Важтыбокө.

Оз весьшөрө шуны: войвылад пө гожөмыд көч бөж кузьта. Зонка эз төдлы, кыдзи исковтис шоньд да гажа кадыс.

Арнас воис карө да первойөн локтис Наста тьöt дорө, а сөсся мөдөдчис поп Анюталы бара вөйгысьны.

– Яков Аннаид мунис сы дорысь, – петігас нин висьталіс Наста тьöt. – Сылы удж вывсыныыс патера сетөмаөсь.

Поп Анюта паныдаліс зонкабс кӧдзыда. Порог дорянь на чорыда шуис, медым корсис выль оланін. «Тыдалӧ, мый вылӧ кӧ дӧзмӧма», – думыштис Андрей, кӧйгырасыштис-педзыштис пыранас да петіс.

Збыльвылас поп Анюта эз прӧстӧ дӧзмы, а лӧзӧдліс весиг. Кор сылы тувкнитіс юрас, гӧгӧрвоис, кодӧс лӧдзис патераӧ, кутшӧм рӧдысь лоӧ зонкаыс, сылӧн Педӧр Иван дорӧ сьӧлӧм бердас чусалысь лӧглуныс выльысь ыпнитіс-ӧзйис да чеччыштис-вуджис внукуыс вылӧ. Ӧні сійӧ лӧгаліс Андрей вылӧ сідз жӧ, кызди и пӧль вылас. И кӧть тӧдіс, мый батыслӧн, батюшко Ӧлексейлӧн, кувсьӧмын зонкалӧн мыжыс абу, аскӧдыс нинӧм вӧчны эз вермы. Скӧр видзӧдлассыс бытгӧ би киньяс сьявкйисны да эз кусны сэтчӧдз, кытчӧдз зонка бӧрся эз пӧдлась ӧдзӧсыс.

Жугыль чужӧмӧн Андрей бӧр локтіс Наста тьӧт дорӧ. Тьӧткаыс эз дыр думайт, петіс кильчӧ вылӧ да индіс Андрейлы пелькиник, стӧкан кодь, кум жырья керка вылӧ, коді сулаліс неуна бокинджык.

– Тані олӧ ӧтка пӧч, Важтыбокын чужлӧм морт. Вӧзйысям сылы.

Петісны пӧч дорӧ. Наста тьӧт ӧна Андрейӧс ошкис. Пӧчыд и небзис сьӧлӧмнас.

– Пес пыртан да ва ваявны кутан, – медбӧрын шуис сійӧ.

Андрей радпырысь кӧсйысис. Велӧдчӧм помӧдз оліс тайӧ пӧч дорын. Зэв шань морт вӧлӧма.

Яков Аннакӧд зонка сӧсся эз паныдасылы. Ӧтчыд, дыр мысти, аддзыліс Вольдемарӧс, весиг чолӧмасис, но мӧдыс бытгӧ эз тӧд сійӧс...

Сюрс ӧкмьссӧ квайтымын ӧкмысӧд вося тӧвшӧрын Андрей помаліс техникум. Босьтіс техник-механикысь диплом. Помавтӧдзис на кутіс юрсӧ жуглыны: кодарӧ сетчыны удж вылӧ.

– Кытчӧ мунан? – юасисны ӧртъясыс.

– Ме Ягдорӧ кая.

– Ягдорӧ? – чуймисны найӧ. – Первойысь кылам, кӧні сійӧ?

– Ылын, карсянь сӧ верстысь ылынджык лоӧ, дзик Париж кодь. Сӧмын керкаясыс ляпкыдикӧсь, керйысь тшупӧма да асфальтыс кизьӧр, – шмонитіс зон.

– Ха-ха-ха, и колӧ сэтшӧм грездас мунны! – сералісны ӧртъясыс. – Тэ жӧ бура велӧдчин, вермин кар бердӧ кольчыны.

Но Андрей сӧмын кияссӧ паськӧдліс. Сійӧс и мамыс нин кымынысь ӧлӧдіс:

– Эн ылӧ мун, регыд армияӧ босьтасны.

Андрей кӧсйысис мамыслы гортсяныс матӧджык удж корсьны. Сылы збыльысь позис ас окоа серти местасӧ бӧрйыны, но аддзис газетысь, мый кум колхоз подув вылын во сайын лӧсьӧдӧмаӧсь Ягдор совхоз, да ыштис. Мамсыс гусьӧн гижис сэтчӧ письмӧ. Директорыс, Иван Максимович Сидоров, мӧдӧдіс вочакыв: лок пӧ, аддзам колана уджсӧ.

Анфиса, кор тӧдмаліс, увгис, ӧна дивитіс. Бӧрас сӧсся раммис да велӧдыштігмоз шуис:

– Сідзкӧ чойыдкӧд ӧтлаын олыштан.

Галя чойыс буретш Ягдорын уджаліс вый вөчан заводса мастерөн. Коркө мамыс чуйдліс сійөс мастераc велөдчыны. Ачыс сэтшөминас уджавліс, да сы вөсна.

Ягдорса овмөслөн кантораыс сэки важся керкаын йөршитчис. Выхьсө брусысь орччөн муртса на панөмаөсь.

Веськөдлысьлөн жырйын сулаліс турунвиж вевтгьода ыджыд пызан. Шпалеритөм стенын өшаліс Ленинлөн важмөм да гут ситөн тырөм портрет. Портрет улас, ас вөчөм тумбаө, сувтөдөма беддя гөрд дөрапас. Сэни тыдыштисны Ленинлөн да Сталинлөн джынвийө саялөм чужөм мыгөрьясыс. Жыр өтар-мөдар стен бокын троньвидзисны важиник улөсьяс.

Андрей полигтыр воськовтіс өдзөс порог вомөн да сувтіс. Оз төд, водзө матыстчыны али порог дорас виччысьлыны чина мортлысь шыасьбөмсө, коді юр лэптывтөг мыйкө гижис. Тайө вөлі овмөсса директор Иван Максимович Сидоров.

– Мый могөн? – медбөрын юаліс сійө.

– Ме эськө удж кузя пыри да, – небыдика шыасис Андрей.

– Кутшөм удж кузя? – Андрей вылө видзөдіс ар нелямына латшкөс тушаа мужичөй. Өтар-мөдарө плавгысьбөм шабді кодь юрсиыс юкис юр пыдөссө кык пельө. Сук, сэтшөм жө рөма синкым сайсянь здук кежлө югнитліс эскытөм видзөдлас. Вир-яя чужөм вылын нюмсерсө сетісны кызіник льөбьяс. Андрейлы синмас шыбитчис мужичөйлөн лөзөдны заводитөм кырнышлөн кодь крукыльтчөм нырыс. Казяліс: вир сөньясыс петласьөмаөсь да найө лөз рөмсө сетөны.

Директор кыскыштис нырнас да шуис:

– Лок матыстчы, пуксьы. Мый киад?

– Диплом, – вочавидзис Андрей.

– Эн пов, вай видзөдла. – Сидоров босьтіс дипломсө, видзөдліс гөгөрбок. Паськөдліс кабаласө, кытчө вөлі өтметкаяссө тэчөма, да шуис: – Бур, велөдчөмыд лючкия. Тэ өд письмөсө меным гижлін?

– Ме.

– Инда тэнө электромеханикөн да скөт картаясын механизация кузя инженерөн.

– Кык удж вылө? Ог кө сяммы?

– Сямман! – падъявтөг крапкис Сидоров. – Ог жө бригадир-механикө пукты. Тэнө, чайта, армияө босьтасны.

– Босьтасны.

– Но вот, сійөн и кык удж вылө инда, практика вылө моз. Удждонсө тшукысь экономист висьталас. Өти должностьсьыс кутан босьтны. Пет орчча жырьяс, сэни колана кабалаяс лөсьөдасны, трудкнижкатө, эм кө, сетан.

Тадзи лои төдмасьөма овмөсса директоркөд.

Андрей овмөдчис Галя чойыскөд Ликерья пөч дорө, посводза өти жырья важиник керкаө. Керкаыс көдзыд, төвнад пачсө луннас кыкысь лоө ломтыны. Он кө, турдан.

Накөд орчча керкаын олісны техникум бөрся кык том ныв. Өтибс Лида, зоотехникө велөдчылөма, а мөдыс Лариса, бухгалтер. Кыкнанныс уджалісны совхозын. Андрей накөд первойя луннас жө төдмасис. Сэсся пөшти быд рыт пыравліс на ордө кывсө песны. Мукөддырйи и чайөн на нывъясыд юктөдлісны.

Андрейлөн Дима вокыс воис армияысь. Өтчюд сійө локтіс гөститны Ягдорө да пыр жө веськаліс нывъяс дорө. Дима да Лида өдйө и өткывъясисны. Та бөрын Дима быд шойччан лун Ягдорын колляліс. Индыліс вокыслы Лариса вылө: со пө невестаыд.

Андрей и сылөн индытөг нин казяліс нывсө. Съөд, читкылякодь, пельпом вылас шлавгысьом юрсиа, съөд синма, нюмдігас гөгрөсіник чужөм бокын мыччысылісны ичөтик гөпъяс. Мичаник ныр-вома, статя, Лариса кыкис йөзсө ас дорас прөстөйлуннас.

Зонмыд эськө казяліс Ларисаөс, но морөс пытшкас нинөм эз вөрзъыв. Этша өмөй свет вылас татшөм жө мича да статя нылыс?! Сылы вылө, кыдзи ачыс чайтіс, быдмө на шөвктугйыс. А Ларисакөд паныдасьліс сөмын кызд өрткөд, кодкөд позис вильыша шмонитны-тшөкөлдывайтны.

Коркө Андрей пырис нывъяс оланінө. Видзөдө, олөма нин ань пызан сайын чай юө.

– Төдмась, – шуө Лида. – Тайө Ларисалөн мамыс, Парась тьөт.

– Видза оланнуд. – Зон пөрчысис да ас морт моз өшөдіс тув йылө вылыс паськөмсө.

Лариса кысгис стөканө чай, корис пызан сайө. Андрей вильыша видзөдліс ныв вылө да нюмъялөмөн юалис Парась тьөтлысь:

– Ті нывтө видлыны локтіннуд?

– Локті тай, – стөкансө пуктігмоз шуис тьөтө.

– Колө, колө синйыны татшөм кралятө. Со Лидалөн мамыс оз волы и воштис нывсө. Менам вокой асавны көсйө, регыд, тыдалө, гөтрасясны.

– Гөтрасясны? – Парась тьөт чуймөмөн видзөдліс Лида вылө. – Водз на!

– Мыйла водз? Кад нин, – водзө шмонитөмөн сёрнитіс Андрей. – На бөрся и ми Ларисакөд өтлаасям.

– Пон нёнь вомад оз ков?! – пыр жө скөрмис Парась. – Армияө на, көнкө, эн ветлы!

– Пон нёнь? – серөктіс Андрей. – Дөзмы көть эн, менө Ларисаыд жөник туйө видзө.

– Скөрмөдас кө, петкөдла ме сылы жөник!

– Кывзы сылысь, йөйыслысь, – гөрдөдіс Лариса да вешйис пачводзө.

– Вот адзылан, – водзө шмонитіс зон. – Регыд тьөщаөн лоан.

Парась тьөт весиг тшөкмуні.

– Пон нёнь, мися, оз ков?! – киргөмөн артмис сылөн.

– Вай эн сөр, – өлөдіс Андрейөс Лида. – Со мамыс вөйпсө кызди, мун бурджык гортад да чойыдлы отсась.

– Муна, вөтланныд кө. – Андрей пасьтасис, но петігас эльтчыштис на: – Лариса, менө армияө ветлігкөсті өд виччысян?

Ларисалы сөмын төлысь вөлі чужомсяньыс, кор ыджыд война вылысь воём батъыс энотіс таладор югыдсө. Парась тьот синва сорөн, узьтөм войясөн быдтіс нель чоя-вокабс. Съёкыда гортса овмөссө күтіс. Чорзьөдчис, зэвтис сөнъяссө, мурч курччис вом дорсө. Йөз водзын эз ляб. Первой видзис мөс, туберкулёз сюри, да пемөстө лои бырөдны. Лөсьөдіс көза, ыжъясөс, тшөгөдліс порсьөс. Ачыс начкыліс да яйсө даддьөн карөдз кыскыліс, базар вылын вузавліс. Нажөвитөм сьөм вылө челядьыслы ньөбліс көм-паськөм. Колхозын мырсис и асьыс челядьсө уджөдіс. Найө турун нөб кыскалісны, корөсь перйисны. Мамыскөд өтвылысь пес заптісны. Сөмын Ен праздникъяс дырйи эз мырсьыны. Парась тьот сәки дырджык челядьсө узьтөдліс. Быдмыштісны да, налы гуляйтны окота уйкнитлыны, но он на, кор көсьян, мун! Парась тьот асьыс нывъяссө стрөга видзис. Эз ыштысь арлыд вылө, көть эськө Лариса сизимөд классын нин велөдчис.

Овліс, мый орчча сиктса клубын кино петкөдлывлісны. Ичөтик донысь лэдзлісны видзөдны.

– Ок и лөсьыд кино вайөмаөсь, ветлам! – нуөдө Устинь пөдругаыс.

– Куим верет сайө? – чуймөмпырысь шуө Лариса. – А пемдам кө?

– Абу өд өтнаным.

– А шуштөм шор вомөныс кызди мунам? – водзө ыдъясьө Лариса.

– Эн пов, Закар Вась Микол тшөтш мунө.

– Ог төд, мамөй лэдзас оз, – ышловзьө Лариса.

– Вөйысь, менө тай лэдзисны, – шуө Устинь.

Лариса котөртис мамыс дорө.

– Йөймин али мый?! Лэдза ме тәнө войнас, виччысь! – Парась тьот печкан сайсянь стрөга чөвтліс синсө.

– Митрөй Устинь, Закар Вась Микол тшөтш мунөны.

– Медым, а тәнө ог лэдз. Лөк слава көсьян көлавны?

– Кутшөм лөк слава?

– Вот босьта печкансө да вожмала мышкутө, төдны кутан кутшөм слава, – скөр улө лэдзчысьөмөн грөзитчис Парась тьот. – Видзөдтө, мый думыштөма! Войнас да нөшта детинакөд! Гашкө, абу на өтнас. Закар Вась Миколыс мужик кодь. Колөкө, нывъясасьө нин. Он и төдлы, яныд өшъяс.

– Митрөй Устиньөс мамыс лэдзис, а ме мыйөн лөк, – водзө няргис нылыс.

– Лэдзис кө, сэтчө и туйыс. А тэныд сы бөрся вөтлысьны нинөмла! Асьтө видзны колө!

– Но, ма-ам, – нора нюжөдіс Лариса.

– Шуөма, он мун! – збыльысь нин скөрмис Парась тьот. – Со вурун тубрасыс, пуксьы да нисты!

Нинөм он вөч, мамысь вылө он пет. Лариса нырнас чурскиг пуксис нистысьны.

Карө велөдчыны лэччытөдз Лариса өліс мамыслөн стрөг дөзьөр улын. Пыдөдз вирас йиджис сылөн велөдөм-чуйдөмыс. Техникумын бур мывкыдлун петкөдліс, помаліс сійөс бура. Ягдорө локтіс ас окота серти. Аддзысис Андрейкөд, да сьөлөмыс пыр и ёкнитіс, но явө эз петкөдлы, гусьөн ышлолаліс.

Андрей жö сöмын шмонитö сыкöд, быд пöрийö Важтыбокö лэччö.

Первомай пасйыны бара муніс чужан сиктас. Кöсийсис Наташалы воддза волігас на. Наташа – хохлупка, кузиник тушаа, мичаник. Шабді кодъ юрсиыс век шлавгысьöма пельпом вылас. Сійö уджаліс школаын, велöдіс роч кыв да литература.

Наташа оліс öтнас, торъя кöртымалöм патераын. Первойя рытнас жö, кор ныв корис пыравны ас дорас, Андрей сійöс сывйыштіс.

– Тэ мый? – Наташа ырыштчис мездысьны сы киясысь. – Йöймин, суседыс кö пырас?

– Пöрысьыс? Сійö важöн нин узьö. – Том морт юрнас докнитіс посводзлань. Мöдар керка пöлас оліс Малань пöч, нывлы оланін сетысь кöзаяка. – Корсянь жöниклön кöсийöмыс лои йöйталöмön?

– Но тэ меным абу верöс!

– Лоа, öнi жö лоа. Телепит меным верöснас лоны. – Андрей копытчыштіс да сьöлöмсянь окыштіс нылöс.

Наташа мыджсис кинас зонлы морöсас, быттьö кöсийс йöткыштны, но ас тöдтöгыс, кымын пыксис, сымын нускöмыс содіс, чужöмыс гөрдöдіс. Том вир-йылön ворсöмыс став пыкöдсö веніс.

Андрей медводдзаясь тöдмаліс радейтчöмлысь кöрсö. Талунсянь лои збыльвылö мужикön.

– Но мый, жöник? – Наташа водіс зонлы морöс вылö. – Кажитчис?

– Да, тэöдз менам некод на эз вöв.

– Казялі.

– А тэнад?

– Менам вöлі нин, – недыр чöв олöм бöрын содіс. – Ме öд арлыдön ыджыдджык тэысь.

– Мый ыджыдджык, тöда. Мам весиг шуліс.

– Сійö паныд тэа-меалы.

Андрей та вылö нинöм эз вочавидз, сöмын топыдджыка выльысь сывйыштіс нывсö. Налысь тайö рытö радейтчöмсö некод эз торк.

Та бöрын Андрей зліс быд шойччан лунö волены Наташа дорö. Ыджыд радейтчöм костаныс эз вöв, но мыйкö öта-мöд дорас кыкис, а мый, Андрей эз удит тöдмавны.

Асывнас, май öтиöd лунö, сійö локтіс гортас. Пызан помын повестка куйлö. Йöз гажöдчöны, а сылы колö лöсьöдчыны туйö, юрсиктö. Кызди воöдчыны? Ытва, Эжва кузя ю тырнас йи кывтö. Видлы вуджны! А öд гижöма повесткаас: воöдчыны май мöд лунö, кутас пö виччысьны автобус, медым нуны новобранечьясöс Княжпогостö.

Андрей бöръяысь кутліс Наташаöс, окыштіс да пуксис совхозса уазикö. Праздник кузя машинасö вöлі индöмаöсь новлöдлыны дежурнöйясöс. Чожыс дежуритіс, да сійö и мöдöдіс Андрейöс юрсиктса вуджанінöдз. Воисны, но вуджны эз вермыны, ю тырön кывтіс йи. Да и рöмыд нин вöлі. Ковмис сы кодъ жö армеечпукöд стöрöж будкаын войсö колявны.

Май мөд лунө, асывнас, кывтысь йи пластъяс костөд удайтчис вуджны мөдлапөлө. Енмыс видзис пыжөн зурасьомысь да путкыльтчөмысь. Лючки воисны мөдар берегас и пыр жө котөртисны военкомат дорө, көні сулаліс нин автобус.

2

Анфиса Ивановна весиг радлыштис, мый пиыс торъяліс Наташаыскөд. «Ветлас армияө да, небось сурас на томджык, авъяджык. Со кымын мича, шөвктуг кодь нывъяс быдмөны. Сөмын куж бөрийны, а то пөрысьсөс аддзөма! Оз, оз туй сійө пиыс гөтыр вылө!» – думайтис ас кежын мамыс.

Ачыс кор петіс верөс сайө, ыджыд-ө костыс вөлі? Вит, но сійө вөлі томджык Василейысь. А тані мөдарө да нөшта дас воөн!

Гусьөн сәки пышйис гортсыс, да мыйта шог ковмис пыкны. Важыс, он көсйи да, син водзө локтө...

Мысас воөдчөмыс кутшөм сьөкыд вөлөма! Первой паракодөн, сәсся вөлөн. А кор телега көлеса чөрсыс чеги, подөн лои ныйтсө лойны. Буретш водзвылас зэрөма да нильзөдөма туйсө. Узыны ковмис мусюрас. Ёна и каитчис гортсыс мунөмысь. Ас кежын этша дөжнасис!

Мысыс мыччысис, да вөлисти Анфисалөн лов вылас неуна личаліс. Сиктыс важся вөлөма, кузя нюжөдчөма-шылькнитчөма Эжва ю пөлөн. Важиник пу керкаяс сулалісны туй өтар-мөдарын. Гежөдика паныдасылысь понъяс дышника увтыштлісны локтысьясөс.

– Василей, кытчө овмөдчам? – кымынөдысь нин юалө Анфиса.

– Эн шогсы, овмөдчам, – такөдө Василей. – Ветлам первой начальство дорө.

НКВД-са лагер сулаліс сикт помын. Кытшалөма джуджыд пөвъя заборөн. Вывтыс сутшаксысь сутуга нюжөдөма. Вышкаяс вылын йөжгыльтчөмаөсь пиццалы салдатъяс.

Анфиса восьлаліс полігтырйи, зілис дзебсыны Василей мыш сайө. А Василей, мөдарө, повтөг матыстчис дзиръя дорө.

– Тэ тані сулышт, – тшөктис Анфисалы. – Ме начальстволы висьтася, да мунам оланін корсьны.

Анфиса коли дзөръявны. Дзуртыштис дзиръя өдзөс, да мыччысис латшкөс тушаа, салдат паськөма зон. Фуражкасө лэптыштөма, мыччөдөма паськыд-кодь кымөссө. Шөрас тыдыштис русыд юрси прать. Зонмыс өтарө нырсө кыскыштө, быгттьө насмука босьтөма. Сійө стрөга чөвтліс Анфиса вылө мугов рөма синсө да шыасис комиөн:

– Тіянлы мый колө?

– Ме виччыся верөсөс, Василей Игнатовөс. Начальство дорө пырис.

– А-а, Игнатовөс, сійө регыд петас. А ме Валера Яковлев, – шуис салдат да көсйис юавны, кор удитис Игнатовыс гөтрасьны, но буретш сэк петіс Василей. Сійө зумыша видзөдліс Яковлев вылө да довкнитис Анфисалы:

– Мунам.

Том гозья овмөдчисны Опонь пөль да Матрен пөчлөн посводза важиник керкаө. Отар жырьяс пөрысь гозья олісны, а мөдарас найө пырисны.

Мысө воан первойя рытсө Василей инас эз өшйы. Отарө Анфиса дорын бергаліс. Лич эз вартлы, маласис да чупйөдчис. Отсаліс пызан лөсьөдны, сөянтор пуыштны. Мелі кывьяс шуаліс. Отлаө, гозья моз и водісны. Анфиса первойысь төдмаліс мужиккөд узьөм. Дольт сылы, окота кутлыны и кутлыны, оковны муса мортсө.

Сьөлөмыд эськө ставсө кылө, ставсө аддзө. Кылө, мый шог да уна төжд вылө паньдасис Василейкөд, но Анфиса оз кывзы, оз эскы сьөлөм зывгөмлы. Ставсө вевтис радейтөм, синсө пөртіс, пельсө тупкис...

Мөд луннас сөрөдз Василейөс виччысис. Уліөд кывтысь кымөрьяс өшйисны сикт весьтө, да ывлаыс дзикөдз пемдіс, а сійө өшинь дорысь эз на вешйыв, кыйкьяліс. Майшасис, эз-ө мыйкө ло. Сідз виччысигас пызан помас и вугыртіс. Паляліс вой шөр кадө, кор керкаө пыран ляпкыдик өдзөсыс дзуртыштіс да мыччысис Василей.

– Мыйла сы дыра? – Анфиса уськөдчис воча да джөм сувтіс. Нырас вартіс дуки дук. Коркө Закарсиктө волісны карса артистьяс. Сэки сійө татшөм жө дук кывліс өти аньсянь.

– Служба, – нурбыльтіс Василей.

– Ужнайтан?

– Ог, вода. – Василей пөрчысис да регыд и шкоргыны-узыны кутіс.

Анфиса сулаліс өшинь дорын, нинөм аддзытөм синмөн видзөдіс войся сук рөмыдас и первойысь гусьөн, шытөг бөрддзис. Анфиса төдіс, мый аслас пөсь сьөлөмнас, став вьвтырнас нэм кежлө йитчис Василейкөд, коді и водзө кутас видзны пөдругаясөс, но сійө та дырйи весиг думнас эз мөд накөд водзсасыны. Сійө бөрдіс шытөг, медым не пальөдны радейтана мортсө. Тайө здукө Анфисалөн лов вылас вөлі полөм да небыдлун.

А Василейлөн сөрөн локтөмыс лои быдлунъя. Анфиса заводитліс небыдика элясьны, но мөдыс чорыда өлөдіс:

– Ме служба вылын. Тэныд менам локтөм-мунөмөдз ичөт делө!

Анфиса нылыштіс дейсө, кыв шутөг нылыштіс. Та ылнаө локтіс, вөтчис зонмыс бөрся, да кытчө воштысян? Көть көсьяс, бөр мунны оз путьмы, быть лоө тадз овны. Көрт кө вөлі сьөлөмыд – сімыс эськө сөйис, а морт сьөлөмыд ставсө терпитө.

Со и олөны гозья моз. Гижсьытөг, бать-мам бласлөвиттөг, вичкоюн венчайтчытөг. Та вөсна Анфиса өна шогаліс. Некымынысь заводитліс нурдысьны, шөпкыны Василейлы пеляс вольпасьө водөм бөрын. Мөдыс вольпасяд став нурдысьөмсө шмоньө бергөдліс да көсьысьліс, но кадыс муніс, а көсьысьөмыс сідз и кольлі. Медбөрын дөзмис:

– Кутшөм вичко? Ме стрелокала, а тэ вичко. Начальство, кывлас кө, юрөд оз малышт! Да, нөшта отитор, образтө саймовт. Начальствосянь вермас жбучка сюрны. Ме өд партийной!

Василей вӧлі эз прӧстой стрелокӧн. Сійӧ новліс старшина чин. Индаліс радӧвӧйяслы, кӧні да кор дежуритны. Видзӧдіс-донъяліс, кызди службасӧ нусны. Анфисаӧс чорыда блӧдіс:

– Лагер дорӧ матӧ эн матыстчы!

А лагерыс аньӧс повзӧдліс и кыскис. Юасис Опонь пӧльысь, кодъясӧс пӧ сэтчӧ йӧршитісны да кутшӧм мыжысь.

– Быдсямаыс, – висьталіс пӧль. – Страналӧн быд пельӧсысь вайӧм йӧзӧс сутуга сайӧ йӧртӧмаӧсь. А мыйысь, код тӧдас.

Анфисалы окота адззывны, мый лагерас вӧчсӧ. Ӑти асылӧ смелмӧдчис, торкис верӧсыслысь ӧлӧдӧмсӧ. Муніс мавтас корсьны. Терпитны оз вермы олан керкаӧ пыран ӧдзӧслысь дзуртӧмсӧ. Дзуртӧ и дзуртӧ, пинь ныжмӧн, сьӧлӧмӧдз йиджмӧн. Корліс Василейлысь мавтас, но мӧдыс сідз и эз вай. Опонь пӧль мыйӧнкӧ мавтыштліс. Регыдик кежлӧ дзуртӧмыс бырлі, сӧсся бӧр заводитіс: машина мавтас пӧ колӧ.

Анфиса матыстчис джуджыд забор дорӧ. Видзӧдӧ: ӧтилаын увтас. Заборсӧ нуӧдӧмаӧсь сідз, мый улиас весьт судта кост кольӧма. А пӧвъяс костӧдыс тыдаліс мыр вылын пукалысь, видзӧдны ар дас вита зонка.

Нывбаба лякис чужӧмнас коста пӧв бердӧ.

Зонкаыс ӧмӧлик, дженъыда шырӧм сьӧд юрсиа, косіник ныр-вома. А синмыс! Мугов синмыс сэтшӧм жугыль вӧлі, мый зонкалӧн видзӧдласыс кырыштіс аньлысь пытшкӧссӧ.

– Эй, – чукӧстіс детинкаӧс.

Зонка чуймӧмӧн чеччис. Чотігтырйи матыстчис забор дорӧ.

– Вы ко мне? – рочӧн шыасис сійӧ.

– Да, – Анфиса рочнас сӧрнитны оз куж, но мыйсюрӧ гӧгӧрвоис. Заводитіс комиӧн юасыны. Мыйла зонкаыс татчӧ веськаліс? Но весьшӧрӧ юасис. Мӧдыс ас ногыс шуаліс, ӧдійӧ сӧрнитіс. Анфиса сӧмын гӧгӧрвоис, мый сылӧн кынӧмыс сюмалӧ.

Сэтчӧ и суис стрелок Валерий Яковлев.

– А-а, мый тан вӧчан? – стрӧга юаліс сійӧ. Сӧсся тӧдіс Анфисаӧс да пыр жӧ небзьӧдіс гӧлӧссӧ: – Кутшӧм мог суис?

– Ме локті мавтас юавны, эм-ӧ тіян, – гӧрдӧдӧм чужӧмсӧ дзебигмоз юаліс Анфиса.

– Мавтас?

– Ӑдзӧс дзир колӧ мавтыштны. Дзуртӧ, став пиньӧй нин ныжмис.

– Ха-ха-ха, – серӧктіс Яковлев. – Виччысьлы, вая.

Пыраліс забор сайӧ да регыд и локтіс ичӧтик сулеяӧн:

– Лок ветлам, мавтышта.

Яковлев лӧптыштіс ӧдзӧссӧ да пӧтка бордӧн, мавтаса сулеяӧ суйлӧм бӧрын, нуӧдіс дзир тувйӧд. Улыссасӧ и вылыссасӧ сідз мавтыштіс. Некымынысь восьтіс да пӧдлаліс ӧдзӧссӧ. Дзуртӧм шы эз кыв.

– Пуксы, чайӧн юктӧда. – Анфиса видліс кинас самӧварсӧ. – Пӧсь на, асывнас Василейлы пузьӧдлі.

– Кисьт, ме вывті пӧсьсӧ ог ю.

Яковлев юис чайсö да регьд и муніс, но сылөн волöмыс эз ло гусьöн, кодко удтöма.

Рыгнас Василей дыр юасис, мыйла Яковлевыс воліс. Сöмын-ö дзир мавтіс да чай юис. Эз эскы Анфисалы. Ачыс горш баба вылö да мукöдсö сэтшöмөн жö чайтіс. Морöс пытшкас пырис кутшöмкö номыр да кутіс писькöдны, лёкöдны.

Стрелокъяслөн сёян паёкыс вöлі бур. Сетісны пызь, вый, кансер, шьдöс. Анфиса первойыс тані тöдмаліс, мый сэтшöм макароныс. Эз пыр жö сяммы сійöс дасьтыны. Первойсö пуис да ляти кодь артмис. Но сэсся Василей велöдіс. Та бöрын Анфиса роксö кутіс пуны колана серти унджык. Тöдöмөн тадзи вöчис. Коляссö Василей мунöм бöрын нуліс лагерö. Матыстчыліс забор дорö.

– Эй! – чукöстліс чотысь детинкаöс.

Заборувса костöд мыччыліс ляпкыдик кöструльсö да небыдика йöткыштліс пыдöджык. Роктö зонка тэрмасьöмөн сёйліс. Быд волігөн детинка виччысис нин сёянсö, бöрьявылас аслас дозйөн. Ректыліс кöструлясö да чотігтырйи тімбыльтліс баракъяслань. Тадзи коли вежон кык.

Öтчьд Анфисаöс Василей суис сёянсö сетігөн да чорыда видіс, быдсөн бöрдтöдз лои. Но мöд лунö Анфиса бара матыстчис кöструльöн забор дорö. Сöмын чотысь детинка эз тыдав. Эз мыччысь сійö мöд ни коймöд луннас. Воши, быттö эз и вöвлы. Анфиса заводитліс верöсыслысь юасьны, а мöдыс пыр и вомаліс:

– Сэні, көні колö лоны вөрöглы!

– Детинаыс вөрöг? – чуймис Анфиса.

– Да, и помалам тайö сёрнисö.

Анфиса эз эскы. Чотысь, омöлик детинка некодлы лёксö эз вермы вöчны. Да и, тöдöмысь, эз вöч. Велькаліс, дерт, татчö ылалöмөн, но ань эз кут вензыны верöскöд, ланьтіс. Бöрья кадö Василей ёна вежсис. Мелі кывйыс сысянь эз нин вичмыв. Рыгыснас воліс гажа юрөн, скөр чужöмөн. Сэки Анфиса паньд кыв эз шулы. Поліс, мед эськö верöсыс нöшта ёнджыка эз дöзмы.

Öти асылö, кор Анфиса казяліс, мый сьöктаммис, висьтасис верöсыслы. Вылысь заводитліс гаравны вичкo йылысь, но Василей дöзмис. Керкаысь петігөн öдзöс вугйö кутчысис да крапкис, быттö ородіс:

– Колöкö, кагаыс абу менам!

Тайö кывьясыс шемöсмöдісны Анфисаöс сы вьйöдз, мый весиг кывйыс эз сюр вочавидзны, быттö мыйкö тасасис горшас, а сэсся здук мысти ылькнитіс – керка тырнас ырöстöмөн бöрддзис.

Кывлöмаöсь гора бöрдöмсö, да Опонь пöль гозья пырисны. Том нывбаба эз кутчысь, первойысь норасис налы.

– Енмыс менö мыждö. Бать-мамысь гусьöн муні, бласлöвиттöг ола, – синва кисьтіг норасис сійö.

Мöд асылö Опонь пöль пырис на дорö.

– Василий Иванович, – шыясис сійö ним-вичнас. – Кывзы менсьым, пöрысь мортлысь. Миянлы Енмыс эз сетлы нимкодясьны кагаөн. Кымы-

нысь кевмысьлім, но весьшөрө. А тэнад гөтыр виччысьө кагукөс, тэсянь виччысьө. И чурки-буди мед дзоньвидазаён ваяс. Оз позь өтдортны гөтыртө. Сійө радейтө тэнö, воис тэ бөрся. А мый бурсө тэ дорысь аддзө? Радлун пидди бөрдөм сөмын сюрө, тэ бөрдөдан.

Василей гөрдөдіс, нинөм пөльлы воча эз шу. Чөла пасьтасис да керкаысь петігас небыдика тшөктіс Анфисалы самөвар пуктыны.

– Ме пузигкостыс ветла.

И збыльысь, муртса самөварыс пузис, бөр воис. Сы мында кад и колө вөлөм, мед стрелок-салдатъясөс нарадитны.

3

Армияө мунысьяс некымын лун олісны Княжпогостын, узылісны чорыд пөвья наръяс вылын, виччысисны найөс «нбөбысьясөс». И бара на котралісны бурдөдысьяс дінө. Бөрьяпомас нин Андрей төдмаліс: мукөд зонъяскөд тшөтш сійөс нүоны Китайскөй граница вылө, көні регыд на муніс Даманскөй ді вөсна тыш. Китай торкис СССР-лысь граница. Миян пограничникъяс пырисны косьө да вөтлісны кортөм йөзөс. Та дырйи кыкнанладорсяныыс унаөс виисны да ранигісны. Тайө лоөмторсө новобранечьяс төдісны, но тырвийө эз вежөртны. Некод явө эз гөгөрво, мый сійө войнаыс.

Поездө сөлігөн унаөн вөліны гажаөсь. А өти зон юөма сы выйөдз, мый восьлавны эз вермы, кык ки костын кыскисны. Зонмыс коскөдзыс пөрччысьөма. Омөлик, ордлысө позьө лыддыны. Капитан сувтөдліс салдатпуясөс коддзөм детина дорө да дивитіс:

– Тайө салдатпу?! Янөдө миянөс!

Москваө поезд воис водз асывнас. Вагоньясө сувтөдісны тупикө да сулөдісны сэні сутки джын. Виччысисны нөшта салдатпуяслысь содтөд вагоньяс. Войнас поезд мөдөдчис луныввлань. Дас лунөн воөдчисны места вылө, пограничнөй отрядө. Воөмаяслы тшөктісны чорыд веркөса эрд вылө кольны сумкаяс, чемоданьяс. Асьнысө пыртісны пывсянө. Старшина сеталіс выль салдатскөй паськөм. Шырсисны, мыссисны, петісны пывсянысь да өтамөднысө оз төдны. Сэтшөма салдат паськөмыс вежис мортыслысь өбичасө.

Андрей восьтіс асьыс ичөтик чемодансө, синмас пыр и шыбитчис — кодкө сэтчө пыралөма нин.

– Кодкө лукйысьөма?

– Особистьяс корсьөны, мед позьтөмторьяс эгө вайөй, – стөчмөдіс орччөн сулалысь зон.

– Кысь төдан?

– Вок менам граница вылысь регыд на локтіс. Сійө висьтавліс.

Андрей өвтыштіс кинас. Сылөн нинөм позьтөмыс эз вөв.

Час мысти сійө жө чорыд веркөса эрд вылас кутісны индавын граница видзысь войска юкөнъясө. Андрей веськаліс радистө. Старшина казармаө нуөдтөдз төдчөдіс, мый найө лоөны армейскөй интеллигенцияөн.

Зоньяс первойя луньяссиянь тѳдмалісны талысь донсѳ. Найѳс быд лун пєсісны-котрѳдлісны. Нѳшта лунысь-лун зубритісны устав, велѳдісны быдсикас радиостанция, гранатаяс, автоматьяс да мукѳд лыйсянторьяс, кодьяс эмѳс граница вылын. Первойысь лыйсисны торья пасьясѳ, шыблалісны гранатаяс.

Сержантъяс новобранечьясѳс быд асыв котѳртѳдлісны зарядка вылѳ.

Ѳтчид локтіс старшина, сувтѳдіс найѳс радѳ да юаліс:

– Коді кужѳ краситчыны?

Некод эз водзмѳстчы. Андрей и горѳдіс:

– Ме, радѳвѳй Игнатов!

– Кужан краситчыны? – старшина эскытѳг видзѳдліс сы вылѳ.

– Так точно!

Горѳднытѳ горѳдіс, а краситчыны эськѳ прамѳясѳ эз на сюрлы. Дерт, адзыліс, но ачыс оз помнит, кор мавтчансѳ киас босьтліс. А горѳдіс, медым котралѳмысь мынтѳдчыны. Ас кежын содтѳд думыштіс на: «Ыджыдтор тай, краситчыныд быдѳн сяммас».

Старшина сетіс еджыд мавтас да олифа. Тшѳктіс отрядса штаблѳн ѳти жырйысь краситны ѳшинь куричьяс да рамаяс. Андрей куш ведраѳ ректіс банкаысь краска да бузнитіс сэтчѳ бура уна олифа. Дыркѳдь беддѳн гудраліс. Казяліс, мый сорасыс лои кизьѳр, но вѳлі сѳр нин. Краскаыс суктыны эз вѳв. Сюйлас мавтансѳ, лѳптылас вылѳ да видзѳдѳ, кыдзи увлань тюргѳ краскаыс. Рѳмыс вижовкѳдь, олифаыс вермѳма.

Босьтіс да татшѳм сораснас и заводитіс мавтчыны. Мавтыштас, но важ краскаыс оз прамѳя тупкысь.

– Кизьѳр, тыдалѳ, – шуис майор, жырса кѳзяиныс, коді асывнас локтіс служба вылѳ да аддзис салдатлысь уджсѳ.

– Косьмас да, бур лоѳ, – тѳдысь морт моз такѳдіс сійѳс Андрей.

Зонмыд некымын асыв котралѳм пыдди мавтчис штабын. Часѳвѳйяс ас мортѳн нин заводитісны лыддыны.

Эштіс уджыс, сдایتіс краситчан эмбур.

«Слабог, мыні», – думыштіс ас кежысь.

Но ѳти асылѳ старшинаыд бара чукѳстіс:

– Игнатов, мавтчыны!

И мыччис сылы выль краска банка.

– Тайѳ буретш сэтшѳм, кутшѳм колѳ. Оз ков олифасѳ содтыны.

– Мыйла ме? – Андрей заводитліс пыксыны. – Кодкѳ мѳд медым мавтас, гашкѳ, бурджыка артмас.

– Майор тѳнѳ корис.

Андрейлы бара на ковмис кык асыв краситчыны. Едждѳдны ѳшинь куричьяс да рамаяс. Медбѳрын майор видзѳдліс уджсѳ да кывкѳрталіс:

– Молодеч, и збыльысь велалін.

Регыд том салдатьяслы юѳртісны: аскомысь кутасны примитны присяга, а сідзкѳ, «учѳбка» помасис. Сетісны быдса лун, медым пелькѳдчисны, мыськалісны паськѳм, мавтісны сьѳд кремѳн кучик сапѳгьяс. Пограничникьяслы сетѳны вѳлі оз кирзаысь, а кучик гѳленя сапѳг.

И со присяга лун. Сувталісны радё. Водзын ыджыд чина военнөйяс. Весиг отрядса начальник сәні. Андрей сійөс матысянь эз аддзыв, но висьталісны: генерал пё.

Быдөн зумыд восьласөн петаліс строй водзё да лыддис присяга. Морёсын автомат ошалё, а сёлөмыд тіпкө-чеччө, дась вомөдыд петны.

Мөд луннас нин ставнысө кутісны разөдны служитанінъясө. Андрей веськаліс гөраясө, Арал-тубе посёлокбердса комын морта заставаө. Сэтчө сійөс индісны радиставны. Застава вылын вөлі сөмын куим радист. Ыджыдыс, сержант Пономарёв, лөсьөдчө дембель кежлө. Но та вылө видзөдтөг эз шванитчы. Петкөдліс, кызди уджавны радиостанция вылын, төдмөдіс пограничникъяскөд.

Заставаын некутшөм дзескөдөм-увтыртөм эз вөв. «Дед» кывсө шулывлісны сөмын шмонитөм могысь. Тані быд лун зонъяс мунөны граница видзны. Автоматъясөн. А праздникъяс дырйи весиг гранатомётъяс да пулемётъяс кыскөны. Кутан кө ныртө лэптавны да вывтіасны, верман кытчөкө граница бердас и павгысьны. Кывкуттөм том йөз тані оз өшйыны. Зэв өдйө веськалөны дисбатө либө дзескыдінө.

Вөлі сөмын өти вышшитчысь. Тайө застава са начальник, старшөй лейтенант Козлов. Салдатъяс мустөмтісны сійөс, син сайын нимтісны «козёлөн».

Застава са казарма өти судтаа, тэчлөмаөсь кирпичысь. Кузьмөс, юкөма некымын жыр вылө. Граница видзысьяс узылісны медся ыджыдас, кык судтаа кроватъяс вылын. Ужинөдз тайө жө жыръяс зонъяс сувтлісны радъясө. Застава са начальник локтан лун кежлө индаліс найөс нарядө.

Узылан жырсянь позьө веськавны ленкомнатаө. Сәні командиръяс висьтавлісны оломьысь вөвлөмторъяс, велөдісны, кызди видзны граница. Тані жө быд субөта да вежалун петкөдлісны кино. Киносө вайлісны почтакөд тшөтш. Видзөдісны стен бердө еджыд прөстыня өшөдөмөн. Стен бокын жө сулаліс телевизор. Сьода-еджыда кык канал и петкөдліс.

Узылан жырйысь петігөн веськалан посводзө. Сэсянь позьө пырны дежуркаө да өружие видзанінө, а сэся – радиостанция дорө. Посводзсянь жө позьө пырны застава са начальник жырйө. Либө петны кузь веранда вылө. А сэтсыянь – нурьясянінө да паськөм косьтанінө.

Паськөм да көм косьтыны ковмыліс тшөкыда. Арал-тубеын төвнас көдзыд. Граница вылө петалісны ыж ку пасьөн да валегиён. Нарядысь воём бөрын паськөмсө өшлісны косьтанінө. Валегисө сувтөдавлісны пөсь көрт трубаяс вылө.

Арнас, зэрө көть оз, сідз жө границатө лоө видзны. И бара косьтысьтөг он бергөдчы. Сөмын гөжөмыс шоныд, овлө уна жар лун. Сэки косьтысянін корсюрө тыртөм.

Веранда бокөд визувтө арык. Тадзи татчөс олысьяс кыв вылын шусьө шорыс. Шорыслысь бура кузя отар-мөдарсө и пыдөссө бетонируйтөма. Сәті ваис визувтіс гүө, кодөс сідз жө цементалөма. Гусяныс ваис тюртө водзө.

Застава шөрын зымвидзис көртгысь сваритөм джуджыд вышка, код вылын сулаліс часөвөй. Нөшта вөліны конюшня, кык мөс вылө карта, пөвйысь

тувъялём ыджыдкодь асмогасяннн да кирпичысь лэптём пывсян. Заставасö гөгөртöма изйысь тэчөм заборөн, казахъяс нимтісны заборсö дувалөн.

Өтчыд, сёр арын, муыс лымъя нин вöлі, старшина чукөртіс ставнысö, кодъяс эз вöвны граница вылын.

– Скважинаысь насосыс сотчöма, отрядысь корим мастеръясöс. Кор локтасны да вöчасны – ог төд, – сійö сюся видзöдліс салдатъяслань да юаліс: – Коді кужö вөлөн вöдитчыны?

– Мый вöчны? – кыліс öтарсянь и мöдарсянь.

– Бöчкаөн пывсянö ва ваявны.

Ставныс чöv олöны. Унаөн кужöны верзьöмөн ветлыны. Застава вылын эм вöла отделение. Быд лун ыл граница видзны петöны верзьöма пограничникъяс. Но тані мöдтөр, колö доддьясны.

Старшина зумыштчис, виччысис вочакыв, а окотитысь некызди эз сюр.

– Сідзкö, тайö субöтаö пывсьытöг оланныд, арыкса кодзыд ванас мыссянныд, – шуис сійö.

Андрейлы төд вылö уси, кызди мамыс пыдди Важтыбокса вый вöчан заводö вөлөн флягаясын ва ваявліс. Гожöмнас, каникул дырйи, техникумын велöдчигөн на. «Пывсьытöг öд огö жö кольччöй», – мөвпыштіс да пыр и шыасис:

– Старшина ёрт, а отсасысь лоö васö пывсянас пыртлыны?

– Лоö. – Старшина пыр жö индіс кыкöс.

– Сідзкö, доддья. – Андрей петіс стройысь.

Сійö дом поводöд петкөдіс конюшняысь медся лабутнöй вöвсö. Ёртъяс отсалісны пуктыны доддьö кыксё литраа көрт бöчка, кодлөн öтар помыс восьса. Гезйөн көрталісны бöчкасö додь бердö.

– Но! – Андрей босьтіс вöжжисö киö.

Вöv, медкö медся лабутнöйыс, пыр жö асныравны кутіс. Ырскöбтіс скачөн дзирьялань. Бур, мый дзирьяыс сиптыса вöлі. Вöv бергөдчис да скачөн гозмөд кытшов вöчис застава йöрын. Буракö, сылы эз кажитчы бöчкаа доддьыд. Эз на татшöмторсö кыскавлы да. Коркö сэсся раммис жö.

Андрей веськөдіс сійöс бетон гу дорö, кытчö арыкысь чольгис сөдз ва. Лунтыр лои ва ваявны. Ачыс нин эз вöv рад, мый көсйысис. Но кор уджыс эштіс, ломтісны пачсö и ставнысö корисны пывсьыны, лои нимкодъ. Нöшта на сыысь, кор кыліс пывсянö пырысь зонъясянь уна бур кыв.

Застава вылын олöмыс вöлі öтпöртаса. Чеччан, сёян, граница вылö мунан. Он кө, ленкомнатаын зунылан устав да мукöд оланпас. Либö лыйсянннын куйлан, мишеньö сизьдан.

Регыд Пөкрöv бöрын кодздöдіс. Пуксис төв. Гөгөр едждіс: увтас местаяс, вывтасъяс, гöраяс поньтасисны еджыд эшкынөн.

Өтчыд, первой вöсö служитигөн, ыстісны Андрейöс вöла дозорөн. Сёр рытнас, дас часын, сійö да юрнуöдысь напарник верзьöмөн петісны застава вылысь. Налы колö вöлі вöчны бура ыджыд кытшов, мунны верст дас вит кымын. Мыйла радист Игнатов веськаліс вöv вылö? Сійö ачыс эз төд. Тыдалö, застава са начальник чайтöма, мый сиктса мортыд кужö

верзёмён ветлыны. Верзёмнад ветлыны Андрей эськө ичөтсянь велавліс. Гожомъяснас видз вылын турун юр кыскавліс. Но сиктса вөвъяс вөліны ичөт тушаабсь да унджыкыс раминикось. А татчөс заставаса збой вөв вылө өдва кавшасьны верман. Төвнад шоныд паськөмыд на мешайтчө. Пөсяліс весиг седлө вылө пуксигас.

Вөлыс ыръянитны заводитліс, места вылас педзис. Андрейлөн напарникыс матыстчыліс да дом повододыс гоз-мөдысь тракнитіс. Вөлисти вөлыд раммис, вочасөн кывзысьны мөдіс.

Чинысь төлысь югөр улын, коді мыччасис гежөдик кымөрторьяс костөд, вөйбыд шөйтисны, кытшлалісны границалысь урчитөм юкөн.

Югдыны кутіс. Нарядса юралысь кытшовтіс синнас матігөгөрсө да шуө:
– Бергөдчам застава вылө.

Андрейлөн морөсын ошалө автомат, вөвлөн быд воськолысь шуйга бокө радиостанция зутшкө. Бандзибөдыс пөсь киссьө. Думайтө: «Кор нин застава вылас воам». Водзын мунысьыс рөдтыны мөдіс. Андрейлөн вөлыс бөрсянныс вөтчө. Важтыбокса вөвъяс та өднасө скачитлөны нин.

Мыччасис заставалөн мыгөрыс. Коли лэччыны гөра горув, и воасны места вылөдз. А вөвъяс нөшта өддзисны. Тыдалө, ылісянь кылісны конюшня дуксө, төдісны, мый виччысьө найөс зөр зөбня. Андрей вөвлөн кокыс друг вильснитіс. Вөлыс тімбыльтчис, уси боквыв. Зонлөн кок пөлыс веськалі вөв улө. Кок лапаыс седлө стременаас пысасьөма, некыдз оз мын. Вөв ырскөбтіс-чеччис, кыскыштіс Андрейөс пысасьөм кокөдыс.

Киноясын тшөкыда петкөдлөны, кыдзи военнөйяслөн вөлыс, лоө кө мыйкө, сувтө да виччысьө көзяинсө. А тайө, кор мыніс мортысь, скачөн өдөбтіс конюшнялань. Зон бөрсянныс уськөдчис. Веськыд кокыс эськө, ок, ёна доймис, но пөсьвывсьыд Андрей ачыс на воөдчис казармаөдз.

Паныдаліс старшина. Сійө пырысь-пыр тшөктіс пөрччыны валегисө да видлаліс доймөм кок лапасө.

– Абу чегөма, мун шойччы. – Бергөдчис Андрейлы мышкөн да вомгорулас аслыс буркнитіс: – Подковавны колө.

Кодлы тайөс шуис, Андрей эз гөгөрво. То ли аслыс, то ли дежурнөйлы, то ли сылы. Андрей пыр жө мөвпыштіс, мый вөлыс кө вөлі подкова, эськө эз вильды, и сійө эз лэбзы-усь сы вылысь.

Игнатов чотігтырйи мөдөдчис столовөйө. Электрической плита вылын сулаліс чайник да рок тыра ичөгтик көструль. Восьтліс вевтсө – проса рок – и бөр тупкис. Кисьтіс кружкаө пөсь чай. Чайыс вөлөмкө важся, чөскыдтөм. Ырснитіс гоз-мөдысь да водіс узыны.

Кылө, кодкө тракйө пельпомөдыс. Синсө восьтіс – сы весьтын дневальнөй сулалө.

– Подъём! – шөпнитіс копыртчылөмөн пеляс.

Андрей видзөдліс часі вылө, квайт час рыт. Көсйис звиркнитны-чеччыштны. Но кокыс сэтшөма доймис, мый муртса юр вежөрыс эз гудыртчы. Видзөдө, кок лапаыс пыктөма, краж кодь лоөма. Пельшөр застава вылын эз вөв, мөдөдасны пө сөмын төлысь мысти. Бара корисны старшинаөс. Сійө

олёма нин морт, да не татшом доймомъяс аддзылёма. Весиг томон на ыджыд война вылын, помланьыс нин, тышкасьома.

Старшинаыд видлаліс коксö, довкйöдлыштіс юрнас да кывкöрталіс:

– Прöстö доймом, майтöга шоныд ва пытшкын видзышт да зырав, быть личöдас.

Андрейлы вайисны тазйын шоныд ва да майтöг тор. Старшина мыччис рузум, медым зырало́м бöрас коксö табис. А орчча крöватьын узьлысь ёртыс, Ухта карысь Генка Новосёлов, бадь пу вожйысь вöчис кöстыль.

Сы вылö мыджсьöмön и кутіс зонмыд дзурликасьны. Нарядъясысь мездісны. Первой вежон кежлö, а сэсся мöд коли. Заставаса начальник öтчыд матыстчис да шуис:

– Тырмас филолитны, аскиянь радиостанция вылын кутан дежуритны.

Пукалö радиостанция жырйын. Чукöрталö телеграммаяс да книга лыддьö. Пыкöсыс кок лапавысь некыз оз кöсйы ямны. И сувтныгö доймом кок вылас он вермы.

Öтчыд воссис жыр öдзöс, да мыччисис тöдтöм майор, воöма прöверкаön. Первой кытшовтöма казарма, а сэсся дежурной пыр веськöдчöма радиостанция жырйö.

Андрей аддзис майортö да пыр жö кок пöв йылас сувтіс.

– Здравия желаю, майор ёрт! – гораа шуис сійö.

Татшöм вочаасьöмыд, а медясö нямöдön гартöм кок пöлыс да ас вöчöм кöстылысь майортö чуймöдіс. Сійö босьтчис юасьны. Андрей висьтасис. Майорыд кыв ни джын эз шу, пегіс. А здук мысти орчча жырйысь кыліс, кызди сійö видіс заставаса начальник Козловöс.

– Дзеван салдатлön артмöм неминучасö! Кöсьян бурön лоны? Тэныд мый колö вöлі вöчны? – стрöга юасис сійö да ачыс жö вочавидзис: – Доложитны отрядö и корны вертолёт.

«Ну ставыс, – думыштіс Андрей. – Нуасны, тыдалö».

И збылысь, час мысти нин кутіс кывны вертолёт шы. Доймом кока зонмös лэбöдісны отрядса больничаö да пыр жö вöчисны рентген снимок. Лыыс, вöлöмкö, потлöма. Сы вöсна и пыкöсыс оз ям. Кардъялісны да водтöдісны палатаö. Лун дас сэні видзисны, сэсся бöр лэбöдісны заставаö.

Регыд заводитіс сувтыштавны доймом кок вылö. Аддзис тайöс заставкаса начальник да пыр жö индіс пусянінö – картофель весавны да тасьті-пань мыськыны.

Дыр Козловыд видзис сійöс пусянінад. Тадзи водзöс босьтіс. Андрей вöсна öд выговор шняпкöмаьс вöлі. А вöv вылад сэсся эз нин пуксьöдды...

Заставаö воис особист. Локтöм капитан-особист коравліс пограничникъясös начальник жырйö. Юасис, мый йылысь сёрнитöны зонъяс ас костаныс. Кутшöм налön ловкылöмыс. Корис и Андрейös. Сійö пыр жö вочавидзис, мый нинöм лёксö эз кывлы. Но капитан ассьыс жмитіс, син вештывтöг юасис и юасис.

– Тэ комсомолец, а дзэбан лоёмторъяс. Он веськыда висьтась. Тадзи оз позь! Гашкө, отрядö лэччөдлыны? Сэни вомыд өдйө воесяс! – Капитан заводитис янөдны да грөзитчыны.

– Ме нинөм ог төд, – сулалис аслас кыв вылын Игнатов.

– Тарбаев Николай кузя нинөм он көсйы висьтаваны?

– А мый?

Игнатов гөрдөдис пель йылөдзыс. Збыльысь, төлысь куим сайын, кодыр бурдис кокыс, сийö Коля Тарбаевкөд ветлис граница вылө. Игнатовөс индिसны ыджыд туйö. Воис нарядысь, пырис каптёркаö.

Сэни пукалис пограничник Клепцын, сьөдник том морт, да куритчис. Дембель виччысис.

– Салага, автоматсö ме вылө чургөдис, – ас төдлытөг петис вомсыс Игнатовлөн.

– Коді? – Клепцын чөвтлис ыштана видзөдлас.

– Да «муллаыс», «шизык ху..в», – мөдыс ёрчыштіс вомгорулын да висьталіс, мый вөлі на костын.

Мусульманин Коля Тарбаевөс дозорö мунігөн индисны Андрейлы напарникөн. Ачыс сийö лунвылысь. Коркө ошйысьліс, мый батыссылөн мулла. Та бөрын сылы мулла нимыс и лякысис.

Андрей сы водзö пунктис мог: гөгөрбок сюся видзөдны, быд адзёмтор йылысь висьтаваны, восьлавны сы бөрся дас-дас öти метра костөн. А мөдыс, быгтьö нарөшнө, пыр Андрей бердö жмитчө, бөрсянь лөтйысьö. Да, төдөмысь, оз и синйы ас гөгөрсө. Андрей бергөдчис да скөрысь шуис Тарбаевлы:

– Тэ он гөгөрво, мый тшөктөны? Тадзтө лөк морт öтпырйö кыкнаннымөс вермас шырыштны! Вөч, мый тшөкта!

– Ог! Тані лөк йөзыс абу. Кыдз көсья, сідз и муна!

– Салага! Мыйла он кывзысь?! Мордаад колө?! – Игнатов ырыштчис Тарбаевлань. Но мөдыс чургөдис автоматсö да горөдис:

– Эн матыстчы! Лья!

Тайö вөвлөмторйыс да-й Клепцынкөд сёрниыс кутис вунны нин. Кадыс бура уна коли да. Клепцын да сы призывса салдатъяс мунісны-разөдчисны нин гортаныс. Найö мунөм бөрын и локтіс особистыс.

Игнатов думыштис, мый удтіс «мулла». Эз ээся кут соссыны, ставсö висьталіс.

Заводитчис туясьөм. Дыр кыскалісны. Мездис отрядса майорыд, кодлы Андрей öшинь рамаяс да куричьяс краситліс. Морттö индөмаөсь вөлі комиссияса юрнуөдысьнас.

Сийö и кывкөрталіс: Игнатовлысь отрядса Гөрд Знамя снимоксö киритны да аслыс не сетны. Буретш водзвылас Андрейөс төдөмлуньяс кыпөдөмысь да бура служитөмысь снимайтисны отрядса знамя дорын.

Дыр мысти Игнатов төдмаліс – удтысьысьнас вөлөма Клепцын.

...Граница вылө воис тулыс. Муртса сыліс лым, дас öти морт вертолётөн лэбисны гөраяс сөртасө. Найö кутасны видзны «контрабанда» ордымъяс.

Андрейлы кыз радистлы мойвиис ветлыны мөд партиякөд, томиник лейтенант юрнуөдөм улын.

Лэбигөн вертолётлөн ичөтик өшинь пыр тыдовтчылісны шорьяс да сөн бокьясын йирсысь верблюдыас. Минут дас мысти петкөдчисны ёсь йыла гөраяс. Гөра йывьясыс вевтгысьсөмаөсь лымйөн. А вежөдөм пөкатын чепөсьылісны вертолёт шыысь повзьөм вөлявивса мегөяс.

– Видзөд, архарьяс! – горөдлісны зоньяс. – Öтикөс кө котшнитны!

– Котшнитам, – такөдіс сержант Ветошкин.

Сійө татчө лэбө мөдысь нин да ставсө төдө. Индалө сержант Мысковлы быд кушин да гөра бок, кодьяс весьтөд төвзьө вертолёт. Мысков, кызди и Игнатов, пост вылө лэбө первойсы.

Пограничнөй пост сулаліс сөртасса кушинын. Неыджыд эрд вылө зэвтөма кык армейскөй палатка. Выліас чурвидзисны көрт пачлөн тшынасян трубаяс. Öтарас узылісны, мөдарас меститчөма пусянін да нуриясянін. Сэні жө пызь, шыдөс да кансерлы вежөс. Пыдіас торйөдөма радиостанциялы пельөс. Палаткаясыс бокин тыдаліс ичөтик генератор, пемдөм бөрын сетіс би.

Вертолёт ректысис да бөр кыпөдчис енэжө. Сійө лэбөдіс заставаө постывывса воддза пограничникьясөс.

Андрей колльөдіс сійөс синнас. Сюся видзөдліс гөраяс бокысь кушиньяссө. Сылы тані ставыс выль, аддзываетөм на.

Постсө лөсьөдөмаөсь сөртас бокө. Саридзесянь кө артавны, матө кык да джын верст вылнаө. Та вөсна сынөдыс тані кизьөр. Котравны сьөкыд, лолыд оз шед. Сөртассянь дугдывтөг пөльтө чизыр төв. Ляпкыдик турунсө сійө лякө му бердас. А гежөдик кустьяс вылысь корсө летө и летө. Пуяс оз быдмыны. Пес татысь чукөртны сьөкыд. Та вөсна сійөс вайөны вертолөтөн. Көрт пачсө палаткаясын ломтісны быд лун. Мукөд лунө пачсө эз кусөдлыны.

Начальникьяс пост вылын вежласисны быд вежон, а пограничникьяс кык вежон мысти.

Коркө лун шөр бөрын вертолёт вайис выль начальникөс. Сыкөд тшөтш почта, пес, сөян-юан, муртса на пөжалөм нянь.

Выль начальник – шөркодь тушаа лейтенант Волков. Воөма веськыда пограничнөй отрядысь, Панфилов карысь. Муртса на помалөма училище.

Андрей примитіс телеграмма и пыр жө сетіс сылы. А лейтенант Волков бергөдлыштіс бумагсө киас да юаліс:

– Телеграммасө лыддыны отсалан?

– Меным оз позь шифрөн вөдитчыны, – вочавидзис Андрей.

– Шифрыс менам эм, но ог куж өтнамөн лыддыны.

– Сідзкө вай шифрьяссө, вуджөдам кыкөн.

Пукисны да бура дыр ноксисны. Кыдзкө эссея лыддисны жө гуся телеграммасө.

Лейтенант Волков та бөрын Андрейөс весиг матөджык кутіс ас дорас сибөдны, мукөдысь торйөдіс.

Öтчыд Волков шыасис салдатьяс дорө:

– Ёртъяс, воис юөр, мый миянөс вежасны төлысь мысти. Та дыратө пывсытөг сьёкыд овны. Кутшөм лооны вөзйөмъяс?

Пост вылын пывсяныс эз вөв. Позис мыссыны сөмын гөраясысь тельгысь шорын. Асывъяснас ставөн котралісны шор дорө. Ваис визувтіс сөдз, но көдзыдсьыс-көдзыд. Юыштан, да пиняд лыяс, юр вежөрыд муртса оз вош. Зэв зіля чужөмтө пожйыштан, пиньтө весыштан да гөнечөн палаткаө.

Ведраын васө шонтыліс пач вылын пөвар, сөмын аслыс да начальниклы.

Волков юасьө, а салдатъяс то өтитор вөзъясны, то мөдтор. Но вөзйөмъясыс лоины весьшөрө, эз вермыны найө пөртсыны оломө: өд пост вылын весиг пөв пом эз вөв.

Андрей пыр жө ас кежас мөвпыштис: «Бара пывсян». Эз көйы шыасыны, но мугясыс, тыдалө, кузь кывйөдыс кыскыштисны.

– Со пывсян местаыс, – шеныштис кинас гөра бокө. – Кодъян чом да вевтян плёнкаөн, нуръясянінысь аддзылі. Изйысь пач горсө тэчан, джоджас ящик пөвъяс вольсыштан – и мыссы.

Лейтенант весиг ошкыштис:

– Төдчө сиктса мортыд, бывалөй! Сідзкө тэ и лоан ыджыднас и банщикнас, – кывкөрталіс сійө.

Некымын лун зонъяс вежласьөмөн кодйысисны. Муыс чорыд, из сора, сьөкыда сетчис зырлы. Кодсюрө гусьөн ёрччисны да пинялісны Игнатовөс.

Кор му чом лои дась, тэчисны горъя пач. Сы вылө пуктісны лемень пөрт, пусянінысь сетісны. Пыраніно өшөдісны плаш-палаткаысь брезент тор.

Игнатов ломтіс пывсянсө. Бура уна пес видзис. Весиг косьмөм кустьяслысь увъяссө чегьяліс да пачө сюяліс. Ваис мыйөн шоналыштис, первойөн мыссис ачыс: видла пө, шогмас оз. Пөрччысьтөгыс быттө шонид вөлі, а пөрччысис да, йирмөг босьтіс.

Брезент торйыд шонидсө кутіс омөля. Бокъясөдыс төв шутылялө да нөшта на кысянькө вывсянь пөльтө. Йиджгылясигтыр и мыссыштис да зэв зіля пасьтасис.

Му чомйыд эз во сьөлөм вылө. Но нинөм он вөч, кыз артмис, сійөн и лоө миритчыны. Мыссис да лейтенантөс мөдөдіс. Лейтенантыд абу и пөрччысьлөма. Петіс чомсьыд да зумыша видзөдліс Игнатов вылө. Сэсся мөд салдатлы тшөктис изъя пачсө выль пөв ломтыны.

Сэки сөмын Андрей гөгөрвоис, мый прөступитис. Колө вөлі не аслыс мыссыны, а первойөн начальниксө мөдөдны...

Сөргасөд мунө пода туй. Коркө важөн, лым сьлөмкөд тшөтш, пода туйөдыс ветлөмаөсь басмачъяс. Найөс бырөдөм бөрын лөк йөз вайлөмаөсь гуся төваръяс да дурмөдчанторъяс. Пода туйөд жө вермисны локны диверсантъяс. Та вөсна майсянь октябрь төлысь помөдз тані сулалісны пограничникъяс. Төвнас гөгөр тырө джуджыд лым толаясөн, ветланін тупкысьлө.

Гөраясын пода туй пөлөн быд лун кыйөдчис автомата пограничникьяслөн кык-куим морта наряд. Граница видзысьяслы көкъямыс час чөж, асьнысө

явиттөг лоё тутвидзны-пукавны либё куйлыны. Кыйёдны, оз-ё из сайсянь кутшомкё вөрөг мыччысь.

Андрей сёртасё ветліс зэв шоча. Веськыда кё шуны, сёмын ётчюд сэтчё воліс. Ачыс мырдён вёзйысьліс. Окота лои адззывны матысяньджык басмачьяслысь ордымсё.

Начальникыс первойсё весиг кывзыны эз кёсйы. Но сэсыя раммёдчис да мёдодліс сёмын нель час кежлө. Сы понда, мый пост вылын радистыс вёлі ётнас. Быд лун урчитём кадё колё йитчывны заставакөд, кывзыны эфир да примитны телеграммаяс.

Волков ыркыд пывсян бёрад Андрей вылө көдзыда кутіс видзөдны. Том лейтенант радейтіс, медым сылысь чинсё вылө пуктісны. А Игнатов көдзыд пывсянө мёдөдөмнас быттьё уськөдіс сійёс мукөд салдат водзын. Тайёс Волков эз прөстит. «Ветлан сёртасё, чизыр төв улас олыштан да төдмалан, кыдзи начальниктө колө пыдди пуктыны», – мөвпыштіс ас кежын лейтенант да мёдөдіс сійёс сёртасын кыйөдчыны дыр кежлө.

Жаланашколь ты дорын Китай да СССР-са пограничникъяскостса тышсянь коли во. Лёсяліс сідз, мый август 13 лунө жө, сёмын 1970 воын, муртса югдігөн, сержант Сергей Мысков, радөвөйяс Прокопий Иванов да Андрей Игнатов мёдөдчисны гуся дозорө.

Сёртас пөлөн ланьтлытөг пөльтіс төв. Көть сулаліс гожём, төлыс вёлі көдзыд, йиджис паськөм пыр. Та вёсна шоныда пасьтасисны, волысалісны автоматьяс да мунісны индём дзебсянінө. Сэтчө, көні ылысянь тыдалө сёртасса ордымыс.

Гуся кыйөдчанінсянь постыввса дежурнөйкөд да начальниккөд позис йитчывны провода телепон пыр. Но дозорө мунысьяс содтөд босьтлісны сьёрсыс ичөтик радиостанция. Сы пыр позис йитчывны постса дежурнөйкөд. Сигналсө кыйіс вит верст ылнасянь.

Дозорө мунём водзвылын радиостанциясө Андрей гөгөрбок видлаліс. Весиг вежис аккумуляторсө. Пуктіс выльысь зарадитөмаёс да сетіс дежурнөйлы.

– Бура уджалө, аски тайёс босьта, – шуис сійө.

Воисны места вылө. Сержант Ветошкин, коді сдایتіс кыйөдчанінсө, шмонитыштіс:

– Басмачьяс эз мыччысьлыны, ставыс лючки.

– Бур, аскиөдз, – сетліс кисө Мысков да корис ас дорас ськөд локтысь ёртьяссө.

– Игнатов, кыйөд тасянь, – индіс дас воськов ылнаысь дзебас. – А тэ, Иванов, сайөдчан эсіё куст саяс. Тадзи сёртасса туйыс куимласянь бура тыдовтчө.

Кыйөдчанінгяс өта-мөдныскөд йитчөмаёсь воргаён. Сы кузя позьё кыссыны бокиянь казаявтөг. Зонгяс кыв шутөг дзебсисны индөмингясө да кутісны кывзысьны, видзөдны сёртас пыдөсө. Син дорө вайөдлісны бинокляс.

Игнатов син доймөмөн нин видзөдіс. Рөмыдас быд кушт сайын кажитчис, мый кодкө сәні дзебсьөма. Сы шөрө енэжыс кутіс тупкысыны кымөръясөн. Найө кывтісны уліті. Еджыд мылькъя гөраяс дзебсисны сук ру пытшкө.

«Бара вежон кежлө, – думыштис сійө. – Вертолётлөн лэбавсис».

Андрейлы пондісны воавны горт йывсьыс думъяс. Наташа, мамыс, батыс, чой-вокыс. Письмөын гижлісны, мый Дима вокыслөн чужөма пи. Наташа-сянь дыр нин письмөыс эз вола. Та вөсна Андрей кыліс асьсө лёка. Армияөдз тшөкыда паныдасьлісны, өтлаын узьлісны. Но сьөлөм бердыс сәки ньөтчыд эз ёкнитлы. Нылыскөд лөсьыд, и тайө, сылөн чайтөм серти, вөлі тырмымөн. А тәні, граница вылын, ныв дорө кылөмыс локтіс мөд ногөн. Кыдзкө ёсьджыка, весиг морөс пытшкас эз-эз да чужліс мыйкө майшасянатор.

Сійө эз на вунөд Наташалысь мелі кияссө, чөскыд вом дорсө да ёна нин гажтөмтчис сыысь. Бөръя кадө пыр тшөкыдджыка юрас воисны маитчан мөвпьяс, а вөтөн петкөдчылісны сьөлөм вөрзёдана грека серпасьяс.

Дыр-ө думъясыс сайөдлісны салдатлысь могъяссө? Чайтіс – эз дыр. Кор босьтіс бинокль да видзөдліс сёртасысь пода туй вылө, сьөлөмыс коклябөрас лэччыліс. Векныдик ордым кузя налань локтісны йөз. Андрей пыр жө, кызд сёрнитчывлісны, кутш моз ёся горөдіс:

– Дзи-ив, дзи-ив, дзи-ив.

Воча кыліс:

– Дзи-ив, дзи-ив.

Тадзи сержант корис ёртъяссө ас дорас. Игнатов кыссис Мысков дзебасө. Бөрсянь воис Иванов. Мысков кутіс телефон трубка да пөляліс.

– Шы ни төв, – маткыштис сійө да докнитіс юрнас Андрейлы. – Видлы радиостанция пыр.

Андрей перйис радиостанция, заводитіс чукавны пост вылысь дежурнөйөс. Но сылы некод эз вочавидз.

– Мый лоис? – небыдика шуис сійө. – Төрыт рыт уджаліс бура, ачым видлалі.

– Көні радиостанцияыс вөлі? – юаліс Мысков.

– Дежуркаын.

Игнатов осьтіс аппаратсө да адзис – аккумулятор ас местаас эз вөв. Мортыд весиг чужөм вылас вежсис:

– Кутшөмкө гад перйөма аккумуляторсө! Мый вөчны?

– Прохор, котөрт пост вылө. Колө висьтавны лейтенантлы. – Мысков матыстліс син дорас бинокль. – Öти, кык, куим, нель, витөн, нопъяөс, автоматаөсь. Ми найөс видлам сувтөдны, а тэ гөнечөн!

Иванов копытчыштөмөн котөртіс послань. Мысков да Игнатов кымынясисны да лөсьөдчисны паныдавны кортөм гөсьтъясөс. Воськөдісны автоматъяслысь ствольяссө пода туй вылө. Кортөм йөз минут вит-ө-квәйт мысти воисны пөшти пограничникъяс вьсьтөдз. Мысков горөдіс:

– Сувтөй!

Локтысьяс пыр жө уськөдчисны ыджыд изьяс сайө да горөдөм шы вылө мөдісны лыйлыны.

– Тра-та-та, тра-та-та.

Пуляяс швачкөбтисны пограничникъяс мыш сайын.

Из торьяс лэбисны отарө-мөдарө. Оти веськаліс Игнатовлы кокас. Из шлачкөмысь инмөм местаыс доймис, пыркмуніс, но вир эз чепөсйы.

Игнатов метитчис да личкыштис автомат курөксө. Кыліс лыйөм шы, и пыр жө из сайын горөдісны. Оти кортөм гөсьт пөри, нюждчис туй пөлөн.

– А-а! Сюри! – скөрысь, пинь пырыс шуис Андрей, метитчис да нөшта отилы лыйис. Сэк жө паныд дзик ныр улөд живкнитис пуля. А сэсса кутисны помся лыйлыны.

Мысков кыссис бокө. Андрей тшөтш вежис местасө. Ота-мөдсө найө гөгөрвоисны киөн шеныштөм серти. Другөн кыптөм тышыс ёсьмөдіс овны, ловйөн кольны көсйөмсө. Та вөсна Андрей зілис кызд позьө ёнджыка топөдчыны му бердө, сайөдчыны из сайө да сэсянь сизьдыштны вөрөгьяс кузя. И медым эськө инмис. Быть колө кутчысыны отсөг вотөдз! Патроныс этша, босьтөны вөлі сөмын оти комплект. Эз чайтны, мый паныдасыны вөрөгьяскөд. Уна во нин тайө сёртасөд кортөм гөсьтъяс эз мыччысылыны.

Локтысыяс помся воча лыйлісны. Да сэтшөм тшөкыда, мый юртө кыпөдны он вермы.

Мысков Игнатов моз жө лыйлө дженьыдик өчерөдөн. Налөн быд лыйөмлы вочаыс воө дасысь унджык. Пыр сьөкыджык инмыны локтысь вөрөгьяслы. Көть эськө пограничникъяслы вылысяньыд тыдалөджык, но локтысыяс абу йөйөсь, сяммөны сайөдчыны. Сөмын кык локтысьөс вермисны уськөдны...

Кажитчө, мый кадыс уна нин коли. Збыльысь кө, тышыс муно сөмын минут дас. Удитис-ө Прохор тайө каднас воөдчыны пост вылөдз?

Автомат өчерөд оз ланьтлы. Юртө лэптыны сьөкыд. Сэтшөм ёна вөрөгьяс воча лыйсьөны. Кортөм гөсьтъяс, дерт, казялісны, мый налы паныд сөмын кыкөн сулалөны. Найө зілисны быть вины пограничникъясөс.

Кыліс Мысковлөн ойөстөм. Вөрөглөн пуля веськаліс морөсас, ыльөбтис вир. Морттө чабыртис терпитны позьтөм дой.

Игнатов кыссис ёртыс дорө. Перйис бинта пакет да суйыштис рана бердө. Кызд кужис, көртыштис. Мед сөмын сувтөдны вирсө. Некор, дзик некор сылы ноксыны ранитчөм ёрткөд. Колө вөрөглы паныд водзасыны. Сйө босьтө асысь да ёртыслысь автоматсө да водзө лыйсьө. Зильө метитчыны бурджыка.

– Гад, пөлучит! – пинь пырыс ёрччыштис да нөшта мөдөдіс гоз-мөд пуля.

А патроныс коли вывті этша. Лыйсьө Мысковлысь босьтөм патронъясөн нин. Көні отсөг, көні?

Вөрөгьяс дзебясиг пыр матөджык матыстчөны. Найө аддзисны, мый воча лыйсьысь коли отнас. Та вөсна асьнысө кутисны повтөг, а оти весиг сувтөмөн заводитис лыйсыны. Игнатов сйөс и крукыштис-кыйис. Аддзыліс, кызди мужичөйыс кинас шеныштөмөн патурликасис горув. Но сэки жө орччөн мыйкө гримөбтис...

Андрей ас саяс воис пограничнөй отрядса госпитальын. Бурдөдысыяс вөчисны ставсө, медым сувтөдны зонсө кок йылө.

Отчюд сійо садьмис шебрасо небыдика инмодчомысь.

– Андрей, бур асыв, – кыліс тодса гёлс.

Крывать дорышын пукаліс Прохор Иванов да вашгяліс.

– А, Прощка, здоров! – Андрей вашмуніс. – Тэ тані жё куйлан?

– Да, тані, – вочаасис мёдыс. – Тэ дорё оз вёлі лэдзны. Сомын талун верми сестраяскөд сёрнитчыны. Аски ме застава выло нин лэба. Ме кокниа ранитчылі. Со, шуйга кий.

– Менам юрөй бергөдчө.

– Абу дивө, морөссыд көрт тор перйисны. Граната гадыд удитіс шыбитны. Ми муртса эг суой. Но ме сылы автоматысь сизьдышти, а сійо воча. Сэки и парсыштіс пуляыс. Куим шой, кыкөс пленө босьтім. Особистьяс вертолётон волісны. Тэнө, Мысковөс и менө отлаын лэбөдісны. Поводдяыс лөк вөлі, но лөтчикьяс кыпөдісны вертолөтсө. Аттё ставсьыс! Не кө тайө, тэныд Мысковкөд, ог төд, удайтчис эз таладор югыдас кольны, – висьталіс Иванов.

– Ог помнит, – шөпнитіс Андрей.

– Кысь помнитны, тэ садьтөм вөлін.

– А коді вертолөтсө корис?

– Волков.

– Сійо төдө, кызди радиостация пыр микрофонөн восьсөн сёрнитны.

– Сідз и вөчис. Восьсөн юөртіс застава выло. Сэні шызьөмаөсь вөлі.

– А кортөм гөсьтъясылөн нопъясас мый вөлөма? – юалис Андрей.

– Взрывчатка, диверсантъяс найө. Бур, мый удайтчис тшапнитны.

– Төдмалісны, коді рацияысь аккумуляторсө перйөма?

– Особистьяс пыр жө, пост вылас на, төдмалісны. Рацияыс дежуркаын вөлі куим. Оти аккумулятора. Сійөс вайисны найө, кодьясөс ми вежим. А кыксьыс аккумуляторсө перйөмаөсь.

– Коді? Коді иудасы? – Андрей весиг кыпөдчыштіс. – Эн кыскы, висьтав!

– Да Тарбаев Коля, «мулла хренов», сійө дежуритіс. Сэки и кыскөма. А воддза луннас, помнитан, дзик пост дорөдз воліс ыж стада. «Мулла» ветліс пастукьяс дорө, мед гөраяс улө лэччөдасны стадасө.

– Помнита, сійөс Волков мөдөдліс. Коляыс кужө сёрнитны казах кыв вылын да.

– Но вот и сёрнитчөмаөсь. Ыж стадаыс абу прөстө матыстчылөма, связнөй вөлөма.

– Со кыз! А «муллаыс» көні?

– Сутуга сайын, сволочь продажнөй!

– Сійо меным первойя адззысьөмсянь эз кажитчы, – недыр чөв олөм бөрын шуис Андрей. – Помнитан, висьтавлі, мый ме выло нарядын автоматсө чургөдліс: матыстчан кө пө, лыя. Менө сэсса кыскалісны. «Превышение полномочий» лякисны да муртса эз мыждыны сука понда.

– Помнита. Зато өні тшукысь наградитасны.

– Ме эг награда вөсна тышкась. Ме дорйыси.

– Ми ставным ассыным Рөдина дорьям, но и пасыны таысь мортсө колө!

– Сергей көні? – вежис сёрни визьсö Андрей.

– Сійö бурдö жö. Чеччылö нин крöватъысь. И тэнö бурдöдысьяс, гашкö, ре-
гьд лэдзасны чеччывыны.

– Аттьö, Прошка. – Андрей нюжöдiс кисö. – Не кö тэ, ми эськö эг вермöй
асьным вöрöгъяссö сувтöдны.

– Шуан жö! Тi, тi Сергейкöд геройясыс. Медся ыджыд косьсö ас вылад
босьтiнныд.

Андрей нюмдiс да кунис синсö. Вывтi уна выльтор вайис Прохор. Висьысь
мортлы ставсö сьöкыд вöли вежöртны...

Андрей да Сергей сöмын тöлысь мысти воисны асланыс заставаö. Сержант
Мысковлы сетiсны старшöй сержантлысь чин да «Боевöй Краснöй Знамя»
орден. А Ивановлы да Игнатовлы «За отвагу» медальяс. Лейтенант Волков
да заставаса начальник Козлов эз вунöдны кöдзыд пывсянтö, вöv вылысь
усьлöмсö, Коля Тарбаевкöд лоёмторсö и выговорсö, кодöс шняпкис отрядса
начальник. Козловöс тайö выговорыс ёна парскис: тырмас пö Игнатовыслы
медальяс, шуöма старшиналы. Сiдз коркö сьлөн кыв помыс петалис.

Техникумын велöдчигөн Андрей гижыштавлiс кывбуръяс да висътыяс.
Весиг йöзöдлiсны найöс газет-журналын. А армияö веськалiс да гижан удж
дорас быттьö кöдзалiс. Ёна гөнълöдлöмысь али дышысь личкылис. Эз кыкы
босьтны киас перö-ручкасö и ставыс. Но öти прöст кадö выльысь заводитiс
гижыштавны аслас ёртъяс йылысь посныдык висътыяс. Мöдöдлiс найöс
армейскöй газетö. Зэв нимкодъ лолi, кор йöзöдлiсны. Весиг коми кыв вылын
кывбуръяс мöдöдлiс, но найöс роч петасад эз йöзöдлыны, ыстылöмаöсь коми-
пермякъяслөн газетö. Сэтысь нин коркö волiс неыджыд гонорар.

Öтчыд старшина вöзйис гижны Сыктывкарысь Миша Паниюков йылысь.
Миша служитiс застава вылын кык во нин да виччысис гортö лэдзöм. Анд-
рейлы мöдысь эз ков тшöктыны. Пыр жö пуксис да гижыштiс ас муывы-
са зон йылысь, мöдöдiс газетö. Йöзöдöм бöрти Паниюковыд каптёркаын
тöкаритöма-юöма тройнöй одеколон да сэтчö и унмовсьöма. Адзис сийöс
старшинаыд да ыджыд зык лэптiс. Эз лысьтны дзезбны, юöртiсны отрядса чи-
наяслы. Паниюковтö нуисны гауптвахтаö. Кык тöлысь пукöдiсны сэни. Сэсянь
и гортас мунiс. Та бöрын старшина корис Андрейöс ас дорас, юрсö гыжйыштiс
да шуис:

– Сорасим ми Паниюковнад, конйыштiс миянöс.

Андрей сулалiс сы водзын да чöv олис. Быттьö тшöтш мыжа лои. Кöть
эськö ачыс, старшинаыс, тшöктiс гижнысö.

– Старшина ёрт, Паниюковсö невестаыс эновтöма. Сы понда и юсьöма, – ас
тöдлыгтöг петiс вомсьыс. Шуис, но стöча эз и тöд, мыйла юöма.

Старшина видзöдлiс Андрей вылö, вашмунiс да öвтыштiс кинас: мун пö.

Тайö гижöдыс армейскöй газетö Андрейлөн лои бөръяөн. Буретш мöд
луннас, старшинакöд сёрни бöрын, чойсянныс воис письмö: эг пö көсйöй
висътавыны, но мамыд пö тшöктiс, Наташаыд верöс сайö петiс. Тайö юöрыс
парскöбтiс зонлысь сьлöмсö.

«Вот стервайд! – скөрмис Андрей. – Көсйысис виччысыны, а со мый вөчис, кор меным коли служитны гоз-мөд төлысь!» Вежон чөж сэсса новлөдліс шог юбрсө ас пытшкас. Некодкөд эз юксы, некодлы эз норась...

Заводитчис ыджыд прөверка кежлө дасьтысьөм. Быд лун лыйсисны автоматьясысь. Котралісны тыр комплекта воысалөм өружиеөн. Та дырйи быдөн ветліс граница видзны. И вочасөн Наташа йылысь думъяс ылыстчисны. Эз нин чеплөдлыны сьөлөмсө. Сайөдіс и прөверка кежлө дасьтысьөм. Да-й, веськыда кө шуны, на костын эз вөв сэтшөм топыд йитөдыс, мый вөсна мукөд салдатыс дасьсөсь джагөдчыны. Эз вөв, Андрей тайөс сьөлөмнас кыліс. Сійөс өнджыка вөрзөдіс дзик мөдтор, парскис нывлөн зонмөс эновтөмыс. Эз сійө өдторт, а асьсө шыбитісны.

И со воис виччысяна кадыс. Сержант Мысков да Игнатов өтвылысь петісны рубеж вылө. Коліс вөчны пограничнөй упражнение: уськөдны пырмунігкості виччысьтөг мыччысылысь некымын лыйсян пас. Та пөрийө удайтчис вөчны ставсө, лыйсисны «отлично» вылө. Водзынджык, кор Игнатов өтнас лыйсьыліс, корсюрө босьтліс «четыре». А өні шедөдіс медбур өтметка. Гашкө, Мысков сылөн мишеньө тшөтш лыйис? А гашкө, эз. Нимкоддысла сэсса эз мөд юрсө жутлыны, коді кутшөм мишеньө лыйис.

Кор комплекснөй прөверка помасис, строй водзын юөртісны, мый бур төдөмлунъяс петкөдлөмысь да стөча лыйсьөмысь Мысковөс да Игнатовөс водзджык лэдзасны гортас.

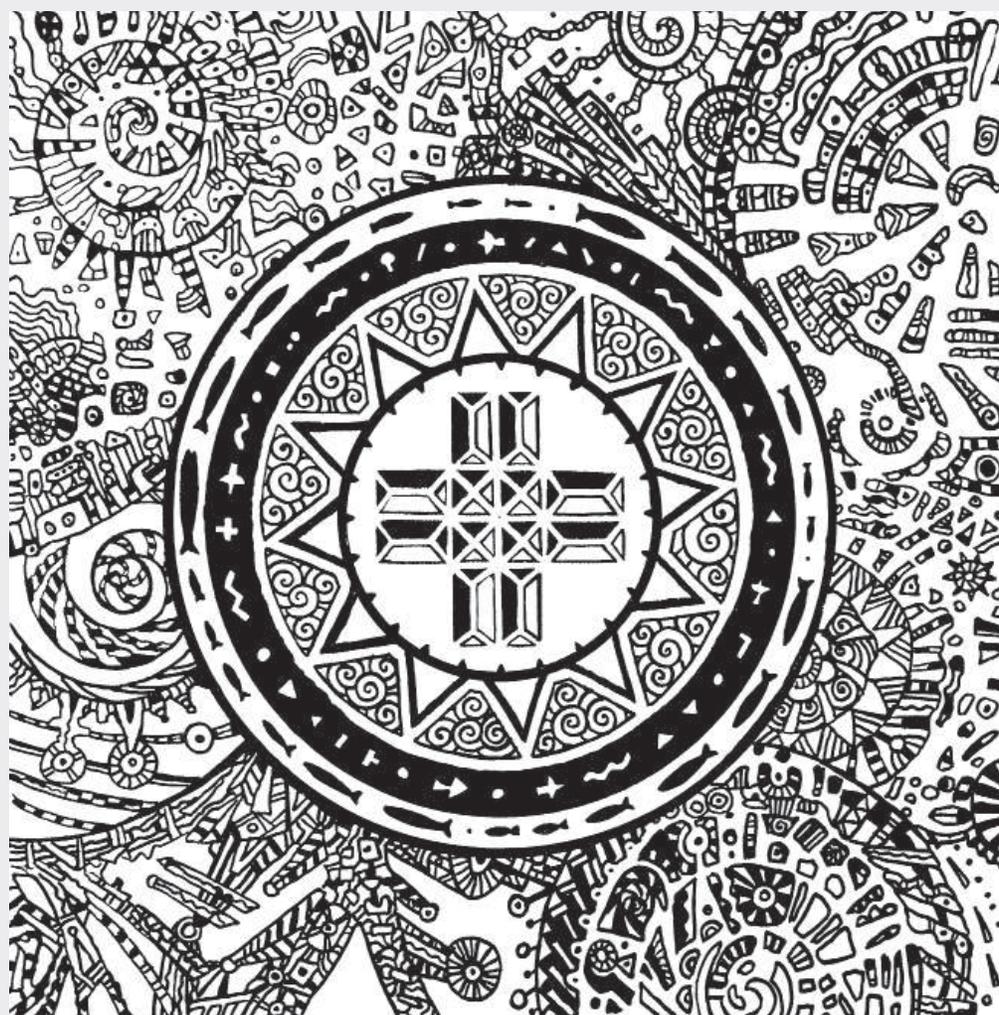
Игнатовлы сетісны ефрейтор чин.

А радыс сылөн! Пыр жө уськөдчис лөсьөдчыны. Перъяліс дембельскөй көм-паськөм. Тэрмасьөмөн кутчысыліс өртъяскөд. Отрядса чинаяс, прөверка нуөдысьяс виччысисны нин машинаын. Найө шуисны гортө мунысьясөс асланыс уазикөн вайөдны отрядөдз...

Водзө лоө на.

МУЗЕЙ – 110 ЛЕТ

Светлана БАНДУРА:

«Музей должен быть адаптивным и доброжелательным»

Подготовила Елена Шелест

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Республики Коми – одно из первых культурно-просветительских учреждений Коми края. Основан он по инициативе местной интеллигенции: К. Ф. Жакова, А. А. Цембера, Н. П. Чеусова, Ф. А. Старовского и других. 17 октября 1911 года в Усть-Сысольске было создано отделение Архангельского общества изучения Русского Севера, а затем на его основе сформировался краеведческий музей.

Сегодня фонды Национального музея насчитывают более 260 тысяч единиц хранения, в том числе уникальные коллекции рукописных и старопечатных книг, икон, орденов и медалей, археологических артефактов, традиционной одежды народа коми...

С чего всё начиналось, чем живёт музей сегодня и какие планы строит на будущее, рассказала и. о. директора музея Светлана Бандура.

– **Светлана Владимировна, как получилось, что наш музей на 10 лет старше государственности республики?**

– Если государственность появилась в 1921 году, то интерес к истории и культуре края проявился значительно раньше. Земство обратило внимание и выделило пособие на создание музея в размере ста рублей. Были розданы анкеты с указанием, как и что нужно собирать...

**Светлана
БАНДУРА**

Светлана Владимировна Бандура – кандидат исторических наук. Исполняющая обязанности директора Национального музея Республики Коми. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств по специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры» (1996). Лауреат премии Правительства Республики Коми в области культуры (2009). Сфера научных интересов – культура Севера России XIX–XX веков, история повседневности, визуальная антропология. Автор ряда научных статей и музейных изданий.

– И что стало первым экспонатом?

– Первым экспонатом будущего музея стала лопатка мамонта, найденная в 1901 году в окрестностях города. Это почти детективная история. В Усть-Сысольске вдруг в большом количестве появились изделия из «слоновой кости»: гребешки, трубки, крестики и т. д. Долго не могли узнать, откуда они берутся. Наконец, полиция выяснила, что их делает некий сапожник Ичетов. Тот признался, что нашёл кости в лесу, когда переходил речку Дырнос по «брёвнышку». Догадавшись, что это за брёвнышко, сапожник стал извлекать пользу из своей находки. Полиция изъяла у него то, что осталось, и передала в музей.

Долгое время музей существовал только за счёт частных пожертвований и средств, выделяемых городской думой. Учитель из села Вотча пожертвовал музею раковину аммонита, обнаруженную им при рыбной ловле в реке Сысоле. В 1912 году в музей был передан зуб мамонта, который нашли близ деревни Кузь-Слуда-Бэж Помоздинской волости. У крестьянина села Кибра Егора Безносикова за 1 рубль приобретён трёхколесный деревянный велосипед... Кроме того, стали поступать записанные любителями сказки и народные песни. Большое содействие в сборе фольклорного материала оказали сельские учителя.

В разное время свой вклад в формирование этнографических коллекций музея внесли А. С. Сидоров, Д. Т. Янович, Г. А. Старцев. Археологические коллекции музея сформировались благодаря А. С. Сидо-

рову, Г. М. Бурову, В. И. Канивцу, Э. А. Савельевой, И. О. Васкулу.

– Давайте определим некие временные вехи музея.

– В 1924 году в бывшем доме купца Суханова (сегодня в этом здании располагается Литературный музей И. А. Куратова) появилась первая этнографическая экспозиция. В 30-е годы Д. Т. Янович привёз коллекцию западноевропейского искусства – она потом перешла в художественный музей. Уже в 40-е годы сотрудники начали собирать коллекции по событиям Великой Отечественной войны. В 60-е годы активизировалась этнографическая экспедиционная работа музея совместно с сотрудниками Коми филиала академии наук. В собрания музея были переданы материалы археологических экспедиций. С конца 80-х годов стали формироваться коллекции, раскрывающие страницы истории ГУЛАГа.

В 1994 году Коми республиканский краеведческий музей получил статус Национального музея Республики Коми. И это очень важная веха, потому что фактически Национальный музей отражает идентичность населения региона. Причём не только коренного, а всех «укоренившихся», ведь в Коми проживают представители более ста национальностей. В своей проектной деятельности мы стараемся рассказать о вкладе многих народностей, которые жили и живут на территории нашего региона. Наиболее яркие и ценные артефакты историко-культурного наследия представлены сегодня на выставке «Достояние

республики», подготовленной к 100-летию юбилею Коми.

– Как музей пережил карантин, связанный с пандемией?

– Он научил не унывать ни при каких обстоятельствах. Мы начали осваивать медийное пространство. Старались сохранить интерес горожан, создавали новые онлайн (для большой аудитории) и офлайн (для малых групп) культурные события. Думаю, что музей в принципе подходит для нынешней ситуации: здесь можно интересно провести время с друзьями или семьёй и насладиться уединением, прогуливаясь по выставкам. Музей работал и будет работать, сохраняя и популяризируя культурно-историческое наследие нашей республики. У нас пять зданий в исторической части города, и мы хотим быть полезными нашим горожанам и гостям столицы. Музей – визитная карточка Коми Республики. К нам ходят, начиная с детского сада и заканчивая vip-персонами.

Недавно сотрудники музея выиграли грант Президентского фонда культурных инициатив с проектом «Сыктывкар: От и До». Это совместная работа музея и Дмитрия Кошелева с его интернет-сообществом «Дорогие товарищи». Результатом проекта станут три выставки, которые мы откроем уже в следующем году. Здесь будут представлены музейные коллекции, семейные архивы и самое ценное – воспоминания сыктывкарцев. Суть в том, чтобы не только историки рассказали о чём-то, но и сами горожане вспомнили интересные подробности из жизни города. Будем привлекать

студентов и молодых людей, которые называют себя урбанистами. Недавно на конференции «Визуальный текст в историко-культурном ландшафте» мы, кстати, поднимали эту тему: как привлечь горожан к сотрудничеству с музеем. И говорили о том, как музейный ресурс молодым, свежим взглядом может быть переработан и подан в пространстве нашего города. Мне кажется, это актуально.

– Ваш проект «Пишите письма», посвящённый 80-летию Сергея Довлатова, тоже наглядный пример, как можно создавать «социальный резонанс».

– Да, этот проект получил поддержку Благотворительного фонда Владимира Потанина. Его идея была не столько рассказать о Довлатове и о том, что будущий писатель в 1962–1963 годах служил в Княжпогостском районе, а через уникальную подлинную переписку его со студенткой Светланой Меньшиковой выйти на социальную составляющую. Я долго вертел в голове, для кого мы делаем этот проект? Только филологи и историки – это слишком узкое общество. Поскольку у меня сын, который скоро подойдёт к призывному возрасту, то волей-неволей задумаешься, насколько армия человечна сегодня? Насколько там можно сохранять какую-то степень свободы? Такие проекты, на мой взгляд, помогают об этом поговорить. Мне показалось, что переживания Довлатова будут интересны таким же, как он, солдатам сегодня. Мы обратились в Сыктывкарскую воинскую часть и сразу нашли отклик. В выходные

Проект
«Пишите письма»,
посвящённый
80-летию Сергея
Довлатова.

Отряд
военнослужащих
по 20–25 человек
приходят в
музей и слушают
трепетную историю
о переписке.
30 минут идёт
экскурсия и ещё час –
арт-терапия.

небольшой отряд военнослужащих по 20–25 человек приходят в музей и слушают трепетную историю о переписке. 30 минут идёт экскурсия и ещё час – арт-терапия с психологом Надеждой Ясинской. Ребята рисуют!

Как творческий человек, Довлатов не мог не писать. Он писал всегда, везде и многим. И, к счастью, в непростое для него армейское время нашлась девушка, которая ответила. Да, она не писала таких объёмных писем (как, например, он на десяти страницах про Хемингуэя), но для Довлатова важно было, что его слышат. И те, кто приходит на выставку, – получают довлатовский опыт. Если ты находишься в сложной ситуации, всегда есть выход в творческом самовыражении: пиши письма, стихи,

рисуй... Поначалу все говорят: «Нет, мы не умеем, у нас не получится!» Но всегда получается! И, как многие нынешние военнослужащие признавались потом, они пока не читали Довлатова, но после выставки захотели взять в библиотеке «Заповедник», «Компромисс», «Зону»...

– Сфера ваших научных интересов – история повседневности и визуальная антропология. Поясните, что это такое?

– Образование я получала в Ленинградском институте культуры на факультете «Музееведение, охрана памятников истории и культуры». У нас были замечательные преподаватели, практика – в фондах знаменитых музеев. Мы описывали коллекции в Царском селе, ходили на лекции в Эрмитаж, и всё это в окружении предметного мира разных эпох. Это и есть история повседневности. То, что нас окружает – нас формирует – это мне очень близко. Почему мы приобретаем какую-то вещь, храним её в нашем доме? Почему важно визуально делать ин-

интереснее то, что нас окружает? Потому что всё это отражается на нас и наших детях. «Мало иметь фрак, надо ещё уметь его носить», – писал Юрий Михайлович Лотман. С ним трудно не согласиться.

Сегодня традиционное назначение многих предметов старины нам уже не известно. Многие горожане не знают предметов крестьянского быта, но и в сельской местности традиционные знания и навыки утрачены. А ведь это всё связано с мироощущением каждого человека. Взять хотя бы телефон с диском. Современные дети уже не понимают, что нужно с ним делать. Технологии меняются. И в этой плоскости могут рождаться очень интересные «околомузейные» проекты.

Визуальная антропология, в моём понимании, соединяет восприятие повседневности и отражение её средствами фотографии, изобразительного искусства, кинодокументалистики. Это направление, которое позволяет через упомянутые визуальные источники прикоснуться к осмыслению сложных социальных явлений обыденной жизни и праздничной культуры, официальной идеологии и андеграунда. В музее дважды – в 2016 и 2021 годах – состоялись научно-практические конференции на эту, на мой взгляд, очень перспективную тему.

– Национальный музей участвует в этнографических экспедициях, проводимых по местам спецпоселений национально-культурной автономией немцев Республики Коми. Расскажите немного об этом.

– Выставки, рассказывающие о судьбах людей, прошедших лагеря и спецпоселения, проводятся в нашем музее регулярно, ведь тема репрессий, к сожалению, неотъемлема от истории Республики Коми. Каждый год к 30 октября – Дню памяти жертв политических репрессий – мы строим выставку. В этом году она будет называться «Вавилон за Полярным кругом» и готовится совместно с Воркутинским краеведческим музеем и фондом «Покаяние». Мы пытаемся собирать коллекции и истории, создавать образовательные программы. Наши сотрудники выезжали в Музей истории ГУЛАГа в Москве на образовательные семинары. Эта тема безоговорочно есть и будет, потому что об этом нельзя не говорить. Это наша память.

Мне удалось принять участие в историко-культурной экспедиции на Среднюю Печору (Вуктыльский район) в 2018 году по приглашению Немецкого культурно-делового центра Республики Коми. Понятно, что оттуда уже давно повывезжали не только российские немцы, но и вообще многие. Но всё равно удалось записать воспоминание жителей посёлков Кырта, Усть-Соплеск, Подчерье, Усть-Воя. Одна учительница, например, перечислила нам фамилии детей из семей российских немцев, которые учились в её классе. Рассказала, где стояли дома, в которые расселяли немцев. Вспомнила, что клубнику в посёлке первыми стали выращивать именно спецпоселенцы. Откуда они брали саженцы?.. Такие вот важные вещи, которые вновь касаются истории повседневности.

*Карьер, где добывался точильный камень.
Вид на карьер сверху.
п. Усть-Воя, Вуктыльский р-н. 2018 г.*

Изделия из точильного камня.

Кырта – разрушенное место, мало кто живёт теперь там постоянно. Несколько километров надо было идти до угольных развалов, на которых в 1931 году работала экспедиция узника Ухтпечлага К. Г. Войновского-Кригера. Именно он, к слову, обнаружил в Вуктыльском районе уголь, и считается, что угольная промышленность республики начинается именно оттуда, а потом уже была Воркута.

Помню, было очень жарко, мы шли через лес, мошка облепляла всё и вся, и я думала: мы-то идём одетые и защищённые, а каково было тем людям, которые шли туда на работу? Они грузили уголь в вагонетки и по узкоколейке вывозили его до Печоры, где потом перекладывали на баржи. Пока сам не почувствуешь всё это через собствен-

ную кожу, трудно представить, как это было... Мы побывали в Усть-Вое, где до революции добывали точильный камень, а в 30-е его добычу хотели вывести на промышленный уровень. Видели разрушенные постройки фабрики и карьер с бирюзовой водой. Если не знать истории, то можно подумать, что это красивое природное озеро, но, когда поднимаешься выше и смотришь на озеро сверху, видно, что на дне лежат затонувшие вагонетки. Это такая фантазмагория!

– **Пятый том мартиролога «Покаяние» посвящён депортированным полякам, которых в 1940–1941 годах в Коми числилось более 20 тысяч. У них даже были своя газета и радио на польском языке, делегатура.**

Руины барака 1930-х гг. на месте лагеря в м. Боярский Яг. Вуктыльский р-н.

Музей пока не обращался к этой теме...

– В общероссийском контексте это абсолютно открытая тема, и мы должны говорить об этом. Но вот в Корткеросском районе краевед Анатолий Смилигин всю жизнь поднимал тему репрессированных литовцев, зафиксировал более десяти мест захоронений, убеждал, что это нужно сохранить. Однако далеко не все принимают, что это место должно быть зафиксировано именно как место Локчимлага. Все хотят светлого будущего. С кладбищами вообще проблема, начиная с 30-х годов, когда в Усть-Сыольске сравняли городское кладбище в Кируле.

В чём трудность создания выставки? Мы можем знать историю, но музейщики должны показать её через предметный ряд. Эти пред-

меты надо уметь находить. Часто мы сталкиваемся с тем, что история репрессированных «беспредметна»: когда людей арестовывали или выселяли в 24 часа, мало что они могли взять с собой...

– Вы возглавили музей с февраля этого года. В новой должности будете продолжать начатое вашей предшественницей Ириной Котылевой или у вас есть свои планы?

– С Ириной Николаевной мы работали вместе с 2007 года, и все стратегии по развитию музея выработаны давно. Например, ещё в 2011-м, в год 100-летия музея, мы задумались о реконструкции здания отдела истории и создании новой экспозиции. Прошло десять лет... Концепция постоянной экспозиции,

где мы представим наши коллекции в обрамлении современного дизайна, уже готова, но прохождение различных технических процедур идёт очень медленно. Между тем, напомню, здание отдела истории – памятник истории и культуры регионального значения. Фундамент здания был заложен в 1912 году, возвели здание – в 1924-м. Когда-то там располагались горком и обком, в 1969 году здание передали музею, в 1985 году была построена экспозиция по истории нашей республики с древности до XX века... По сути, этой экспозиции сейчас более 30 лет. И для нас казалось очевидным, что к 100-летию республики будет новая экспозиция, но этого не произошло.

Хочется завершить то, к чему мы шли, потому что в эту идею вложено много сил, мыслей, энергии. Наверно, чтобы всё состоялось, должно, наконец, появиться понимание и желание свыше, потому что иногда мы наблюдаем парадокс: торговый центр строят меньше чем за год, а у нас последний раз экспозиция менялась аж в 1985-м, к IV Международному финно-угорскому конгрессу. Хотелось бы, чтобы в обновлённом отделе истории разместилось всё наше богатейшее собрание с древности и до современности. Тем более, что нам есть что показать! Людям, которые приходят в музей сегодня, должно быть интересно. Они должны почувствовать свою причастность к месту, где живут.

Есть ещё здание фондохранилища, которое пока доступно только для наших сотрудников и специалистов-исследователей, а наша мечта – новое современное здание, где

можно было бы делать открытые показы фондовых коллекций. Сегодня это мировой музейный тренд.

У нас был совместный проект с Эстонским национальным музеем, когда мы готовили выставку «Охотничьи тропы. Промысловая охота в повседневной жизни и мировоззрении коми-зырян». Коллеги предложили очень интересное решение – витрины в виде стволов деревьев. Это был серьёзный опыт по освоению темы и дизайнерскому воплощению – увидеть, насколько выставка может быть технологичной и визуально неожиданной. Есть другие состоявшиеся примеры, как интересно рассказывать истории, не перегружая мультимедийностью. Лично у меня на сегодня два таких ориентира: Музей истории ГУЛАГа в Москве и Эстонский национальный музей в Тарту. В последнем информация дана на пяти языках, в том числе на русском. Хочется, чтобы и наши музеи были такими же адаптивными и доброжелательными к посетителям.

И ещё всегда нужно держать руку на пульсе: что можно предложить для местного сообщества. А будет ли отклик, сумеет ли оно считать смысл? Помню, мы привезли уникальные вещи из Эрмитажа, для специалистов – просто фантастика! А сыктывкарцы, мягко говоря, не вдохновились. С другой стороны, в нашем музее хранится фрагмент лыжи с головой лося. Возраст находки – 8 тысяч лет, она старше египетских пирамид! Это ли не повод для гордости? Но многие до сих пор ничего не знают об этом. А нужно знать и ценить свою историю. Ведь невозможно любить то, что не знаешь.

Максим ФИЛИМОНОВ

Максим Андреевич Филимонов, выпускник кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (2019). Экскурсовод Национального музея Республики Коми. Сфера профессиональных интересов – история советской повседневности, история Сыктывкара в XX веке.

История одного дома

Во время прогулки по городу случается так, что мы останавливаем взгляд на общественном здании или жилом доме, который чем-то привлекает внимание: возможно, своей стариной или необычным оформлением фасада. У пытливого и лирически настроенного прохожего вполне естественно созревает вопрос: а кто раньше здесь жил или работал? Что помнят эти стены?

Так, если мы будем двигаться вдоль сквера, прилегающего к мемориалу «Вечная слава», улица Чернова приведёт нас ко входу в белый, сдержанно декорированный четырёхэтажный дом по адресу Карла Маркса, 227. Входная группа, обращённая к улице Чернова, нередко попадает в объектив фотокамер и в профили социальных сетей сыктывкарцев.

Именно этому дому Национальный музей Республики Коми посвятил выставочный проект под названием «Карла Маркса, 227: история одного дома».

Вдохновитель и зачинатель проекта – историк Олег Иванович Азаров. В 2019 году он передал собранные им материалы о доме и его жильцах в фонды Национального музея.

Что же вызвало исследовательский интерес учёного? Особенная и одновременно обыденная история дома, которая позволяет взглянуть на город по-иному и увидеть советскую повседневную жизнь людей, объединённых одной крышей и одним временем.

Целью проекта стало исследование и репрезентация истории дома по адресу: ул. Карла

Маркса, 227 и жизни его жильцов в историко-культурном контексте советской повседневности Сыктывкара 1960–1980 годов. Стоит добавить, что мы видим в истории дома и судьбах жильцов проявление частного и общего, локального и глобального.

При реализации выставочного проекта для нас немаловажно было уделить внимание предметному миру, социокультурным практикам и ценностям советских людей в их конкретном воплощении.

Кроме того, подобные проекты становятся помощью в самоопределении и культурном укоренении горожанина. Когда у места проживания есть история, за которой стоят люди со своими мотивами и ценностями, представляющие предыдущие поколения, это может быть опорой для городской идентичности. Поэтому идея проекта не только в описании истории дома, но и во взаимодействии с городским сообществом.

Выставка, которая является важным этапом в исполнении замысла, содержит четыре раздела, посвящённые преобразованию и расширению Сыктывкара во второй половине XX века, возникновению улицы Карла Маркса, строительству и заселению дома под номером 227, а также его обитателям.

Основой для экспозиции стали исторические фотографии, предметы из персональной коллекции заслуженного деятеля искусств Коми АССР В. В. Полякова, записанные аудио- и видеовоспоминания старожилов и жильцов дома, а также переданные материалы.

Работа над выставкой подразумевала запись интервью. Этот метод работы, очень распространённый в этнографических экспедициях, имеет свои преимущества и недостатки. Прежде чем мы познакомимся с героями интервью, хотелось бы наметить общую картину того периода, которому посвящён проект. Попутно читателю будут встречаться комментарии тех, с кем удалось побеседовать не только о доме № 227, но и о Сыктывкаре второй половины XX века.

Сыктывкар в привычном представлении горожанина немислим без современного центра города, располагающегося на оси Коммунистической улицы. В значительной степени эта часть Сыктывкара выросла на глазах одного советского поколения в 1960–1980-е годы. Живописная перспектива центральной Коммунистической улицы, которая упирается в здание железнодорожного вокзала, в результате бурного строительства очертила новый предел западной территории города. В Советском Союзе это время ознаменовано массовыми типовыми застройками и получением многими семьями собственного жилья.

К концу 1950-х годов проблемы развития благоустройства и расширения жилищных площадей в Сыктывкаре были очевидны. Если в 1941 году в Сыктывкаре проживало 32,4 тыс. чел., то в 1959 году – уже 69,7 тыс. чел. При таком росте населения остро ощущалась потребность решения жилищно-коммунальных проблем.

Нина Ивановна Злобина, одна из жительниц дома под номером 227, вспоминает пространство на пересечении улицы Коммунистической и Октябрьского проспекта в конце 1950–1960-х годов: «Я только помню, что вместо СГУ был лес. Мы на физкультуру оттуда начинали старт. У нас были у всех свои лыжи,

Улица Совнаркомовская. На фотографии видно здание лесной школы, позже Минсельхоза Коми АССР. Сыктывкар. Коми АССР. Вторая половина 1950-х гг. – нач. 1960-х гг.

допотопные. В валенках, по-моему, ходили. Мы становились на лыжню и ехали в район вокзала. Там у нас была, вероятно, лыжня. Там стоял деревянный вокзальчик. С левой стороны, напротив круга [стела], были болотца. На месте музыкального магазина [девятиэтажный дом, где располагался магазин Синтетика (1970), позже Мелодия] был огород 14 школы, по-моему. Там всё росло. И мы туда делали набег. Мы раньше носили шаровары и юбочки. Я помню, как летела сломя голову к этому забору. Мы перемахивали через него и шли по дороге, а сторож с собакой кулаком нам грозил. Нам не хватало, как бы сейчас сказали, адреналина...»¹.

В 1960-е годы было предусмотрено строительство крупнопанельных и кирпичных домов на свободных городских территориях в виде крупных жилых массивов. В ходе преобразования город раздвинул свои границы за улицы Мичурина и Гагарина (совр. Октябрьский проспект): появились улицы Железнодорожная (совр. ул. 28-й Невельской дивизии) и Привокзальная (совр. ул. И. П. Морозова), а также Пожарный проезд (ул. Старовского).

В 1970-е годы начал застраиваться панельными домами район между улицами Старовского и Привокзальной. С возникновением новых микрорайонов появились и школы, больницы, магазины, кафе, театр и кинотеатр. В 1959 году на городских улицах были установлены первые телефоны-автоматы. В 1964 году впервые зажглись голубые экраны жителей столицы. Постепенно Сыктывкар благоустраивался, и к концу 1980-х годов обитатели многоквартирных домов в большинстве были обеспечены коммунальными удобствами (электроэнергия, газ, водопровод, канализация, транспортная сеть), которые ассоциируются у нас с городским образом жизни. Так формировалась часть Сыктывкара, без которой нам сложно представить этот город.

¹ Орфография и пунктуация героев интервью сохранены.

Как же появилась улица Сыктывкара, на которой расположился дом под номером 227? Оказавшись в любом советском городе, с высокой вероятностью мы нашли бы улицу с этим названием. Карл Маркс – немецкий философ и общественный деятель – основал учение, которое легло в основу советского общественного устройства. Его фигура, наряду с В. И. Лениным, была неотъемлемой частью идеологии государства и вписана в советскую повседневность. Однако в городской культуре за унифицированным наименованием стоит уникальная история места.

Ещё на рубеже 1920–1930-х годов горожане, жившие по улице Первомайской, запрещали своим детям гулять в районе современной улицы Карла Маркса, потому что там заканчивался город и начинался лес, в котором можно было заблудиться. Однако вскоре улица стала новым рубежом в освоении пригородной территории.

На возвышенности, параллельно Первомайской улице, к 1936 году возвели четырёхэтажное здание Дома печати под руководством архитектора И. И. Ноткина. Дом печати на тот период был самым высоким сооружением в городе.

Вскоре в здании разместился Президиум Верховного Совета и Совет народных комиссаров – Совнарком Коми АССР. Поэтому и формирующаяся улица получила название «Совнаркомовская». На сегодняшний день это часть улицы Карла Маркса. Совнаркомовская тогда тянулась между современным Мичуринским парком и улицей Орджоникидзе.

Одновременно с этим во второй половине 1930-х годов к северу от города и к западу от Тентюково был отведён участок под строительство индивидуальных домов, который получил название Новый посёлок. Главной улицей этого посёлка стала улица Карла Маркса. В послевоенные годы улицы Совнаркомовская и Карла Маркса соединились в одну под наименованием последней.

В 1960 году новый 48-квартирный жилой дом (фактически 47 жилых квартир) по адресу: ул. Карла Маркса, 227 был сдан и принят жильцами «на социалистическую сохранность». Здание является последним аккордом сталинского неоклассицизма в городе.

Как во внутренней структуре, так и во внешнем декоре мы можем видеть составляющие архитектурного стиля сталинского неоклассицизма 1930–1950-х годов: ряд небольших прямоугольных выступов-зубцов, расположенных на карнизе здания; балкончики, выполненные в виде маленькой балюстрады; балясины, повторяющиеся в форме барельефов под окнами некоторых квартир; консоли для поддержки балкона, украшенные растительным орнаментом, венчаются изображением цветка. Над парадным входом, обращённым в сторону улицы Чернова, в виде гирлянды из цветов, перевязанной лентами, размещён фестон. Высота потолков, длина коридоров, внушительная жилая площадь квартир повторяет планировки сталинских домов.

Дом принял первых жильцов. В него заселились авторитетные партийные работники, талантливые учёные, артисты театра, журналисты, писатели, врачи, педагоги и другие. Возводить дома, в которые заселялись видные деятели и ответственные работники, было принято в СССР и ранее.

Записанные воспоминания старожилов и жильцов дома составляют несколько интервью. Кроме общих воспоминаний о советском Сыктывкаре, нам были доверены и личные истории. Обращаясь к судьбам жильцов, мы увидим отражение больших исторических событий, врывающихся в их жизнь, таких как массовые репрессии и война. Мы найдём также и саму эту частную жизнь, полную личных, семейных, профессиональных побед и поражений.

Наш первый герой Нина Ивановна Злобина – учитель русского языка и литературы школы № 1 города Сыктывкара, пенсионерка. Её мама Александра Николаевна Злобина. заслуженный врач Коми АССР и РФ. В разное время работала главным санитарным инспектором, зам. министра здравоохранения Коми АССР, заведовала Коми республиканской больницей.

Владимир Евгеньевич Наместников – сын Нины Николаевны (1926–2003) и Евгения Анатольевича (1921–2004) Наместниковых. Нина Николаевна была зам. заведующего идеологическим отделом и зав. сектором школ Коми обкома КПСС. Евгений Анатольевич – ветеран Великой Отечественной войны, зам. редактора газеты «Красное знамя». Всего у Наместниковых было три сына – Борис, Владимир и Антон. Они одни из первых заселились в этот дом.

Третий герой – Валентина Александровна Соловьёва, педагог, старожил города. Заслуженный учитель Республики Коми. Переехала на Карла Маркса, 227 в 2000 году.

Четвёртый герой – Галина Юрьевна Ширяева, заслуженный работник Республики Коми, лауреат премии правительства Республики Коми. Руководитель учебного ДБТ «Аленький цветочек». В 1960–1970-х годах Галина Юрьевна была артисткой балета Республиканского музыкального театра (ныне Государственного театра оперы и балета РК). Будучи ученицей, она часто бывала в квартире № 1 на Карла Маркса, 227. Там проживала её преподаватель Наталья Альбертовна Генчель.

Супруги Наталья Альбертовна Генчель и Николай Николаевич Массальский – уроженцы Москвы. Она работала артисткой балета в театрах Киева и Москвы. Он был актёром-режиссёром драматического театра Коммунистического района (г. Москва). В 1935 году их репрессировали: обвинили в контрреволюционной деятельности, осудили по 58 статье УК РСФСР на 5 лет лишения свободы. Супруги отбывали срок в Ухто-Печорском ИТЛ в Коми АССР. Они были досрочно освобождены в 1939 году. Поселившись в Сыктывкаре, пара связала свою жизнь с культурой Коми АССР.

Нельзя не упомянуть, что впоследствии судьба свела репрессированных Массальских и начальника Воркутинского ИТЛ и комбината «Воркутауголь» Степана Ивановича Дёгтева (1903–1973). Они были соседями по дому № 227.

Как наши героини оказались в этом доме? Существовало несколько способов решения «квартирного вопроса» в советский период. Среди них получение жилья в аренду от государства или предприятия в порядке очереди, строительство дома, покупка кооперативной квартиры и получение жилья от родителей по месту прописки. Также нельзя обойти стороной так называемый «блат».

Пользуясь партийными связями или покровительством, будущие новосёлы стремительно продвигались в очереди на квартиру. Отдельные категории людей обладали почётными званиями и наградами и имели право на получение жилья.

Нина Ивановна Злобина вспоминает о получении квартиры так: «Мать в то время уже была разведена. И поэтому мы втроём жили: бабушка, мама и я. Матери предлагали: выбирайте квартиру, какая вас устраивает. Между бабушкой и мамой был разговор – двухкомнатную или трёхкомнатную. Тогда бабушка сказала: нам трёхкомнатная не нужна, потому что другим не достанется, быть может. И выбрали они двухкомнатную квартиру. Она по работе перешла матери».

Владимир Наместников описал свои впечатления от переезда: «В 1960-м году нам дали квартиру № 36 на Карла Маркса, 227. Трёхкомнатная, широкие коридоры, хоромы, иначе не назвать. В «двушке» в деревянном доме мы жили впятером».

Он же нам пояснил, каким образом семья получила новое жильё, вспомнив о благоустройстве, которым они смогли располагать: «...В 1960-е гг. [Н. Н. Наместникова] получила портфель зав. отделом науки и учебных заведений Коми обкома КПСС. Она получила эту квартиру. В элитно престижном замечательном доме. Правда, без мусоропровода, горячая вода в титане, печка – дрова в ванной. Постепенно всё осовременилось. Я помню и сарай, и колку дров. Всё это было в 1961 году. Я учился в 6 классе... Тогда квартиру давали «блатным», но по заслугам всё-таки, не только по должности».

Когда речь шла о заселении, Владимир Евгеньевич отметил неприятную подробность: «Мы с отцом переехали в затопленную сверху квартиру. Видимо, была опрессовка системы отопления. Половину месяца сушили стены».

Нину Ивановну Злобину в меньшей степени очаровала квартира, в которую они заселились. Ранее она проживала в двухэтажном деревянном доме на улице Совнаркомовская, 57 (позже был снесён), очень близко расположенном к дому номер 227. Её волновало скорее сохранение дружеских связей, что являлось особой ценностью для советских ребят, ведь основное общение проходило во дворе. Н. И. Злобина в целом по-человечески тепло вспоминает жизнь до новоселья: «Особых ощущений от переезда не было. Друзья остались те же. Не помню, чтобы от счастья умирала, что у меня ванна есть. Для меня это вторично было, потому что мы и там [на Совнаркомовской, 57] хорошо жили».

Среди инфраструктуры дома и придомовой территории были: электрическая подстанция (трансформаторная будка), кочегарка, парикмахерская, бомбоубежище, футбольное поле, баскетбольная площадка, палисадники, позднее во дворе появились гаражи.

В дальнейшем в помещении бомбоубежища располагались: клуб Аэроплан, клуб Ветеранов (по свидетельству В. А. Соловьёвой, организованный усилиями Н. Н. Наместниковой), тренажёрный зал.

Владимир Наместников, перечисляя жильцов, которые остались в памяти, объясняет возникновение гаражей: «Ларев Павел Степанович из 32 квартиры.

Он был учителем труда или черчения. Меня учил. Тоже инвалид, ветеран Великой Отечественной войны. Хорошо помню, что ему первому дали льготный заporожец и гараж построили. Всполюшились другие инвалиды. В том числе и мой [отец]. И построили к его гаражу ещё четыре. Мы тоже стали счастливыми обладателями гаража во дворе и заporожца».

Облик дома и придомовой территории с тех времён значительно изменился. Н. И. Злобина вспоминает о детской любви к таинственным и опасным местам: «Между нашим домом и 225 был огромный ров. Где-то в том месте была тропа, по ней ходил академик Чернов, и мы знали, что это он»; «...ров был столь естественным, может, он казался мне большим».

Озеленение и облагораживание пространства вокруг дома, судя по словам Нины Ивановны Злобиной, считалось полезным хобби у жителей: «У нас посажены деревья были. Цветочки. У нас люди были помешаны на цветочках, поэтому ухаживали за ними. Заборчик по тем временам хороший. Был асфальт ровный, без луж. Балконы выполняли свою функцию. Потом начали нарушать эту архитектуру».

227-й имел статус «дома образцового порядка», и об этом сообщала табличка, висевшая на его фасаде. Как и во многих других советских домах, хозяйственные вопросы решались управдомом.

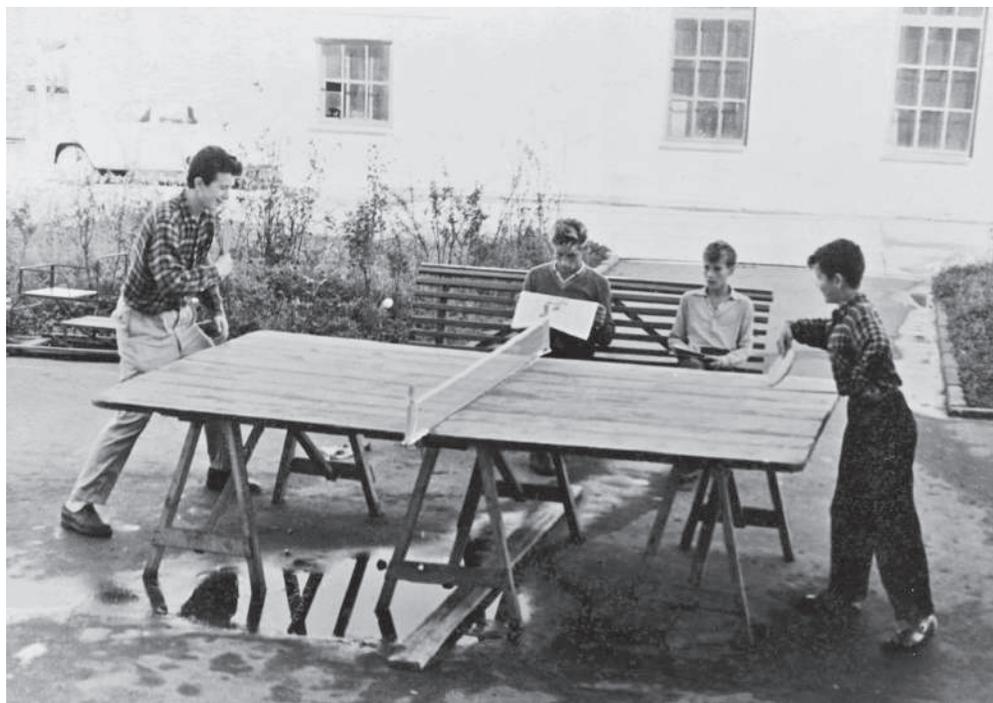
Валентина Александровна Соловьёва видела табличку в конце 1960–1970-х годов: «...я увидела на доме табличку «дом образцового порядка». Бывало, проходили мимо этого дома и думали, наверно, там такие квартиры красивые и такой порядок. И действительно, двор был не такой как сегодня – в зелени. Первые жильцы аккуратно посадили яблони, тополя, акации».

В доме использовалось печное отопление. Долгое время в квартирах стояли «титаны», которые подтапливались маленькими дровами «стульчиками», хранящимися в подвале.

Нина Ивановна Злобина вспоминает о благоустройстве дома, сравнивая с прежним жильём: «Я помню, в старом деревянном доме жили [Совнаркомовская, 57], рядом с этим [Карла Маркса, 227]: шаньги, пироги, сундук, коврик из лоскутьев, русская печь, кот... Более с деревянным домом воспоминания, чем с этим. Потому что здесь уже были удобства, кран, вода, ведь в деревянном доме носили воду с колодца. У нас в новом доме в ванной стоял Титан [устройство для нагрева воды]. Подтапливали дровами, которые называли «стульчики». Их привозили нам во двор, а «стульчики» жильцы загружали в подвал внизу».

В печном отоплении Нина Ивановна Злобина находила красоту вместе с подружкой, когда они принимали ванну: «Помню, что мы с подружкой приходили, зажигали свечу. Она помылась и я помылась. Нам так интересно было. Открывали дверцу Титана и огонёк видно».

Дворовая детская жизнь на Карла Маркса являлась весьма насыщенной. Сыктывкарские дети, как и современные, не были лишены авантюризма. «Конечно, дружно собирались на субботники. Но мы – дети удирали», – рассказывает В. Е. Наместникова.

Братья Наместниковы играют в теннис во дворе дома № 227 по улице Карла Маркса. На заднем плане котельная. Сыктывкар. Коми АССР. 1961–1963 гг.

Н. И. Злобина, мысленно переносясь во времена своей юности, объясняет, что ребята тогда жили в постоянном движении, и описывает знаменитую советскую игру «Двенадцать палочек»: «Играли в прятки. На доску клали кучу щепок. Все стояли наготове, кто-то бил по краешку доски. После удара щепки разлетались. Пока водящий собирал, мы должны были спрятаться. Поленицы стояли и сарайчики. Там прятались».

Лапта также оказалась для детей настоящей страстью: «Играли двором в лапту с двух сторон. Мы вышибали людей. Руки тренировали будь здоров. Это игра, на которой мы были помешаны».

Но вышеперечисленные развлечения – совсем не полный список различных способов провести время. В. Е. Наместников поделился фотографией и воспоминанием о дворовом настольном теннисе: «Помню Александра Фишмана, чемпион коми по боксу². Во дворе был теннисный стол. Мы играли в на-

² «Начиная с 1964 года, боксёры из Коми (В. Туркин, А. Фишман, Л. Мартынюк, С. Карнаев, Л. Сметанин, Р. Мальцев, А. Дмитриев, В. Шмонин, В. Чикида, С. Горбиков) добиваются хороших результатов на зональных первенствах России». – Шомысова Е. Е. Спорт в Республике Коми: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. Сыктывкар: Агентство РК по физ. культуре, спорту и туризму, 2008. С. 45.

Марина Филатова и Виктор Шерстнёв на Юбилейной площади. Сыктывкар. Коми АССР. 1981 г.

стольный теннис...». Владимир Евгеньевич выразил и всеобщую любовь того советского поколения к велосипеду.

С годами в доме сложилась особая культурная среда, которая отразилась на его примерном содержании и добрососедстве.

Каждый из участников интервью перечислил ряд известных в Республике Коми имён. «У нас жили все очень интересные люди, Трошева, Сидорова, Рассыхаевы³, доктора, научные сотрудники. Возможно, каким-то образом подбирался этот дом», – вспоминает Н. И. Злобина.

В. Е. Наместников поделился интересным воспоминанием о Марине Георгиевне Филатовой (1943–2021), легенде республиканского телевидения: «Марина жила на 4 этаже, по-моему. Она была диктором центрального телевидения. Мы сталкивались на лестничной площадке. Как только образовалась коми телестудия, я помню, она выступала. Мы гордились, что с Мариной живём в одном подъезде».

Жильцы дома, занимающие ответственные должности, были занятыми людьми, погружёнными в профессию. По мнению Н. И. Злобиной, на бытовые споры просто не оставалось времени: «Конфликтов у жильцов не было. Я этого не видела. Отношения доброжелательные. У всех разные сферы занятий. Они приходили всегда поздно, не до ссор».

³ Юлия Ивановна Трошева (1916–1988). Народная артистка РСФСР. Одна из ведущих актрис Коми республиканского драматического театра; Василий Николаевич Рассыхаев (1922–1990). Артист Коми республиканского драматического театра. Народный артист Коми АССР; Глафира Петровна Сидорова (1922–2019). Коми драматическая актриса, народная артистка Коми АССР, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии Коми АССР.

Следует добавить, что Г. Ю. Ширяева записала очень ценные свидетельства о дружелюбности интеллигентной среды Сыктывкара, сложившейся в квартирах, где жили и куда приходили люди с трагическими и удивительными судьбами: «Я часто бывала у Массальских. Они любили меня, относились как к родной – своих детей у них не было. Наталья Альбертовна помогала мне с немецким. В их спальне всегда стояли цветы – полевые, других тогда не было. Их приносили друзья семьи Массальских. Часто бывал у них художник Валентин Поляков, дружили они с поэтом Серафимом Поповым. Я встречала там их друзей по несчастью – драматурга Александра Клейна, дирижёров Николая Клауса и Владимира Каплун-Владимирского...».

Собранные материалы показывают взаимоотношения внутри дома, которые часто основывались на общем увлечении культурой и искусством. Некоторые квартиры стали местом притяжения для единомышленников.

«В 1967 году я попала в одну из квартир, окна которой смотрят в торцовую сторону бывшего здания Совета Министров, где жили мои замечательные учителя Н. Н. Массальский и Н. А. Генчель. Они работали в Доме пионеров, где я занималась во всех художественных кружках», – рассказывает В. А. Соловьёва.

Г. Ю. Ширяева, которая была близка с Н. А. Генчель, отразила в своей книге повседневное пространство квартиры: «Квартира Натальи Альбертовны и Николая Николаевича находилась рядом с моим домом – квартира № 1 в доме 227 на улице Карла Маркса. На двери – металлическая табличка с надписью «Массальский Н. Н.». Квартирка была маленькая и состояла из двух комнат – комната-зал, где принимали гостей, и небольшая спальня. Была ещё кухня... А в уютной нише широкого коридора спала бабушка Маша. Бабушка была не родная, но, придя однажды помогать по хозяйству Наталье Альбертовне, она стала им не просто незаменимой, но и частью семьи».

Галина Юрьевна сохранила уникальное описание квартиры Массальских, интерьер которой был весьма не типичен и отражал ценности и увлечения их владельцев. Это предметы, связанные скорее с интересом к чему-то романтическому и экзотическому, нежели к общесоветской культуре, частью которой они, безусловно, являлись. Среди них вещь, сыгравшая роковую роль в жизни супругов: «Комната у Массальских была окрашена в терракотовый цвет, и на этом фоне очень красиво смотрелись многочисленные статуэтки из слоновой кости на стеклянных полочках; их привозил Николай Николаевич жене из командировок. На стенах висели коллекционные тарелки. Одна из них была очень старой – периода Наполеона Бонапарта. В доме было очень много книг, в том числе и по искусству. На почётном месте на стене висел коврик, сделанный из разноцветных средиземноморских ракушек. На его тыльной стороне помещалась памятная надпись. Она гласила, что это подарок молодой балерине Большого театра Наталье Генчель от дирижаблестроителя и исследователя Арктики Умберто Нобиле. Такой необычный сувенир в сыктывкарскую квартиру попал не случайно. Попытка достичь Северного Полюса на дирижабле «Италия» в 1928 году закончилась для Нобиле катастрофой. Некоторые из его спутников замёрзли на льдине. Его самого и оставшихся в живых членов

итальянской арктической экспедиции спасли советские полярные лётчики – Бабушкин, Чухновский и другие. В итальянском посольстве в Москве для Нобиле устроили чествование. В концерте в его честь приняли участие лучшие столичные артисты. Успешно выступившей тогда молодой балерине Генчель и подарил Нобиле на память сувенирный коврик. А через несколько лет подарок от иностранца стал поводом для ареста».

Доброе отношение к животным Николая Николаевича из квартиры № 1 знала Нина Ивановна Злобина: «Массальский часто ездил на такси за рыбой для бродячих кошек. Их, наверно, штук двадцать было. Он чистил косточки и на скамеечке их кормил. Вокруг него собирались кошки».

В своём доме В. А. Соловьёва нередко принимала семейную пару звёзд республиканской эстрады и видных деятелей культуры Коми АССР: В. И. Мастеницу (1921–1995) и В. В. Есеву (1923–1990). Вацлав Иосифович был композитором, заслуженным артистом Коми АССР, а Валентина Васильевна – выдающейся исполнительницей коми народных песен, солисткой Ансамбля песни и пляски Коми АССР, вокалисткой Коми республиканской филармонии.

В. А. Соловьёва вспоминает: «В этом доме жила моя хорошая знакомая народная артистка Коми АССР В. В. Есева. Она часто приглашала к себе в гости...».

Также в их квартире проходили домашние репетиции: «Вместе с ней жил Вацлав Мастеница на четвёртом этаже. Когда Мастеница заболел, и ему стало трудно подниматься на четвёртый, они переехали на первый этаж... Я бывала у них в гостях. Мы репетировали, и он мне аккомпанировал. Я с ним выступала и не однократно даже».

Однако высокая атмосфера в некоторых квартирах никак не влияла на уличные нравы. Когда В. Е. Наместников вместе с семьёй переехал на Карла Маркса, ему пришлось встретиться со шпаной и пройти боевое крещение на новом месте: «Как только получили квартиру, сразу стали образовываться, назовём по тому времени, кодлы⁴. Парни кучкуются, дружат, права качают, морды колотят. Хорошо запомнился первый случай, когда я только появился. Рядом дом 229 и в тех краях организовалась группа товарищей. Я вроде ничего. Но их было много, а я был один. И меня победили».

В. Е. Наместников озвучил мысль, согласующуюся с мнением Н. И. Злобиной, не замечавшей особой социальной напряжённости по поводу некоторой разницы в материальном положении. Дворовая жизнь в той или иной степени всех уравнивала, а также имели немалое значение способности отдельного парня или девушки: «Вне всякого сомнения, на вопрос «Ты где живёшь? С кем общаешься?», если звучал этот адрес, то некоторые говорили и с завистью: «Дааа...». Однако злости не было. Были ли мы блатные? Да, пожалуй. Не лю-

⁴ Кодла 1. Сплочённая, связанная общими интересами компания, шайка уголовных преступников. 2. Совет воровской. 3. Притон разврата; Кодлой – вместе. – Городин Л. М. Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей императорской и советской России. – М.: Музей истории ГУЛАГа, Фонд Памяти, 2021. С. 108.

били ли меня в классе из-за этого? Нет, антипатий не было... У нас критерии были другие: [кто-то] физик – физику классно знает, [кто-то] умеет на мотоцикле ездить – круто! Приоритеты были другие в той среде, в которой я жил и вырос. Они запечатлелись в характере и в остальном».

О существовании каких-либо особенных традиций у соседей герои интервью не вспомнили. Однако Н. И. Злобина открыла любопытнейшую страницу неофициальной религиозной жизни её бабушки в советском Сыктывкаре: «Отмечали праздники у нас дома. Бабушка была верующим человеком, по-настоящему. Она говорила, что в этот день нельзя стирать, в другой ещё что-то. Мама была коммунисткой, но она абсолютно прислушивалась к ней... Бабушка ходила к монашкам в Кочпон. Иногда на праздники ночевала там».

Среди отпечатавшихся в памяти событий и В. Е. Наместников, и Н. И. Злобина отмечают похороны. «Знаете, как раньше устраивались похороны. Кто-то умер. Сюда приезжала машина, в которую погружали умершего, и она ехала по городу. Внутри сидели все родственники. Это кошмарная картина, но тогда это было обычно. Очень долго именно так провожали людей. Иногда играл оркестр», – поделилась Нина Ивановна.

За прошествием нескольких десятилетий жильцы начали меняться, этот процесс начался в 1980–1990-е годы. Пришло другое поколение, наступило новое время, но стены и старожилы помнят и хранят историю одного Дома. В словах Н. И. Злобиной проблеснуло некоторое сожаление об утраченной эпохе: «Когда люди разбогатели, они стали покупать наши пустые квартиры... время меняется и у нас тут всё изменилось». Нина Ивановна для себя обнаружила, что её дом необратимо ушёл в прошлое: «Новые жильцы перекрыли двор. Гости и многие соседи не могли пройти. Позже установленный забор закрыли на замок, от которого долго не выдавали ключей... Я думаю, что они закрывали двери не от жильцов». В перестройку в подвальном помещении дома был спортивный клуб. «Качки там были, связанные с совсем другой средой. Мы везде писали, но их всюду защищали. Не понятно, что забор давал. Я думаю, что они защищали что-то хранящееся внутри», – размышляет пенсионерка.

Продолжением проекта «Карла Маркса, 277: история одного дома» может стать издание, которое бы включило истории жильцов, фотографии, воспоминания, историю советской повседневности 1960–80-х годов и другие материалы, открывающие для нас «человеческое измерение» истории Сыктывкара и Республики Коми. Проект продолжает работать, и для нас ценны любые сведения об истории дома, о жильцах и их судьбах, которыми могут поделиться читатели.

Особое значение сбор свидетельств имеет в связи с уходом советского поколения родителей и даже детей. Эту статью мы посвящаем Марине Георгиевне Филатовой (1943–2021), ушедшей из жизни 7 октября 2021 года. Марина Георгиевна была диктором Сыктывкарской студии телевидения, вела программы для детей – «Занимательная азбука», «Путешествие в сказку», общественно-политические и художественные программы, информационную программу «Панорама республики» и др. Она проживала на Карла Маркса, 227 в квартире № 44.

**Наталья
ХОЗЯИНОВА**

Наталья Алексеевна Хозяинова – заведующий отделом культурно-образовательных программ Национального музея РК. Сфера интересов – развитие местных сообществ средствами культуры.

**Анна
МЕЛЬНИКОВА**

Анна Сергеевна Мельникова – заведующий отделом истории Национального музея РК. Автор выставочных и мультимедийных проектов по истории города Сыктывкара.

ХУНДЫ- МУНДЫ:

путешествие
в Старый Дом

В Старом Доме нет границ между внутренним и внешним, улицей и домом, стенами и полами... длинные улицы, застроенные добротными двухэтажными домами с высоким крыльцом, склады-мангазеи. У каждой постройки свой лик и силуэт. Резные фризы на карнизах, узорные фронтоны и наличники, декоративные балкончики... Важгорту – Старому Дому – более 500 лет! Он стоит в 400 километрах от столицы Коми, сокрытый сосновыми и еловыми лесами. Тишина и гармония Старого Дома прежде нарушалась в дни большой и шумной Крещенской ярмарки, слава о которой гремела не только на Севере, но и в двух российских столицах, в Казани, в Нижнем Новгороде, в других крупных городах. Сегодня Важгорт продолжает принимать новых людей, находя место не только для своих, но и для многочисленных гостей.

Как в любом Старом Доме, здесь много волшебных предметов. У каждого предмета, живущего в своём доме, есть душа и история.

В Доме Устиновых притаились **львы!** Неизвестный мастер изобразил их на спинке деревянного дивана, лежащих друг напротив друга. Они добрые 100 лет охраняли своих хозяев, приносили красоту в деревенскую избу... Потом львы остались одни в пустом доме. Аккуратно, словно побоявшись разбудить, летом 2017 года аспирант Евгений Худин и этнограф Валерий Шарапов «вывели» их в люди.

Незаметно мы оказались в заснеженном, тихом-притихом доме... Дышится глубоко... выды-

Владимир Стожаров. Дом с красной дверью. 1965. Картон, масло. 58 x 80. Хранится в архиве семьи художника.

Фото дома Титова из коллекции Важгорского филиала Национального музея Удорского района РК.

хается в морозный воздух тёплый пар... Поиграв с новыми гостями в прятки, заставив поплутать по комнатам и лесенкам, **Дом Петровых** принимает нас в число своих. Смена поколений, рождение детей, свадьбы, приезд видного гостя **Питирима Сорокина** «с тетрадью и карандашом в руке, с фотографическим аппаратом на боку...», уход мужчин на фронт I Мировой, потом уже и II Мировой войн... бесчисленные судьбы и истории людей, живших там, зримо и незримо отпечатались на молчаливых надёжных стенах. И на деревянном **Диване**: «1914 г. Мая 14 числа. Василий. Н. Петровъ»... Диван нашли на втором этаже, в холодных сенях, в сердцевине Дома. Крыша давно провалилась и сделалась Окном в большой мир... Дом живёт и меняется, сплетая различные фрагменты в единый рассказ.

Дом Степана Титова – «Дом с красной дверью» – знаменит благодаря художнику Владимиру Стожарову. Дом стал «родным» всей стране, многим захотелось уехать из своих столиц в тихие деревни с такими дверьми... **Шкаф** из этого дома хранил в себе много вещей, которые складывала в него семья красного партизана.

Пребывая в Важгорте, в СтаромДоме, понимаешь, что история на самом деле живая... Здесь прошлое вновь и вновь наполняется смыслом текущего настоящего, а **хунды-мунды**¹ – настоящее сокровище...

* * *

«ХУНДЫ-МУНДЫ» – выставка Национального музея Республики Коми, посвящённая вопросу сохранения исторического и культурного наследия

¹ Так коми, позаимствовав эти слова от ненцев, называли скарб, вещи, нажитые в течение жизни.

региона, подготовленная по результатам этнографической экспедиции в с. Важгорт Удорского района.

«ХУНДЫ-МУНДЫ» – история о том, как, попадая в музей, предметы, казавшиеся на первый взгляд «барахлом», приобретают новый смысл, становятся источником истории повседневности, народного опыта и образа жизни.

В экспедиции, состоявшейся 16–18 января 2019 года, приняли участие сотрудники музея – Мельникова Анна Сергеевна, зав. отделом истории; Хозяинова Наталья Алексеевна, зав. отделом культурно-образовательных программ, Шарапов Валерий Энгельсович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН; Худин Евгений Анатольевич, аспирант СГУ им. Питирима Сорокина, а также Екимова Валентина Владимировна, методист по музейно-образовательной деятельности Важгортского филиала Национального музея Удорского района РК.

Спинка деревянного дивана с крестьянской росписью по дереву в виде льва и львицы.

Поводом для поездки послужила спинка деревянного дивана с крестьянской росписью по дереву в виде льва и львицы, найденная летом 2017 года Е. А. Худиным и В. Э. Шараповым в опустевшем доме Василия Поликарповича Устинова (1893–1944) в с. Важгорт. Предмет, не имеющий аналогов, был доставлен в музей. Для сохранения памятника была произведена его срочная консервация – закрепление красочного слоя художником-реставратором Т. Земцовой (г. Москва). Помощь в приостановке разрушения памятника была оказана И. В. Земцовой, канд. пед. наук, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

Собранную во время экспедиции коллекцию предметов крестьянского быта справедливо было представить местному сообществу в отделе истории музея. Спинка дивана стала ключевым предметом на выставке.

Кроме «львов» на выставке представлены предметы с крестьянским «граффити» (деревянные кровать и диван), указывающие имя владельца «Василий. Н. Петровъ» и время росписи «14 мая 1914 года». Диван с над-

Диван с надписью.

письму найден в доме Василия Никифоровича Петрова / Микиш Вась (1891–1982) в с.Важгорт.

Дом построен в 1910 году. Известно, что годом позже в этом доме побывал Питирим Сорокин, тогда ещё студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета во время этнографической экспедиции 1911 года в Коми край.

В дорожных заметках «Пёстрое кружево», опубликованных в газете «Вологодский листок» в 1911 году, П. Сорокин описывает свадьбу Василия Петрова и Акилины Поповой:

«Моя фигура с тетрадью и карандашом в руке, с фотографическим аппаратом на боку – обращала на себя внимание зрителей...»

«...А невеста продолжала плакать по родным и подружкам. Вдруг она подходит ко мне и бух в ноги... Я смутился, сконфузился, но сообразив в чём дело, скорее вытаскиваю деньги и даю ей свадебный гостинец...»

«...Через некоторое время раздаётся где-то песня и на улице показывается целый «эскадрон» девушек верхом на конях... Сквозь тихо накрапывающий дождь сверкают разноцветные попоны и яркие платья всадниц. Выстроившись в ряд, они несутся по улице, и песня весёлая и радостная разносится по селу... Оказывается, они провожают невесту из деревни...»

Для придания предметам большей эмоциональности и реалистичности восприятия посетителями музея всей ситуации, в экспозиционное пространство был включён аудиофрагмент дорожных впечатлений «Пёстрое кружево» П. Сорокина (1911), озвученный Е. Худиным и В. Шараповым, специально подготовленный к выставке.

Всё неслучайное случается. 23 января 2019 года был единственный свободный час в сыктывкарской студии звукозаписи «Точка». В этот день исполнилось 130 лет со дня рождения Питирима Сорокина.

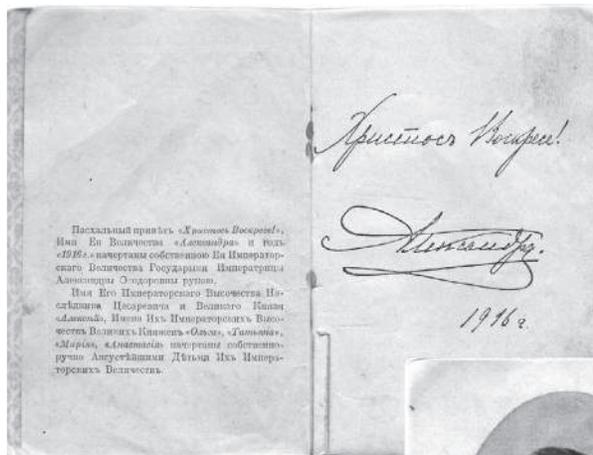
Автор фото-находки – этнограф Валерий Энгельсович Шарапов.

Питирим Сорокин был в самостоятельной экспедиции, но его пути пересеклись с венгерскими учёными, сначала с Давидом Рафаэлем Фокош-Фуксом – на пароходе, потом с Бенедиком Баратоши-Балогом в Важгорте.

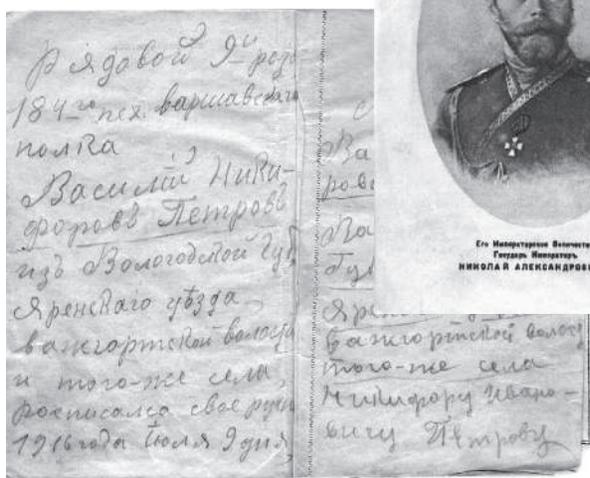
Фотография «Коми охотники», опубликованная на сайте Этнографического музея г. Будапешт, относится к коллекции полевых фотографий известного венгерского исследователя Бенедикта Баратоши-Балого (Barátosi-Balogh Benedek). На заднем плане – П. А. Сорокин. Фотография сделана венгерским путешественником во время экспедиции 1911 года. Его маршрут проходил через Усть-Сысольск, Вычегду, Удору, Канинскую тундру. В заметках «Пёстрое кружево» П. Сорокин тоже описывает встречу с венгерским фольклористом и лингвистом. Эта фотография является единственной фотографией П. А. Сорокина, сделанной на Родине.

Помимо дивана с декоративной спинкой из Удоры на выставке представлены расписной наличник, коньки, игрушки, подвесная колыбель 1888 года и деревянный шкаф-буфет. Звуковое сопровождение «Армия колледыгён» (Проводы в армию. Плач сыну)² помогает посетителям познакомиться с материалами в буфете – копией благотворительного издания «Пасхальный привет «Христос Воскресе!» от Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны», выпущенного в Москве в 1916 году. Это издание рядовой 9 роты 184 пехотного Варшавского полка 46 пехотной дивизии Петров Василий Никифорович получил, находясь на фронте Первой Мировой войны в районе р. Сервеч в Новогрудском уезде Минской губернии.

² Армия колледыгён (Проводы в армию. Плач сыну). Усть-Вачерга, Удорский район РК. Исполнитель: Палкина Е. И. Запись 1966 г. // Из материалов фольклорного фонда Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2006.

Копия благотворительного издания «Пасхальный привет «Христос Воскресе!» от Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны», выпущенного в Москве в 1916 году.

Настоящее издание содержит факсимиле Александры Фёдоровны с надписью «Христос Воскресе!», а также факсимиле цесаревича Алексея и его сестёр, княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. В книге содержится молитвенная памятка, миниатюрные изображения икон, православный календарь, фотографии августейшей семьи и отдельных её членов, в том числе снимок Николая II, сделанный лично Александрой Фёдоровной. На отдельном листе кальки приведён Приказ армии и флоту от 23 августа 1915 года о том, что Николай II возлагает на себя обязанности главнокомандующего сухопутными и морскими вооружёнными силами с факсимиле: «С твёрдой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрадим земли Русской. Николай».

В отдельную часть книги вынесена инструкция «Как русским героям-солдатам и их семьям получить пенсию или пособие» с указанием размера денежного пособия, полагающегося тем или иным чинам в зависимости от обстоятельств их службы и выхода на пенсию. Завершают книгу сведения о снабжении нижних чинов искусственными руками и ногами и другими механическими приспособлениями, а также образцы прошений в присутствия, казённую палату и начальникам штабов. На заднем форзаце – календарь на 1916 год.

К настоящему изданию прилагалась также пустая почтовая карточка, чтобы солдат, находящийся в госпитале, мог отправить поздравление или известие о себе.

На страницах книги имеются надписи, сделанные В. Н. Петровым:

«Василий Никифоровъ Петровъ изъ Вологодской Губернии Яренского уезда изъ села Важгорт».

«Рядовой 9-ой роты 184-го пех. Варшавского полка Василий Никифоровъ Петров изъ Вологодской губернии, Яренского уезда, Важгортской волости того же села расписался своей рукой 1916 года июля 9 дня».

«Адресъ Василя Никифоровича Петрова: Вологодскую Губернию Яренский уезд Важгортской волости того же села Никифору Ивановичу Петрову».

Само издание хранится у внука В. Н. Петрова в с. Междуреченск Удорского района РК.

Буфет происходит из дома 1919 года строительства, принадлежавший Титову Степану Ивановичу – участнику Гражданской войны, первому председателю колхоза «Партизан» с. Важгорт. Его дом можно увидеть на полотнах В. Стожарова.

По заданному сценарию концепции выставки завершается «путешествие» у некогда красивой расписной столешницы, которая приобрела от своих последних владельцев новые узоры – выжженные следы от горячих предметов...

Проекция на этой столешнице стихотворения Галины Бутыревой, члена Союза писателей России, уроженки с. Ёртом Удорского района республики, позволяет ужаснуться изуродованной красотой и воспрянуть, проникнувшись в слова автора:

...в любой миг
готовых сорваться с места
и улететь...
Мои деревни-птицы:
над Вашкой, Мезенью,
Печорой, Ижмой, Емвой, Нившерой...
Мои деревни-птицы!
Не улетайте...

Арт-факт

РУССКИЙ ТЕАТР. НАСЛЕДИЕ

С 22 октября по 3 октября
2021 года в Сыктывкаре
прошёл IV Северный
театральный фестиваль

На подмостках театра им. В. Савина было представлено 12 спектаклей от 8 городов. Примечательно то, что зрители не увидели в спектаклях эпатажных постмодернистских «штучек» с трендами голых тел или идеальных геев-мужей, не услышали стёба по поводу власти, политики и религии, не нашли в артистках превращений в мужчин, а в артистах – превращений в женщин. Не было и применения новомодных съёмок артистов с монтажом снятых кинокадров в разных состояниях – для облегчения им проживания в образе.

А что же было? На что ходил зритель?

На Человека. На человека в самых различных его проявлениях. На актёра, не показывающего роль, но роль проживающего. На изменения, происходящие в душе персонажа. И, вероятно, все постановщики фестивальных спектаклей подписались бы под программным высказыванием худрука Московского Губернского театра Сергея Безрукова: «Мне кажется, психологический театр – это та соль, та основа, без овладения которой невозможно играть формами. Вернее, возможно, но эта форма будет пуста».

**Вера
МОРОЗОВА**

***Вера Семёновна Морозова.** Закончила Институт культуры в Ленинграде. Занималась в критических семинарах Натальи Крымовой, Александра Свободина, Виктора Калиша. Живёт в Сыктывкаре, преподаёт в Колледже культуры.*

Каждый зритель найдёт «свой» спектакль

Авторский театр «У моста» Сергея Федотова из Перми, имеющий титул «Лучший региональный театр России», как раз отличается крепчайшей приверженностью традициям психологического театра. Его постановки «На дне» М. Горького и «Мачеха Саманишвили» В. Константинова и Б. Рацера по повести грузинского драматурга Давида Квдиашвили отличали, во-первых, густо и плотно обставленная предметами быта площадка сцены (сценограф – сам режиссёр), во-вторых, актёры, не пропускающие подробностей психологии и поведения своих героев, с лёгкостью освоившие не только нижегородский говор и лёгкий грузинский акцент, но и особенности облачения в лохмотья обитателей ночлежки, а также – в любовно отобранные национальные костюмы.

В подробностях быта, в приближении к правде жизни С. Федотов мог бы поспорить с самим Константином Сергеевичем! Может, он даже в чём-то его и перегнал: картузник Бубнов (И. Бабошин) для органического самочувствия должен был непременно иметь в миниатюрной круглой клеточке... мышку! И ему её покупали в каждом городе, где шли гастроли! Кроме того, сцену для спектакля МХТ не посыпали луковой шелухой и не обрызгивали алкоголем... Артисты Федотова так же, как и исполнители Станиславского, искали бомжей, знакомились с историями их погружения «на дно», перенимали их повадки, бывали в местах их обитания, просили наиболее колоритные «туалеты». Конечно, это обстоятельство работало на спектакль, на веру в происходящее. Хотя костюмы исполнителей – не просто лохмотья, но сценические варианты, пришедшие тому или иному образу.

Современные артисты по-иному трактовали свои образы, чем в самом известном – первом горьковском спектакле – в постановке молодого МХТ. Существенно, к примеру, это проявилось в истолковании образа Васьки Пепла. А. Шебуняев представил в этой роли немало отсидевшего, перенявшего все тюремные повадки матёрого уголовника. А непотребная девица Настя (М. Хмылова) никак таковой не казалась – во всяком случае, до сцены опьянения в ней

«На дне».

не наблюдалось и намёка на вульгарность. Наверное, изменилось само понятие правды жизни... Правду в этом густонаселённом общежитии все толковали по-своему. Толкование правды и открывало нам суть человека. Клещ (Д. Осинин) в ярости бросал: «Работы нет... пристанища нет! Вот – правда! Будь она, окаянная, проклята!»; Сатин (В. Ильин) как о чём-то несбыточном: «Правда – Бог свободного человека», а хитрован Лука (С. Мельников), сам, видимо, имевший неладу с законом, – ни с кем не конфликтуя, дарил каждому кусочек нужной полуправды в обмен на доверие. Тем она становилась на какое-то время лампадкой надежды...

«Мачеха
Саманшивили».

При подготовке музыкальной комедии на грузинский сюжет тоже искали подлинные костюмы, папахи, платья для стариков и молодых... Все научились по-грузински танцевать и петь. И всё-таки, наверное, не получился бы спектакль с не очень-то достоверным на взгляд скептиков сюжетом таким лёгким, озорным и праздничным, – не будь в труппе Марины Шиловой с её великолепной техникой, громадным потенциалом юмора и женственности. Но и вся труппа поддержала героиню! Надолго запомнятся зрителям намеренно гротесково сложенный «балет вдов», духоподъёмный мужской хор и общая лезгинка!

Наверняка на С. Федотова, выбиравшего пьесу для постановки, повлияли и финальные фразы героев, которым не хотелось, чтобы их мачеха родила мальчика, наследника: хозяйство-то придётся делить!.. Но взявши в руки живой свёрток с малышом, старший сын умиряет пылкие нравы: «Мы все – одной крови!»

Добавляем: именно Сергею Федотову принадлежит постановка в Сыктывкаре пьесы из классического наследия – «Гроза», которая радует зрителей подлинностью существования исполнителей, функционально-образной сценографией.

Котласский драматический театр предложил сыктывкарцам постановку по пьесе И. Грековой и П. Лунгина «Вдовый пароход» в постановке Натальи Шибаловой. Пьеса известная, шедшая с успехом во многих советских театрах. И в сыктывкарском – тоже.

Типичная мелодрама. Поминки с наплывами воспоминаний: в своё время сын-подросток, краем уха прослышавший, что мать – фронтовичка (О. Белых) родила его без мужа и даже неизвестно от кого – резко меняет к ней своё отношение: начинает пренебрегать ею, грубить ей и даже хамить. Почти до самой своей кончины она не услышит от него ни одного доброго слова. Он обвинит её в смерти отца, с которым подружился. Не даст ей возможности создать новую семью, рассорит с соседями. Только insult матери станет моментом, разделившим жизнь сына (А. Дудников) на «до» и «после». Осознав, что кроме матери у него никого нет, – он бросает всю свою жизнь на её спасение, но слишком поздно... На поминках с соседями по её коммунальной квартире он, наконец, узнает всю правду о житье-бытье своей матери и на коленях просит прощения у всех.

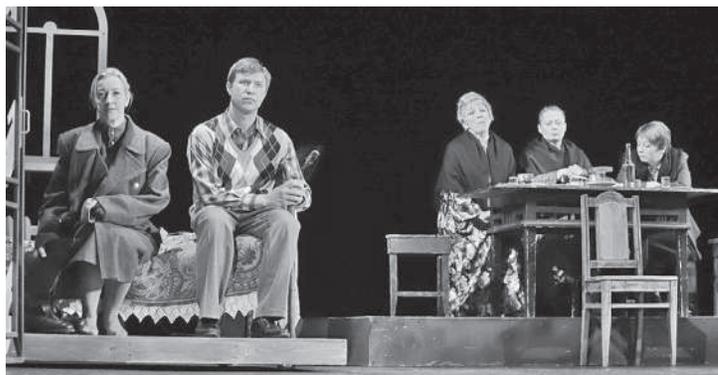
Метафорично представлена художником Валерием Новаковским финальная сцена: на Мать в белых одеждах опустится нимб из серебристых фрагментов...

Ни пафосный финал, ни страсти «в ключья», ни предсказуемые актёрские реакции отдельных сцен – не смогли преодолеть магию самого жанра мелодрамы.

Зрители были покорены не только безыскусными сценами встреч и расставаний главной героини пьесы, но и подробностями быта «коммуналки», которую сами жильцы прозвали вдовим пароходом. В нём споры за очередь по уборке, сочные – на повышенных тонах – диалоги сменялись счастливыми примирениями, весёлыми застольями, переживаниями за судьбу друг друга.

...Вот будущий отец героя пьесы (Д. Романов) – раненый боец, передвигающийся на костылях, – танцует с будущей матерью своего сына (балетмейстер Ирина Моница). И костыли не мешают, а, наоборот, помогают их взаимному сближению! Другое дело, что счастье оказалось коротким...

...Вот, уже после смерти отца (Э. Абанин) сын видит на кухне её однополчанина (В. Седелков) – пожившего уже, в застиранной гимнастёрке, выдавших виды сапогах, моментально просчитывает намечающееся общее с ним будущее

«Вдовий пароход».

и резко обрывает их разговор, на корню пресекая возможное личное счастье матери...

...А вот трагикомический дуэт жилички-артистки (С. Львова) с соседкой – музыкантшей (С. Раздрогова), в котором намечена несостоявшаяся всё же «приёмо-передача» возможного кавалера...

И, наконец, – беспрюирышный номер для мелодрамы – выступление в роли героя пьесы в детстве (М. Пелевин). Детский наив, чистенький голосок, серьёзность исполнителя не оставили зрителей равнодушными!

Волнующая сердца, трогательная, непотопляемая в критических разборах мелодрама! Она поистине бессмертна!

Ярославский театр им. Ф. Волкова представил спектакль по пьесе Алекса фон Бьёрклунда «На самом краю земли» в интерпретации режиссёра Дениса Кожевникова. Автор пьесы посчитал, что написал психологическую драму, но автор постановки рискнул назвать жанр спектакля комедией. И предложил нам сюжет в версии записи радиоспектакля! То есть изменил предлагаемые обстоятельства: действие происходит не в маленьком прибрежном кафе-закусочной, а в радиостудии с несколькими столами, снабжёнными микрофонами.

Случаи замены очевидного по содержанию жанра известны. Началось всё очень давно: ещё Чехов свою «Чайку» (с самоубийством одного из героев в финале) назвал комедией! Объяснялось это тем, что драматург, зная рутинные обычаи исполнения разных жанров в театре, решил подстраховаться: он не желал, чтобы актёры стали «грузить» игру с первых строк и до конца. Известна его цитата: «Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни». В нашем случае «подстраховался» режиссёр, – сомневаясь, впрочем, не в актёрском исполнении, а, скорее, в зрительском восприятии. Он как будто говорил залу: «Разбудите свою фантазию! Посмотрите, насколько персонажи честны, чисты помыслами и наивны (комичны!) в своём общении – они, рыбаки или грузчики, просмолённые ветрами и солью, будучи укоренёнными на каком-то Богом забытом острове, самые малые детали своей обыденной жизни воспринимают как некое глобальное явление; изо всех сил прячут сердечную боль и испытываемые чувства, а между тем все их эмоции неизбежно считываются – причём из разговоров о самых обыденных вещах!»...

Исполнителями записи были сплошные «звёзды», любимцы ярославской публики – Ирина Чельцова, Валерий Соколов, Валерий Смирнов, Сергей Цепов. Только текстом, только голосом из микрофона они создавали характеры своих персонажей, выражая замысел режиссёра об истории, в которой недолго разбиться сердцам.

Некоторые зрительские реплики говорили о недостатке динамики действия: только звуки цокота каблучков, только звон и стук стаканов, шипение пива, шум ветра в открывающейся наружной двери, гудок корабля (звук-имитатор А. Султанов – великолепная работа!), да ровная профессионально вежливая интонация режиссёра радиозаписи (Е. Сусанина – дивный голос!)

«На самом краю земли».

вносили в беседу рыбаков разнообразие. Хотелось к подтверждению жанра некоторых деталей самого процесса записи – кто-то мог что-то неправильно сказать по тексту, могли бы случиться повторы кусочков записи и пр., и пр...

Такому опытному мастеру, каким является Денис Кожевников, ничего не стоило бы осуществить подобное. Опытнейшие артисты запросто скомиковали бы – в угоду публике.

Режиссёр не пошёл на это. Не пошёл – из-за чистоты эксперимента: фестивальная публика – особенная. Она должна быть готовой к опытам! Так и случилось. Впоследствии постоянные зрители сознавались, что то и дело всплывали вдруг в их памяти герои спектакля, что история оказалась узнаваемой, что много существенно-реального подмечено автором в характеристиках персонажей...

Всё объяснимо: герои пьесы – северяне. Как и мы.

От себя добавлю, что пьеса А. Бьёрклунда идеально «ложится» на исполнение возрастными артистами и что Д. Кожевников подарил им элегантнейшее средство для демонстрации очень высокого уровня исполнительского мастерства в области психологического театра.

«Танцы во время Луназы» по пьесе ирландского драматурга Брайана Фрила привезли артисты из Татарстана (г. Бугульма). Это произведение отчасти автобиографично: вероятно, автор маленьким мальчиком некоторое время жил в описываемом местечке и назвал себя персонажем по имени Майкл. Как пьесы Чехова (Б. Фрил первым перевёл их на язык своей родины), драма хранит в себе достаточный запас возможных смыслов, которые может «нащупать» постановщик для реализации в спектакле. В данном случае режиссёр Дмитрий Акриш сделал акцент на том, что неукоснительное, безоговорочное соблюдение твёрдых традиционных католических установок может привести к разрушению семьи.

Пять сестёр – одиноких, трудолюбивых, честных – мечтают о женском счастье, о счастье материнства. Только одна из сестёр это счастье познала – все вместе сёстры воспитывают её сынишку. О его молчаливом присутствии говорит кресло, которое всегда стоит спиной к зрителям и которое позволяет бесе-

«Танцы во время
Луназы».

довать с племянником без его ответов. В правом верхнем углу чёрного задника демонстрируются кадры съёмок в детском саду. Но по ходу действия кадры постепенно теряют яркость, блёкнут и, наконец, пропадают совсем.

Счастье этим женщинам-труженицам недоступно. Во-первых, их сдерживает отношение жителей окрестных сёл к девицам, имеющим незаконнорождённых детей. Во-вторых, они уже пережили юный возраст, и мечтать о танцах на празднике урожая считается непозволительной забавой. В-третьих, они хранят ото всех свои семейные тайны, которые могут нанести урон престижу семьи. Привычка соблюдать множественные запреты подвела к тому, что сёстры ходят по дому, как заведённые, – по периметру стен: прямолинейная, всегда уверенная в том, что она знает, как надо жить, Кейт (Н. Вышенская), наивная, как будто оставшаяся в детстве Роуз (колоритно сыгранная А. Азоровой), белокурая Агнес (В. Лапчук), видимо, тайно влюблённая в Джерри (Р. Никитин) и осмелившаяся восстать против старшей сестры. А ещё – примиряющая всех Мегги (М. Чернуха), которая тоже следит за домом и заботится о Майкле – и младшенькая Крис (Л. Хабибулина), которую все учат жить. Когда одна из сестёр призывает отправиться к месту празднования Дня урожая и все мгновенно оживляются, – старшая, учительница – резко, авторитарно их отрезвляет, режет их замысел на корню. Режиссёр прекрасно организовал этот момент: кто-то из них подобно резко заторможенной машине затрясся мелкой дрожью, кто-то вскинул руки в бессильном ожесточении (ударить – невозможно!), кто-то застыл в напряжённой позе... Танцы во время Луназы сёстрам отменились! Ещё один шанс избавиться от одиночества упущен...

Д. Акриш подошёл к постановке решительно и без всякого пиетета к автору. Обрезал текст финала, сократил тексты теряющего память дядюшки Джека, а также тексты имеющей возлюбленного – Крис. Но главное, – он изъял из текста пьесы роль её сына, который по замыслу драматурга в данной пьесе считался главным героем: именно он составил, ставши взрослым, жизнеописание семьи, его воспитавшей. Режиссёр в финальной сцене общей ссоры просто приказал опрокинуть несколько кресел, в том числе то из них, в котором должен был сидеть Майкл. Его там не оказалось!

В этом, видимо, и состоял главный семейный секрет. Секрет, сочинённый не автором пьесы, но режиссёром. Сильный, надо ещё раз отметить, момент, совершенно неожиданный для зрителя! И всё-таки обеднивший смысл произведения, грубо упростивший роли дядюшки Джека и матери Майкла. Дядюшке досталась элементарная роль медленно умирающего, матери Майкла – банальная роль истерички.

Постановка завершилась тем, что осознавши пережлёт нервов, сёстры быстро приводят дом в порядок и дружно садятся пить чай. Исключительно порядок, исключительно установленный годами режим поведения должен спланировать родственников под одной крышей.

Распорядок установится, но счастье обойдёт дом стороной.

Зрители сидели, словно вжатые в спинки своих кресел: чёрный кабинет, окутанная неизвестностью пропажа (смерть?) малыша, угадываемая безысходность жизни обитателей дома... И всё это – под названием «Танцы во время Луназы»... И ни одного танца! «Нате! Вот вам!» Прямо по формуле лидера постмодернизма К. Богомолова: «Примитивность бывает намеренной, она должна раздражать эстета и интеллектуала».

Всё-таки не удержался режиссёр от искушения использовать эпатажный постмодернистский тренд – тренд жертвы! И «сильным» этот момент оказался потому, что жертва не одна – целая семья жертв! При этом сам автор пьесы Б. Фрил недвусмысленно описал борьбу сестёр с обстоятельствами, теснящими их на обочину жизни! А автор постановки Д. Акриш позволил себе придумать иные предлагаемые обстоятельства из пьесы, которую сочинил сам.

Проза на сцене

Воркутинский театр драмы им. Б. Мордвинова отправил на фестиваль двух исполнительниц – Оксану Ковалёву и Анну Ермакову – со спектаклем «Прощание с Матёрой» по повести В. Распутина в инсценировке и постановке В. Ножкина. Двух актрис на дюжину (не меньше!) ролей! Для реализации своего спектакля актрисы пользовались подбором деталей оформления: стол, несколько табуретов, кусок забора – всё это имеется в любом театре. Всё это одновременно и приметы любой деревни. Мало того, – исполнительницы намеренно не дистанцировались от публики: подчёркивая жанр пересказа о затоплении земель тем, что они приглашали нас, зрителей камерного зала, сначала выслушать их любовно воссозданные воспоминания... о своих бабушках. И мы, вместе с актрисами погружаясь в пространство их детства, вслушиваясь в уникальные говоры, начали представлять себе традиционный уклад жизни людей военной и послевоенной поры, невольно признавая в этом нечто общее, объединяющее зал и сцену.

Сама история начиналась песней: актрисы по-деревенски повязали платки, присели за стол к самовару и запели – песню старинную, редко исполняемую,

«Прощание
с Матёрой».

грустную... Потом, будто продолжая беседу, стали нам представлять различные случаи из жизни Матёры и самих жителей. Удивительно органично исполнительницы переходили в зону рассказа о них, мужчинах и женщинах, стариках и молодых – все оказались различными по характеру, по повадкам, по голосовым признакам! Великолепно составленная композиция переводила нас из мирно текущего воспоминания в драматичнейший эпизод защиты варварски разрушаемого кладбища, приводила к отрывку с нагло-разбойничьим поджогом дома-красавца, а потом вдруг раскрывала лирично-отрадную сцену сенокосной страды... В эпизодах мы видели актрис – молодых, без грима и накладок, но они передавали нам своё неравнодушное, пристрастное отношение к героям через динамично выстроенные мизансцены, мобильную перемену мест действия, через меняющиеся ритмы поведения, через изменение отдельных деталей костюма, голосоречевые и световые перемены – и мы представляли жителей Матёры как живых!

Все эпизоды связывались нетривиальными, мало исполняемыми народными песнями.

Отдельно хочется отметить прекрасное звуковое сопровождение (автор-составитель сам режиссёр). Оно зримо представляло нам и отсылающие к вечности звёзды над деревней, и эпизоды брэнной жизни на земле. Божественно прекрасный хорал финала гармонизовал и возвеличивал житие тех, кто уходил под воду вместе с Матёрой.

Моноспектакль. Каюсь: это слово уже заранее вызывало во мне ощущение скуки – из-за скудости используемых театральных средств, едва намеченного мизансценирования, отсутствия полноценного музыкального сопровождения. И вообще – мелькания на сцене только одного человека, с одним только лицом...

Но один театральный вечер фестиваля перевернул все мои представления о вышеозначенном жанре!

Санкт-Петербургским театром «Мастерская» (профессиональный драматический театр, основанный в 2010 году на базе актёрско-режиссёрского курса профессора СПбГАТИ Григория Козлова) был представлен моноспектакль «Записки юного врача» – по ранним рассказам Михаила Булгакова в инсценировке самого исполнителя, Максима Блинова.

...Прямо из зрительного зала на сцену взошёл молодой человек сухощавого сложения, стройный, высокий, облачённый в обычный современный костюм: с жилеткой, но без пиджака и галстука. Попросил, чтобы публика не забыла «усмирить» свои телефоны, немного постоял ещё, дожидаясь ответной реакции, и начал работать: снял с двух столбов по краям сцены белые покрывала-простыни (обнаружились с одной стороны уличный фонарь, с другой – что-то похожее на закуток со старинным большим рукомойником), открыл чёрный занавес – и оказался в пространстве больницы. На заднике повисла штанкета с целым рядом белых халатов во всю ширину сцены, причём не так, как в магазине на вешалке, а «в фас»; в центре сцены оказался стол, похожий на письменный, но – как впоследствии оказалось – с немалым количеством функций при его поворотах: тут тебе и обычный стол, и операционный стол, и стол в больничной приёмной. По сторонам сцены располагались тумбы, на которых был разложен разнообразный инструментарий. Это был инструментарий исполнителя, которому предстояло в нужный момент его использовать во время рассказа (от первого лица) истории из жизни молодого врача, попавшего сразу по получению диплома в самую глушь России. Оказался он там один с образованием – а значит, без возможности получения хоть какой-нибудь консультации со стороны опытных докторов. И тут уже пришлось ему искать помощи исключительно в учебниках, которые он (слава Богу!) не забыл взять с собой. А случаи бывали такими, что кроме книг требовали от врача-новобранца недюжинной храбрости, силы воли, бесконечного терпения.

Зрители сразу стали сочувствовать человеку на сцене: актёр сумел вызвать их доверие через первое же обращение к залу. Он делился с публикой мучительными сомнениями своего героя в выборе принимаемых лечащих мер, открывал непреходящую его вину из-за смертельного случая с новорождённым, испытывал вместе с ним предельное физическое переутомление в конце приёма больных... Редкие радости тоже выпадали на долю его героя, но и эти чувства сквозили так же через пелену усталости. Были случаи, когда его в бессонницу стали посещать видения: на фоне завывания вьюги неожиданно сначала зашевелилась штанкета с белыми халатами (художник Николай Слободяник),

*«Записки
юного врача».*

а потом вдруг с ними начала подниматься вверх – при этом халаты оказались совершенно безумной длины: штанкета дошла до потолка...

В спектакле о возмужании молодого человека, о самовоспитании профессионала театр «Мастерская» не оставил актёра один на один с публикой: ответственно, точно отобрал и световые, и музыкально-шумовые средства, любовно набрал требуемую бутафорию и реквизит. Немыслимо говорить здесь и о мелькании одного лица – мы видели и представляли в воображении всё то, о чём рассказывал Максим Блинов: рыдающего, утопающего в слезах мужика на коленях перед хирургом, грязь, кровь, осколки костей ноги попавшей в мялку девушки, задыхающуюся и умирающую на глазах пятилетнюю девочку, мёртвого новорождённого со сломанной ручкой...

Вот и ещё один пример театра русской психологической школы актёра.

К слову, как раз пример моноспектакля иного рода тоже был представлен на фестивале. Он продемонстрировал именно то, чего я страшилась увидеть: неточно определённая адресность рассказа героини, малая обработанность текста для показа на сцене, индифферентное музыкальное сопровождение и, как следствие, – элементарность используемых театральных средств...

Но благодарю театр из Санкт-Петербурга с возможным названием «Театр – текст» за знакомство с новым для меня писательским именем, за образец его великолепной прозы: Андрей Геласимов, «Жанна». В репертуаре фестиваля спектакль был назван «Жанна. Во Францию и обратно».

Театр «пост». Психологический или игровой?

...Кто-то спросил меня про то, каким образом в программе фестиваля под девизом «Наследие» оказался спектакль, несомненно рождённый эпохой постмодернизма, – речь шла о постановке не традиционного, не психологического, а игрового формата в стиле вербатим под названием «СКТВКР». Я тогда предположила версию: для контраста к остальным названиям. Вербатим по сути – относительно новая технология сбора материала, основанная на интервью и почти не подвергающаяся художественной обработке. Эта необработанность и должна удостоверить правдивость информации, то есть текста пьесы. «СКТВКР» – так для краткости в интернет-сообщениях может указываться город Сыктывкар, хотя речь в пьесе идёт не только о столице Коми, но о жителях этой республики в целом. Режиссёр Максим Соколов считает, что собрал (!) спектакль про людей, населяющих север, которые сами – часть её суровой природы. Здесь рассказы о том, как с неба падали фрагменты отработавших свой век ступеней космических ракет, как шла борьба за Шиес, как в фантастическом образе русалки строит свою жизнь та, что представляет себя нимфой вод и ручьёв, как и чем провинциальный город притягивает людей, а ещё – как

«Как важно быть серьёзным».

становятся олимпийскими чемпионами... а ещё – как человек спас самолёт от крушения. Причём вместо декораций – проекция на потолке, на босых исполнителях – чёрные рабочие трико, вместо подмостков – неглубокий бассейн, источник восхитительных брызг!

Учёные говорят об игровом театре: «игра есть добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени... сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также ощущением «инобытия» в сравнении с «обыденной жизнью» (Й. Хейдинга). Именно ощущение «инобытия», чувство напряжения и радости «СКТВКР» предлагает в избытке!

Этот спектакль уже стал местом паломничества для молодёжи. А остальным зрителям он дарит надежду на то, что постмодернизм всё-таки оставит нечто позитивное из своих безумных экспериментов для театрального будущего.

Замыкали фестиваль москвичи. Театр имени В. Маяковского давал в Сыктывкаре «Как важно быть серьёзным» О. Уайльда в постановке Анатолия Шульева и «Обломов» И. Гончарова в сценической версии режиссёра Миндаугаса Карбаускаса.

В первом спектакле постановщики сократили нескольких героев, не имевших влияния на сюжет, из реплик героев оставили лишь текст, продвигающий действие. И зрители в полной мере насладились игрой любимицы публики Светланы Немоляевой – с её неповторимым тембром голоса, умением носить самые немислимые по форме шляпки и эффектные наряды (костюмы – М. Данилова). Она представила нам английскую леди, которая мечтает женить своего племянника – шалопая Алджернона (И. Никулин – мастер перевоплощений!), имеющего за душой одни долги. Все его недостатки в её устах носили подтекст одобрения, чуть прикрытую нежность к нему. И ей удалось-таки выполнить свою мечту!

А удалось, потому что нашлась девушка, которая сама мечтала не о скучно-правильном, размеренно ведущем жизнь землевладельца или судьи, как

её чрезвычайно положительный опекун (И. Выборнов), а о человеке, который разделит её мечты, её видение жизни, обнаружит возможность родства душ! Сесили (Анастасия Дьячук) – сгусток нерастроченной жизненной энергии! Она вносит в существование семьи праздник, счастье открытий; она не может усидеть на месте – бегают, прыгает, кружится, разбрызгивая при этом реально рождественские блёстки-искры. Причём никто не задаётся вопросом – что это за искры и откуда она их взяла! Просто видят девушку в белом разлетающемся от движения платье барышни, из рук которой рвутся искры!.. Сразу вспоминается театр игровой!

Подругу её опекуна, Гвендолен, играет Полина Лазарева – в чёрном, облегающем великолепную фигуру гипюровом платье. Она – полная противоположность Сесили. Она требует для себя поклонения и обожания, поскольку знает себе цену. И обе они достойны желанной семейной жизни – как и неожиданно обнаружившаяся ещё одна любящая пара (З. Кайдановская – И. Марычев).

Видимо, намеренно, на этот раз без ярко выраженной иронии, какими несомненно обладают пьесы О. Уайльда, была сыграна постановка в жанре «легкомысленной комедии для серьёзных людей». А. Шульев представил нам спектакль о необыкновенной любви, которая «накрывает», не спрашивая о разумных планах и возможностях!

Завершался спектакль коротким диалогом состарившихся Алджернона и Сесили – они поседели, замедлились в движениях, но по-прежнему обожают друг друга, и искры из их жизни не исчезают!

Во втором спектакле – «Обломов» – представлена была нам только одна линия жизни заглавного героя (Вячеслав Ковалёв) – даже без Штольца, который находился далеко от имени друга, успев дать поручение своей знакомой Ольге Ильинской (Анастасия Мишина). Она должна была растормошить бездельника и любителя проводить дни своей жизни на удобном диване в роскошном – чудовищных размеров! – халате (костюмы – Мария Данилова). Этому образу жизни, естественно, потакал слуга Обломова – Захар, образ которого блистательно и с юмором вылепил Анатолий Лобокский, игравший обычно героев-любовников. Одетый в прекрасную ливрею, в укороченных брючках (или вырос из них?), его Захар – в силу солидного возраста – был влюблён уже не в дам, а только лишь в заботливо собираемую пыль: она струилась из щелей половиц (сценография Сергея Бархина, художник по свету Александр Мустонен), слетала с поверхностей раскрытых книг, а собираемая, – вновь оказывалась на привычных местах...

Забываясь о выполнении поручения, Ольга и не заметила, как поддадала под обаяние Обломова – этого наивного увальня с честными, ни во что глубоко не вникающими глазками, этакой мирной, не знающей агрессии птицы – «голубя», по её выражению. Молния взаимного притяжения настигла их во время музыкального урока, когда Ольга, ища то, что понравилось бы Илье Ильичу из играемого ею музыкального материала (отбор музыки – Фаустас Латенас), случайно исполнила арию, которая пронзила Обломова красотой и силой лю-

«Обломов».

бовного чувства. И Ольга это подметила! Она торопливо стала «использовать» эту струну, – и будто бы преуспела, они даже пылко целовались однажды! Ольга стала ждать решительного объяснения с Ильёй... Не дождалась.

Актриса Анастасия Мишина играла девушку с острой реакцией, умную, проницательную, не только мимикой и жестами реагирующую на ответы и поступки Обломова, – она всем существом, пластикой всего тела внимала и отвечала ему! Тем серьезнее для неё оказался «облом» в планах будущей жизни с Ильёй... Он испугался её пыла, силы её страсти, не поверил ей...

А может, и поверил, но... с такой девушкой Илье непременно пришлось бы менять свой образ жизни, «обрывать пуповину» с диваном, с привычным местом обитания и уютной хозяйкой (Ольга Ергина), не требовавшей от него ничего особенного, лишь был бы рядом.

Остальных персонажей сыграл один человек – всё тот же мастер перевоплощения Илья Никулин, легко и ловко трансформировавшийся в разных героев не только при помощи отлично решённых костюмов, но и неповторимыми повадками, и темпераментом разного накала.

Если решать – психологический реализм как метод создания образа использовали артисты или какой-то другой, – то вопрос останется, возможно, открытым. Но, во-первых, жанр комедии предполагает иронию и преувеличения, а во-вторых, герои и вправду не особо озабочены глубокими переживаниями. Даже сильно огорчённая Ольга довольно быстро просчитала свои жизненные перспективы и совершила, что называется, перезагрузку. Опять – игровой театр! Но ведь не без погружения в психологию поведения героев?

Интерес к Северному театральному фестивалю растёт: в качестве участников приехали в Сыктывкар и знаменитые театры, и коллективы из регионов России с любопытнейшими постановками. Вместе они устроили для зрителей IV Северного фестиваля настоящую праздничную декаду.

Фото Ивана ФЕДОСЕЕВА.

100-летие Республики Коми: выставки в Национальной галерее

Национальная галерея Республики Коми в 2021 году к празднованию 100-летия региона подготовила три крупных экспозиционных проекта, каждый из которых отражает отдельное направление её деятельности. 18 мая состоялось открытие новой экспозиции национального изобразительного искусства «КОМИ: Человек. Ландшафт. Миф», явившееся знаменательным событием в работе творческого коллектива галереи, реализовавшего давние планы нового подхода к музейной публикации искусства Республики Коми. 3 сентября вернисажем I Коми биеннале «Новое открытие Севера» начался завершающий этап международного проекта, включившего приезд, пребывание и работу в республике известных в России и Европе современных художников и направленного на привлечение общественного внимания к территории Коми края, обладающего огромным природно-ландшафтным, экономическим и историко-культурологическим потенциалом. С 16 октября по 12 декабря в Национальной галерее Республики Коми работает выставка «Золотой век русского искусства. Живопись и скульптура XVIII – первой половины XIX века» из собрания Государственной Третьяковской галереи, подготовленная в рамках сотрудничества с крупнейшими федеральными музеями и ставшая для жителей Сыктывкара эксклюзивным подарком к 100-летию республики.

Н. Е. Плаксина

«КОМИ: Человек. Ландшафт. Миф»: новая экспозиция – новые смыслы

Экспозиция «КОМИ: Человек. Ландшафт. Миф» создана к 100-летию Республики Коми в 2021 году. В контексте задач развития туризма в Республике Коми и накануне биеннале «Новое открытие Севера» перед коллективом проекта была поставлена задача продемонстрировать зрителю, в том числе гостям региона художественный образ Коми края. В основе концепции новой экспозиции – не история развития регионального изобразительного искусства, а сам художник в его взаимоотношении с объектом искусства. Эта концепция легла в основу реализованного ранее проекта

«КРАЕВИДЕНИЕ: Коми край глазами художников», победителя II открытого конкурса проектов «Музеи Русского Севера» компании ОАО «Северсталь» (руководитель Н. Е. Плаксина). Структуру одноимённой программы (<http://www.kraevidenie.ru>) составили ключевые темы регионального изобразительного искусства, в том числе природные, городские и сельские ландшафты, история и освоение края, культура, быт и традиции, легенды и предания народа коми, люди Севера. Для новой экспозиции, ограниченной пространством четырёх залов, в качестве основных объектов были отобраны четыре смысловые точки, условно обозначенные как ОБРАЗ СЕВЕРА, ОСВОЕНИЕ, МИФ и ТРАДИЦИЯ. Ещё две смысловые точки – ГУЛАГ и ВЕРА – возникли на пересечении тем в переходных пространствах. Каждый зал и каждая тема – это самостоятельный кураторский проект, начиная от отбора зрительного ряда и заканчивая организацией экспозиционного пространства. Так, например, в разделе ОБРАЗ СЕВЕРА (куратор О. В. Орлова) превалирует эстетический аспект. Куратор создаёт экспозицию как некое произведение искусства, своего рода инсталляцию. В основе зрительного ряда – безлюдные пустынные ландшафты девственной природы Севера – Арктика, Кольский полуостров, Северный, Приполярный и Полярный Урал, тундра (С. С. Асташёв, А. Н. Безумов, Е. П. Борисевич, А. В. Кочев, С. А. Торлопов, В. В. Трофимов и др.). Человек если и присутствует в них, то – как маленькая точка в пространстве, обретая весомость и материальность только в нескольких обобщённых скульптурных образах легендарных покорителей Севера. Преобладают произведения двух авторов, создавших в своём творчестве подлинно романтический образ Севера, – живописца С. А. Торлопова и скульптора В. И. Смирнова. Именно они создают визуальный образ зала, решённого в холодных серебристо-серых тонах. Использован принцип асимметричной развески с подчёркиванием непрерывной линии горизонта, что усиливает эффект внезапного разворачивания пространства перед глазами зрителя, впервые «вступившего» на эту землю. Художественный образ зала дополнен видеоинсталляцией В. Лихачёвой.

В разделе ОСВОЕНИЕ (куратор Н. Ж. Беляева) эстетическое уходит на второй план, превалирует аспект документальный. Произведение искусства выступает здесь в качестве исторического источника. Предваряют раздел свидетельства трагической страницы истории края – небольшие этюдные работы репрессированных художников, отбывавших сроки в лагерях Коми АССР, впервые показанные в рамках постоянной экспозиции (К. К. Пантелеев-Киреев, А. С. Кузнецов, Л. Н. Рыминский, В. И. Прокошев). Работы в зале посвящены эпохе ударных комсомольскихстроек, освоения нефтегазоносных месторождений Ухты и Усинска, Интинских и Воркутинских угольных месторождений, строительства деревообрабатывающих предприятий, дорог и др. В центре внимания экспозиции труженик Севера – геолог-первопроходец, шахтёр, строитель, буровик. Несколько возвышенный и идеализированный образ покорителя Севера воплощён в живописи (Э. В. Козлов, С. С. Асташёв, А. В. Копотин, С. А. Торлопов) и в скульптуре (Ю. Г. Борисов, В. Н. Мамченко,

В. А. Рохин, В. А. Безумов, В. И. Смирнов). Характерный для искусства этого времени индустриальный пейзаж представлен работами Ф. Ф. Вдовина, А. П. Бухарова, Е. П. Борисевича, В. С. Шустова, В. В. Трофимова и других. Сугубый реализм и «документальность» художественного метода подчеркнуты кадрами кинохроники, сопровождаемой ритмами производственной музыки, а также природными артефактами – горными породами из фондов Геологического музея им. А. А. Чернова Института геологии КНЦ УрО РАН. Полумрак тёмно-синего зала с «защитными» окнами вызывает ассоциации с темной Полярной ночью и земных недр.

В разделе МИФ (*куратор Л. И. Кочерган*) превалирует иллюстративно-тематический и иконографический подходы. Представлены художественные образы героев легенд и преданий народа коми (Зарни Ань, герои-богатыри Пера, Ёиркап, Корт-Айка, Шыпича и др.) в произведениях В. Г. Игнатова, А. В. Мошева, А. А. Куликовой, Н. Л. Жилина, В. А. Рохина. Прослеживаются архаические истоки образности современных художников-этнофутуристов (П. Г. Микушев, Ю. Н. Лисовский) и мастеров декоративно-прикладного искусства (М. И. Волкова, С. С. Тот (Светличная), Л. М. Агеев, В. В. Попов и др.). Наиболее обширна «иконография» образа лесного человека Яг-Морта, воплощённая в произведениях станковой (В. Г. Игнатов) и книжной графики (А. В. Мошев), скульптуры (В. А. Рохин). Основную канву экспозиции создают графические работы В. Г. Игнатова и А. В. Мошева, для которых мифологическая тема была ведущей в творчестве. Колористической гаммой работ В. Г. Игнатова, составляющих центральный раздел экспозиции, продиктован и глубокий изумрудно-зелёный цвет зала, создающий таинственный и сказочный настрой. Эмоциональное воздействие сказочных образов усиливает аудиовизуальная инсталляция – озвученная анимация работы В. Г. Игнатова «Яг-Морт сжигает коми деревни» (автор Е. И. Бастрова).

Иллюстративно-тематический метод построения экспозиции использован и при формировании раздела ТРАДИЦИЯ (*кураторы Н. Е. Плаксина, Т. Д. Дубинина*). Отбор зрительного ряда продиктован стремлением раскрыть основную тему через ряд подтем: северная деревня как ландшафт и как социум, деревенский дом, его жизненный уклад, предметный мир, образ деревенского жителя, мир женский и мир мужской, семья, обычаи, обряды. На пересечении этих линий возникают темы традиционного народного костюма (ижемский, усть-цилемский костюм), традиционных мужских и женских ремёсел. Визуальный ряд составляют произведения живописи (П. М. Митюшов, Р. Н. и Е. Ф. Ермолины, В. М. и А. А. Куликовы, В. Г. Залитко, В. Н. Кислов, С. А. Добряков, А. Р. Разманова), графики (П. Э. Бендель, Е. П. Борисевич), скульптуры (В. А. Рохин, Ю. Г. Борисов), традиционного народного и современного декоративно-прикладного искусства (Л. М. Агеев, В. В. Попов, Л. П. Фиалкова, И. М. Тютюнник). Экспозицию сопровождают разнообразные деревенские звуки (лай собаки, стук топора, скрип деревянной двери, протяжные женские напевы и пр.), усиливающие её эмоциональное воздействие (сост. И. С. Бастров, Н. А. Сурнина). Тёплый красно-корич-

невый тон зала находит переклички с произведениями народного искусства, вызывает ассоциации с миром крестьянской избы. Художественный образ одного из центральных произведений экспозиции – полотна Р. Н. Ермолина «Усть-Цилемская горка» (1974) – дополняют кадры документального фильма 1976 года «Усть-Цилемская горка на Печоре», запечатлевшего живые лица её участников.

Новым словом в создании долговременной экспозиции НГРК стало не только использование различных аудиовизуальных средств (звуковые и визуальные инсталляции, документальное кино), призванных усилить эмоциональное воздействие художественного образа, но и использование цвета в окраске одной из стен каждого раздела – серебристо-серого (ОБРАЗ СЕВЕРА), тёмно-синего (ОСВОЕНИЕ), изумрудно-зелёного (МИФ) и красно-кирпичного (ТРАДИЦИЯ). Кроме того, каждое тематическое пространство открывается цепочкой тегов – ключевых слов, раскрывающих содержание зала. Работа над художественным решением выставочного пространства проходила в сотрудничестве с художником-дизайнером А. В. Лянцевич, разработавшей общий стиль выставки.

Таким образом, экспозиция «КОМИ: Человек. Ландшафт. Миф» стала новым словом в экспозиционно-выставочной практике Национальной галереи Республики Коми. Было создано новое символическое художественное пространство, открывшее зрителю целостный и глубокий образ Коми края. Работа над выставкой позволила по-новому увидеть, казалось бы, знакомые произведения мастеров нашей республики, оценить их вклад в художественное осмысление территории. Структурированная по ключевым темам экспозиция дала возможность показать ранее практически не выставлявшиеся работы, выстроить между произведениями новые, порой неожиданные взаимосвязи, актуализировать скрытые смыслы и создать новые коннотации. Возможно, эта экспозиция не станет постоянной, но очевидно, что её модель будет использована в дальнейшем для демонстрации новых тем регионального искусства.

О том, что экспозиция принята и понята зрителем, говорят многочисленные отзывы. Приведём лишь некоторые из них:

Выставка чудесная. Многие эти работы видела и ранее, но сейчас они зазвучали совершенно иначе. Возникло удивительное ощущение лёгкости, света, красочности. Совершенно иной образ Севера. В нём нет гнетущей тяжести и мрачности. Когда-то такое же праздничное чувство чистоты у меня было на выставке Р. Кента. Здесь очень похожие переживания. Великолепно выдержана тематика залов. Здесь хочется быть. Мария.

...Хотя работы видела и до этого, именно структурированная выставка помогла прочувствовать Коми край, рассказать его историю. Надеюсь, однажды она придет в Москву и Петербург. Кажется, все должны увидеть Север таким. 20.10 21. Без подписи.

Невероятная образность и глубина выставки «КОМИ: Человек. Ландшафт. Миф» совершенно иначе раскрыла мне красоту, полётность и чис-

тоту вашего края. Я побывал в десятках музеев и России, и мира, но не нахожу аналогов красоты именно самобытного, регионального искусства, сочетающего глубину и мощь замысла с невероятным профессионализмом исполнения... 28 октября 2021. Денис Коновалов (Санкт-Петербург).

Выставка – крутая. Впечатления ещё не улеглись в голове... Выставка позволила ещё раз прочувствовать в себе часть моей личности, которая пропитана Севером. И на стыке культурного кода Севера и близкой мне культуры Японии рождается что-то особенное, тёплое. Рад этому опыту. Шумилов Артём. 29.10.21.

А. А. Мишурина

Итоги I Коми биеннале «Новое открытие Севера»

В год столетия региона с 4 сентября по 10 октября в Национальной галерее Республики Коми прошло беспрецедентное событие – I Коми биеннале «Новое открытие Севера». Мероприятие было реализовано при поддержке Министерства культуры, туризма и архивного дела республики, Министерства культуры Российской Федерации и при участии Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

Более 20 известных актуальных российских и европейских художников отправились в путешествие по Республике Коми по следам основателя беспредметного искусства Василия Кандинского. Выступая в роли исследователей, они преследовали основную цель – новое открытие Севера и возрождение интереса общественности к культуре и истории республики.

В первых числах июля художники начали прибывать в столицу Республики Коми. Сразу несколько участников посетили Воркуту, Инту и Усть-Куломский район. Везде для них была организована культурная программа, для того чтобы они смогли достичь свою главную цель – найти источник вдохновения через собственные ощущения и эмоции, энергетику природы и знакомство с местными жителями и представить результат своего творчества в Национальной галерее Республики Коми.

По итогам творческих экспедиций каждый из участников основной программы разработал концепцию своего произведения и работал в заданном направлении до конца августа. Каждое из произведений, созданных для I Коми биеннале, – полноценный концептуальный проект с тщательной проработкой выбранной темы.

Таким образом, экспозицию основной программы составили 11 произведений, посвящённых природе, истории и культуре нашего края.

В качестве дополнения основной программы организационным комитетом было принято решение о наборе участников для специальных проектов.

В период с июля по август принимались заявки от фондов, поддерживающих проекты в сфере современного искусства, в параллельную программу Коми биеннале. Её участниками стали четыре фонда: фонд Махарт Foundation (Москва), Фонд Ля Медитерранэ (La Méditerranée) (Париж), Фонд поддержки современного искусства «Сфера» (Москва) и НКО «Творческие люди» (Сыктывкар). Особый упор специальных программ был сделан на традиционную культуру коми и уникальные народные промыслы.

Фонд Махарт Foundation работал над проектом «Коллаборация», основная идея которого заключалась в совместном творчестве московских художников и местных мастеров декоративно-прикладного искусства. В качестве партнёра данного проекта выступил Сыктывдинский Дом народных ремёсел «Зарань». На итоговой выставке были представлены восемь совместных проектов, наглядно показывающих возможность синтеза современного искусства и традиций.

Три художника – представители фонда «Сфера» – осмыслили в своём проекте «Ловушка. На зверином стиле» тему охоты и рыбалки, основных традиционных занятий мужчин коми.

Проект «Павильон общества» фонда «La Méditerranée» запустил исследовательский процесс внутри региональной экосистемы. Каждый из художников разработал концепцию своего произведения, основываясь на тесном контакте с окружающей средой, природой Коми края. Идеи работ художники в прямом смысле черпали из земли (пигменты, глина, дерево) и из местного фольклора, чтобы, основываясь на полученных сведениях, предложить зрителю своё видение происходящих вокруг процессов.

НКО «Творческие люди» представили известный многим в республике ежегодный пленэр визуальных искусств «Клюква». Начиная с 2012 года, группа художников, сформированная в зависимости от темы и места будущей экспедиции, создаёт свою художественно-философскую концепцию или образ той территории, на которой находится. Каждый год тема пленэра меняется. Участники проекта проводят своего рода художественное исследование, погружаясь в окружающую атмосферу, ощущая на себе влияние пространства, за десять дней пленэра они пытаются изобразить или даже изменить его, используя собственную фантазию, опыт, средства современного искусства и традиционные формы изобразительного искусства.

В течение работы I Коми биеннале «Новое открытие Севера» проходили кураторские экскурсии (ежедневно), лекции от сотрудников Национальной галереи, интерактивные программы, мастер-классы. Все мероприятия были нацелены на облегчение знакомства посетителей с ведущими тенденциями в современном искусстве. Отдельным пунктом в образовательной программе биеннале стал приезд приглашённых лекторов и художников.

Первым столицу Коми посетил стрит-арт художник, лидер уличного искусства Нижнего Новгорода Егор Той. Он встретился со студентами и учащимися Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина и Колледжа искусств Республики Коми, а также провёл мастер-класс для

всех желающих и совместно с участниками мастер-класса создал арт-объект на территории Национальной галереи.

Следующими приезжими лекторами стали digital-художница, выпускница Школы Родченко Софья Скидан и доктор искусствоведения, свободный куратор Андрей Владимирович Ерофеев. Софья на встрече представила свои творческие проекты и поведала об особенностях набирающего в настоящее время популярность цифрового искусства. Андрей Владимирович на примере различных монументальных произведений искусства рассказал о разных подходах к творчеству современных авторов и о формировании арт-рынка.

Лекции и творческие встречи пользовались большим успехом у аудитории, что говорит о подлинном интересе у населения к современному искусству.

В день торжественного закрытия I Коми биеннале «Новое открытие Севера» прошло сразу несколько важных мероприятий. Состоялась пресс-конференция с представителями местных СМИ, на которой были подведены итоги этого грандиозного проекта и озвучены планы его дальнейшего развития. Логичным завершением торжества стала презентация буклета Коми биеннале и авторская экскурсия от комиссара.

Подводя итоги работы I Коми биеннале «Новое открытие Севера», нужно отметить как масштабность данного проекта, так и новизну его идеи. Художники по-настоящему исследовали регион, их работы стали авторскими концептуальными высказываниями на тему Севера. Статус самих участников даёт возможность говорить о том, что в залах Национальной галереи Республики Коми выставилась гордость современного искусства. Участие французских художников придало проекту международный статус, а освещение его столичными СМИ сделало биеннале действительно резонансным событием.

Л. И. Кочерган

«Золотой век русского искусства»: шедевры Третьяковской галереи в Национальной галерее РК

Одно из направлений выставочной деятельности Национальной галереи Республики Коми – сотрудничество с ведущими федеральными и центральными музеями с целью организации выставок, благодаря которым жители и гости столицы смогли бы на месте познакомиться с шедеврами их коллекций. Подготовка подобных выставок, от первого обращения до осуществления показа, занимает, как правило, несколько лет, сама цепочка договорённостей может быть прервана на любом из этапов в силу самых разных причин. В случае же реализации такая выставка становится знаковым

событием в культурной жизни города, она приводит к оживлению и внутримузеевской жизни: сплав огромной духовной составляющей, заложенной в произведениях искусства, вкупе со спросом со стороны посетителей, идущих на выставку потоком (что не так часто случается в нашем городе), вызывает творческий подъём и в самом коллективе.

Среди прочих выставочных проектов, запланированных Национальной галереей к 100-летию Республики Коми, изначально выделялись два, их реализация, ввиду огромной ценности художественных произведений, собственно, и стала возможной только в рамках программы празднования 100-летия благодаря финансовой поддержке юбилейных мероприятий. Речь идёт о выставке «Василий Кандинский и Россия» из собрания Государственного Русского музея, состоявшейся в 2020 году, и выставке «Золотой век русского искусства. Живопись и скульптура XVIII – I половины XIX века» из собрания Государственной Третьяковской галереи, работающей в эти дни.

Подготовка выставки «Василий Кандинский и Россия» шла в сложных условиях ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции, и мы крайне признательны сотрудникам Русского музея, работавшим над выставкой и давшим нам возможность открыть её в канун Дня республики. Особая благодарность – заместителю генерального директора ГРМ Евгении Николаевне Петровой за бережный подбор произведений В. В. Кандинского и удивительную экспозицию, в сравнительно небольшом формате представившую произведения всех этапов творческого пути Кандинского, включая его абстрактные шедевры, прослеживающую связь абстракционизма и народного искусства, рассказывающую о самом художнике и его путешествии в Вологодскую губернию, в ходе которой он побывал и в Коми крае, в том числе в Усть-Сысольске (Сыктывкаре).

Куратор выставки «Золотой век русского искусства. Живопись и скульптура XVIII – I половины XIX века» – Людмила Алексеевна Маркина, заведующая отделом живописи XVIII – I половины XIX века ГТГ, доктор искусствознания, профессор. Именно благодаря её стараниям выставка приобрела ту насыщенность, которая стала притягательной для посетителей Национальной галереи. Людмиле Алексеевне принадлежит идея сделать лейтмотивом выставки диалог двух видов искусства – живописи и скульптуры: в те времена слепки и копии с античных скульптур нередко были «моделями» для живописных произведений, а сам процесс обучения в Академии художеств во многом строился на копировании античных образцов искусства ваяния.

Перекличка живописи и скульптуры подкрепляется и тематическим объединением произведений, и даже изображением одной и той же модели в разных видах искусства. Так, один из портретов Ольги Ферзен выполнен живописцем Карлом Брюлловым, другой – скульптором Самуилом Гальбергом. Расположенные на экспозиции рядом, на сопоставлении образов, эти работы притягивают внимание посетителей, обладая какой-то внутренней недосказанностью воплощённого облика. Оба портрета были заказаны безутешным вдовцом Павлом Ферзеном после смерти любимой супруги и вос-

производят образ рано ушедшей из жизни Ольги, урождённой графини Строгановой. Их история тайного венчания в своё время обсуждалась в светских кругах Петербурга намного живее всех политических новостей и послужила основой для создания пушкинской «Метели». А недосказанность образов, возможно, связана с тем, что произведения были выполнены не «с живства».

Другую взаимосвязь в диалоге двух видов искусства можно увидеть на примере Петра Клодта – его портрет, выполненный маслом, принадлежит кисти Фаддея Горецкого, ученика Карла Брюллова. Рядом расположились небольшие скульптуры П. К. Клодта, изображающие коней, одна из них является моделью к известнейшей конной группе Аничкова моста в Санкт-Петербурге. Ещё больший экскурс в историю диалога живописи и скульптуры даёт этюд Александра Иванова к картине «Явление Христа народу», сопоставляющий изображение головы реального человека со скульптурной головой Аполлона Бельведерского: этюд способен не только рассказать о том титаническом труде, который проделал художник за 20 лет работы над картиной, но и представляет приёмы автора, сделавшие его картину настоящим шедевром, среди которых и изображённый метод «сравнений и сличений».

Что касается самой экспозиции, то она расположилась в двух залах, границей между ними стала историческая смена столетий. Эпоха XVIII века представлена прежде всего жанром портрета, объединение в одном пространстве произведений Фёдора Рокотова, Дмитрия Левицкого и Владимира Боровиковского, в совокупности с тонкой аурой, исходящей от подлинников шедевров, создаёт трепетное ощущение настоящего приобщения к достижениям русского национального искусства. Одна из работ В. Л. Боровиковского, портрет Екатерины Тёмкиной, дочери Екатерины II и светлейшего князя Г. А. Потёмкина-Таврического, стала визитной карточкой выставки, разместившись на обложке каталога, городских баннерах, афишах и пригласительных. Портрет ещё одного фаворита Екатерины II, графа А. М. Дмитриева-Мамонова, написанный Николаем Аргуновым, представителем известнейшей династии крепостных художников, соседствует с бюстами графской четы П. Б. и В. А. Шереметевых, являвшихся их владельцами, которые выполнены скульптором Федотом Шубиным. И хотя в современном осмыслении искусства XVIII века мы чаще называем это время веком портрета, мастера, жившие в ту эпоху, могли горевать от того, что их называли «портретными», поскольку жанр в академической иерархии стоял на одном из последних мест.

В зале первой половины XIX века особое внимание посетителей приобрёл блок картин, посвящённых Италии (получивший неофициальное название «итальянской стены», среди авторов произведений, разместившихся на ней, – Сильвестр Щедрин, Михаил Лебедев, Пимен Орлов, Егор Солнцев и др.). Кажется, сами работы излучают ощущение тепла, солнца, красоты и свободы – всех чувств, которые ассоциировали с Италией русские художники, стремившиеся попасть в край обетованный, получив образование в сумрачном, дождливом Санкт-Петербурге, живя в государстве, где ещё сохранялось крепостное право.

Можно напомнить, что одно из любимейших произведений сыктывкарцев в постоянной экспозиции Национальной галереи – картина «Золотошвейка» – принадлежит кисти Василия Тропинина, крепостного художника, получившего вольную уже в зрелом возрасте. Пожеланием в ходе подготовки выставки с нашей стороны было предложение включить в её состав работы художников, имена которых представлены в собрании Национальной галереи. Так на экспозиции оказались «Портрет Д. П. Воейкова с дочерью В. Д. Воейковой и англичанкой мисс Сорокк» В. А. Тропинина, «На карнавале в Венеции» М. И. Скотти (в собрании НГРК – его «Итальянка»), «Вид летних гор на Крестовском острове в Петербурге» М. Н. Воробьёва (Максим Воробьёв – руководитель класса пейзажа в Академии художеств, воспитавший плеяду русских пейзажистов, в собрании галереи есть живописные произведения его учеников).

И ещё одно произведение в зале первой половины XIX века, останавливающее на себе взгляд каждого посетителя, – «Девочка в голубом платье» Сергея Зарянко, ученика А. Г. Венецианова. Это одна из последних работ мастера, на холсте изображена дочь художника Наталия, здесь ей всего 9 лет, в дальнейшем она выберет актёрскую стезю. Портрет поражает не только соединением детского очарования и какой-то взрослой серьёзности модели, но и удивительной техникой письма, создающей эффект «живости» образа.

Многожанровый характер выставки, тщательная продуманность отбора работ, включение в её состав произведений первого ряда, диалог двух видов искусства – всё это делает посещение выставки не просто нескучным занятием, но и даёт человеку эмоционально-духовную наполненность, которая нередко теряется в нашем повседневном ритме жизни. Художественное решение экспозиции (выполнено в соавторстве с А.В. Лянцевич, доцентом кафедры изобразительного искусства и дизайна Института культуры и искусства СГУ имени Питирима Сорокина, кандидатом искусствоведения) объединяет тематико-колористическую развеску работ с единым стилем подачи текстового материала на тканевых баннерах, которые в то же время служат цветовыми акцентами залов. Часть рекреации перед залами так же отдана под выставочный проект – здесь представлены фотографии и информация, посвящённые самой Третьяковской галерее.

100-летие
Республики Коми:
выставки в Национальной галерее

Фрагменты новой экспозиции
изобразительного искусства
Республики Коми «КОМИ: Человек.
Ландшафт. Миф». Национальная
галерея Республики Коми, 2021.

*I Коми биеннале
«Новое открытие Севера».
Национальная галерея
Республики Коми, 2021.*

Выставка «Золотой век русского искусства. Живопись и скульптура XVIII — первой половины XIX века» из собрания Государственной Третьяковской галереи. Национальная галерея Республики Коми, 2021.

Сергей Разманов
Что искать? Коллекция камней, латунь, литьё.

Анжела Разманова
Спящий Пур-Кео. Диптих. Картон, карандаш.

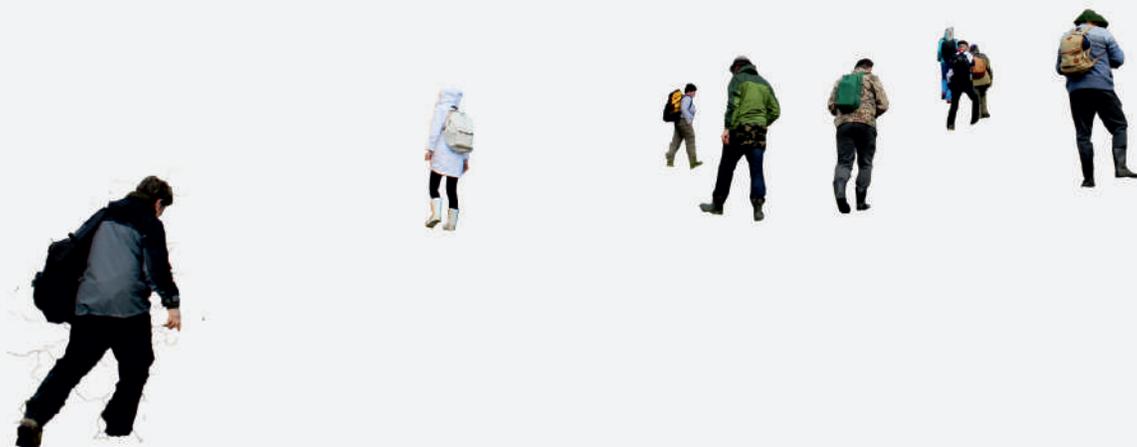
КЛЮКВА. МИФ
10-й пленэр визуальных искусств.
Экспедиция на Полярный Урал

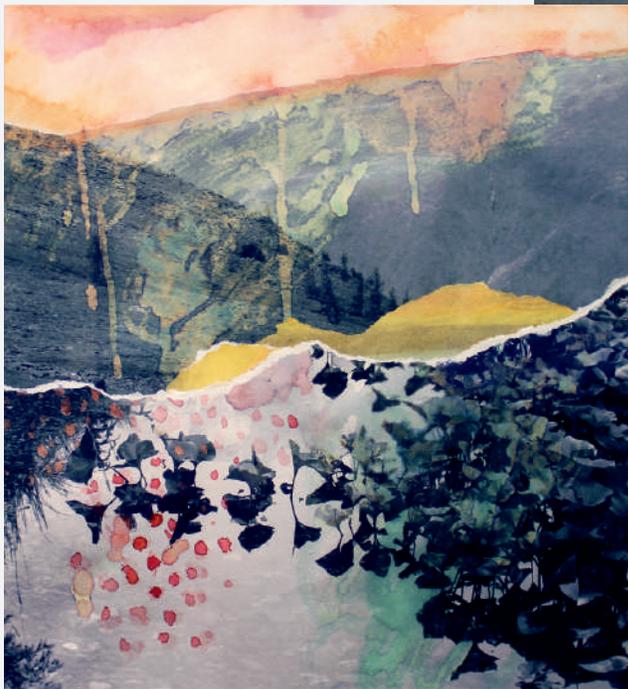

Анна Сажина
Коллекция «Биполярный Урал». Цифровая печать на холсте, акрил, поталь, стразы.
Коллекция «Допотопные купидоны».

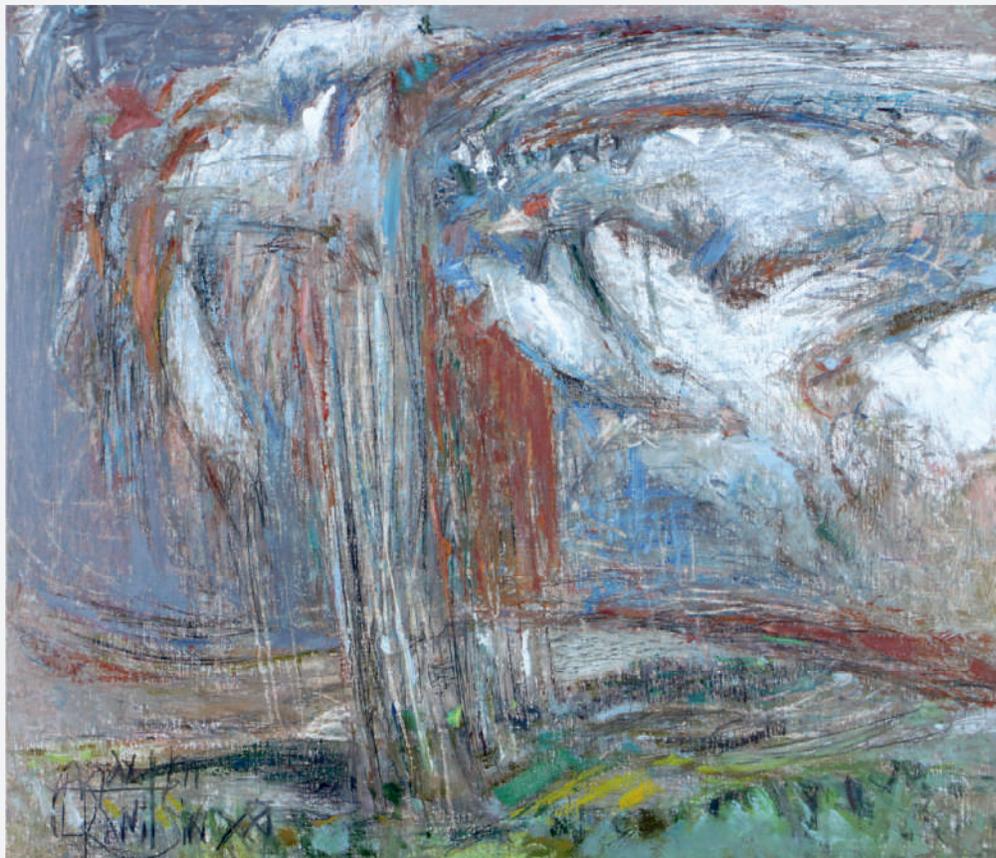

Кристина Овсянкина
Рассвет. Коллаж, акварель, бумага.

Анна Сажина
Метадействие «Гнездо».
Фотография: Юрий Лисовский,
Кристина Овсянкина.

Максим Драницин
Тучки над Красной горой. Холст, масло.

Анжела Разманова,
Сергей Разманов
Бубен. Холст, масло.

Юрий Лисовский
Дорога к Шаман-камню. Холст, акрил.

Павел Зарослов
Меня здесь нет (ненцы). Бумага, гуашь, маркер.

Сергей Разманов
Куда бежать? Дерево, металл.

Юрий Лисовский
*Железная дорога, как молния-застёжка на поверхности земли,
открывает нам миры. Фотография.*

**ПОЛУСТАНОК КРАСНЫЙ КАМЕНЬ
(141 километр)**

Основан в мае 1947 года, когда неподалеку была размещена мужская лагерная зона «Красный камень». После подразделения организованного побега из этой зоны заключенными фронтовиков Великой Отечественной войны на её месте была размещена женская колония ДМР (Дом матери и ребенка – родильное отделение) до её перевода на станцию Обская.

От этого полустанка ровно 141 км до станции Чум Коми АССР.

Авторами проекта железнодорожного участка Чум – Лыбытнанги длиной 292 км были инженеры Н.Д.Михаев и А.Д.Жигалов.

Анжела Разманова
Побег. Холст, масло.

Анастасия Берёза
Лиственница
на берегу реки Собь.
Бумага, перо
из дудника, тушь.

26

Алекс Антипин
Последний камень.
Цифровая печать.

Фрагменты экспозиции
ретроспективной выставки
«Северный путь».
Выставочный зал
«ЦКИ «ЮГОР».

Анна Сажина,
Татьяна Земцова
Перформанс
«Гнездо».

Татьяна Земцова
Ненецкий алфавит.

Фрагменты экспозиции выставки
«Клюква. Миф».

Анжела РАЗМАНОВА

Анжела Рустиковна Разманова. Родилась в 1971 году в Сыктывкаре. Закончила в 1995 году в Москве ГАСБУ (художник декоративно-го искусства). Живёт и работает в Сыктывкаре. Художник, куратор и автор проекта «Клюква. Пленэр визуальных искусств» 2012–2021 годов, член КРО ВТОО СХР, участник российских и международных проектов, организатор и куратор выставок и проектов в области пластических искусств. Лауреат Государственной премии в области изобразительного искусства имени В. Полякова.

КЛЮКВА – 10 ЛЕТ

Начиная с 2012 года, в Республике Коми ежегодно проводится Экспериментальный пленэр визуальных искусств «Клюква». Его итогом становится современный выставочный проект, в котором соединяются произведения различных видов визуального искусства. Основная идея пленэра – создание образа места через собственные переживания и мысли.

Как правило, в проекте принимают участие 12–15 художников, которых куратор выбирает в зависимости от идеи проекта. Собранные в определённом пространстве, они вдохновляются, собирают материал и создают произведения различных медиаформатов для выставки, иногда художники объединяются в группы. Особый интерес в проекте представляет творческий взгляд и переосмысление территории – её истории, этнографии, географии... Благодаря этому каждая новая выставка пропитывается духом определённого места, становясь уникальной и неповторимой.

Проект неоднократно представлял современное изобразительное искусство Республики Коми на различных форумах и конференциях, неизменно получая высокую оценку и признание. Он известен далеко за пределами Коми благодаря участию в Норвежском культурном форуме, всероссийской выставке «Лики России» (Архангельск), Российско-Финляндском форуме, Северном культурном форуме.

Куратор проекта – художник Анжела Разманова.

Участники пленэров. Современные художники и музыканты из России – Респуб-

лики Коми, Ярославля, Москвы, Санкт-Петербурга, Мурманска, – а также из других стран – Польши, Эстонии, Финляндии, Италии.

Выставочное пространство. Центр культурных инициатив «Югор» (Сыктывкар).

Поддержка проекта. На протяжении всех десяти лет: ЦКИ «Югор». 2016 год: ООО «Газпром трансгаз Ухта». 2021 год: ОАО «Монди Сыктывкарский ЛПК», Министерство культуры, туризма и архивного дела Республики Коми.

География экспонирования творческих результатов пленэров. Москва, Санкт-Петербург, Вологда, Киров, Архангельск, Ухта, Ярославль, Нарьян-Мар.

Проект «Северный путь» был участником Дней русской культуры в Париже в 2020 году.

О чём молчат камни

Исповедь куратора и экскурс по выставочным проектам 2021 года к 10-летию пленэра визуальных искусств «Клюква». «Северный путь» и «Миф»

Наш «Северный путь» длиною в 10 лет, увлекательный, сложный и насыщенный разными событиями, непросто уместить в ограниченное выставочное пространство, но тем не менее мы попытались это сделать. Перед экспедицией на Полярный Урал в «ЦКИ «ЮГОР» состоялась ретроспективная выставка по 9 пленэрам, которая погрузила зрителей в наш проект и предварила ожидание новой выставки. Следует отметить, что все выставки по итогам пленэров «Клюква» проходили в ЦКИ «Югор».

10 лет – достаточно долгий срок, можно закончить школу, получить высшее образование и много всего натворить.

Случайно возникшая идея собраться на некий современный проект, в котором будет всё: живопись, инсталляции, фотография, музыка и, главное, живое общение художников и погружение в атмосферу места, не угадала, а сформировалась в проект, обросла смыслами.

Подобно магниту, притягивающему металл, «Клюква» привлекает людей опрелелённого склада мышления и вкуса. Мой рассказ о проекте будет построен как экскурсия по выставкам с небольшими лирическими отступлениями.

Начнём с карты путешествий. Как у заправских путешественников прошлого, у «клюквинцев» есть своя нарисованная карта, на которой все наши пути отмечены. Карта – удивительная вещь, ты видишь за названиями и отметками всё, что испытал и почувствовал.

Проект «Клюква» начинался с Козловки и Онежья. Ирина и Дмитрий Алексеевы стали организаторами пленэра. Их дома, дети, животные вписались в сердце проекта и стали его частью. 2012–2013 годы – это деревня Козловка и её обитатели.

2014 год. Приполярный Урал. База Желанная. Николай Николаевич Герасимов (министр промышленности РК) словно почувствовал настроение вы-

ставки и буквально отправил нас в горы. Я далеко не турист и не альпинист, но авантюрист, наверно, точно. Экспедиция – это серьёзно, поэтому мы стали относиться к сборам именно так, как готовится научная экспедиция. Зачем? Есть море материала, сиди изучай и пиши в мастерской, а не тащи за собой ещё людей. Анализируя мотивы и идеи наших поездок, могу предположить, что нами двигало стремление увидеть нечто и пропустить через себя это ощущение и что-то такое невербальное... Я убеждена, что писать с природы иногда просто не надо, необходимо созерцание, некая художественная медитация. Другой подход, исследовательский – непременно найти что-то, что станет основой произведения. Вспоминаются несколько моментов путешествия, когда действительно мистическое состояние природы стало реальным произведением. Подъём на гору Баркова по хрустальной дороге в ожидании умопомрачительного вида закончился погружением в облако, но именно это состояние «сталкеров» оказалось самым интересным. Работа Игоря Самолёта «Гора» стала результатом этого погружения. Вторая история – это поездка к урочищу Каменная баба. Можно верить, можно не верить, но наш скептицизм насчёт жертвоприношений был развеян, когда у всех по очереди стали происходить странные пропажи. Дима Прокушев потерял все краски, но нашёл какие-то рыболовные принадлежности, я потеряла кисти. Каменная баба мне вернула одну, но всё происходящее было похоже на игру. Камни всё-таки имеют душу или они сами застывшие духи. В работах впечатления отразились мифическими образами.

В 2016 году новый проект «Клюква. Берега» тоже стал экспедицией к местам силы. Воркута – отправная точка, на карте отмечена особым значком. Мы летели из Воркуты на остров Вайгач.

- Алло, алло!!! Вайгач? Мы художники с большой земли, встречайте!
- Небо открыто! Варнек.

Вайгач – священный остров ненцев, на скалах которого стоят настоящие древние идолы и жертвенники. Мы слегка прикоснулись и увидели то, что, возможно, будет с годами раскрываться в работах. В моём случае история продолжилась. В Архангельске, в музее Борисова, я увидела его этюды с Новой земли и этюды ненецкого художника Тыко Вылки, а там на Вайгаче я узнала, что его внучка живёт в Варнеке. Удивительно красивая и интересная встреча. Думаю, что работа «Вечная мерзлота» состоялась благодаря этим впечатлениям. Вообще, проект 2016 года был очень насыщенным событиями. Мы показали выставку в шести городах в течении года.

Это был пятый пленэр. Наша команда состояла из фотографов, художников, работающих в различных медиа. Поэтому выставка получилась крайне интересной для зрителей и для участников, конечно. Имея такой опыт, очень непросто продолжать проект, рождать новые идеи и темы, но проект не угас, а развился в новую исследовательскую историю.

2017 год. «Клюква. Большая вода». Путешествие по Печоре до Нарьян-Мара, Пустозерска и обратно в Усть-Цильму. Старообрядцы севера. Параллельно в Сыктывкаре часть участников изучала речное судоходство в Красном Затоне.

2018 год. «Клюква. Нить». Проект, посвящённый тканям. С одной стороны, очень этнографическая тема, с другой стороны, мы поставили совершенно современные задачи: создание тканей с применением цифровых технологий, виртуальные ткани, видео-арт с текстилем. Получился современный проект, который был представлен на II Северном культурном форуме.

2019 год. На карте снова северное направление. Ижма – Диюр. Переговоры почти как с Вайгачем, лето дождливое, дорога скверная... Но название светлое «рём» – в переводе с коми, можно сказать, свечение цвета. Мы становимся какими-то героями триллера. Много мистических моментов и совпадений. Кони, олени, мухоморы и туманы.

И камни. Непонятные круглые галовские артефакты (Малое Галово). Откуда? Мы попытались даже снять отпечатки этих камней. Почему люди всегда хотят что-то нацарапать на Вечном? Настя Разманова создала выставочный объект, в котором закодирована тайна каменных посланий.

2020 год. Пандемия. Роковой год для всех проектов, однако, поразмыслив, мы решили отправиться в путешествие на запад в Тотьму вдоль рек. Исследование истории речного судоходства.

Камней там не было, если не считать Лось – камня на картинах местного художника Вахрушева.

Проект получился сложнее, чем предполагали, и насыщенной.

В 2021 году я оказалась перед сложным выбором. 10-й – юбилейный, куда, в каком составе?

Решено было отправиться снова в горы. За Камень, то есть за Урал. Из Европы – в Азию. На Полярный Урал. Там камни охраняют свои тайны и иногда дают прикоснуться к ним.

Точка прибытия – полустанок «141-й километр» на ветке «Чум – Лабытнанги», он же «Красный камень». Железная дорога, горы, река, лес. Всё. Дальше – погружение. Но об этом позже.

Путешествие зрителя по выставке «Северный путь» начинается с темы ДОМА. Пространство дома становится полем экспериментов для художников и музыкантов. На ретроспективной выставке не уместить все работы за 9 лет, важно не перезагрузить экспозицию, поэтому многие работы напечатаны на лёгких полотнах из прозрачного шифона. Фотоизображения как сновидения возникают в разных частях зала. Образы людей перекликаются с фрагментами работ и реальными пейзажами. Выставка построена на движении, в том числе и движении по рекам. Об этом работы из Усть-Цильмы, Нарьян-Мара. Ретроспективный показ позволил совместить на выставке созвучные работы из разных пленэров, провести параллели и проанализировать развитие идей авторов. Особенно интересно, когда вместе экспонированы работы Усть-Цилемского и Ижемского цикла. Деревянные лошадки из Усть-Цильмы бегут наперегонки с ижемскими. На картинах современные девушки в костюмах из тканей прошлого века. Шёлк и парча. Образы перекликаются. Возникает некий синтез темпоральности.

Завершает экспозицию большое арктическое путешествие на Вайгач. Выставка имеет свой саунд- и видеопроекты.

Эта выставка, являясь современным медиапроектом, несёт в себе много информации, т. к. задействовано много художников. Зачастую выставка – это некий отчёт о проделанной работе. Моя позиция заключается в том, что выставка сама по себе – это отдельное произведение искусства. Это художественное высказывание. Что скрыто или открыто автором? Как в одних условиях причудливый художественный язык преобразует среду?

Тонкие взаимосвязи образов очень точно проявились в новом выставочном проекте «Миф».

Описывать или не дай бог разбирать «по косточкам» произведения искусства я не люблю.

Возможно, моя кураторская роль заключается в том, что я верю в художника, т. к. в каждом художнике есть внутренний голос, некий ангел искусства, сидящий на плече, который нашёптывает смыслы и дёргает душевные ниточки. Немного выдержек из дневников.

На север шли народы за свободой, мечтая о богатстве и независимости. Удивительно, что 20 век принёс на север уродливые формы рабства в виде лагерей. ГУЛАГ проник даже в горы.

Время стирает всё и придаёт новые смыслы. Однажды в 2016 году, когда поехали в посёлок Хальмер-Ю, мы столкнулись с темой исчезающих поселений. Всё когда-то станет тундрой. Детские площадки, брошенные велосипеды, тапочки и игрушки. Возможно, стёкла будут выглядеть хрусталём... вряд ли археологи будут там что-то искать. Мы увезли оттуда несколько предметов, которые стали частью выставки. Обломки крылатой ракеты (теперь экспонат воркутинского музея) и велосипедное седло, которое стало оленем. Ещё гигабайты фотографий. Похожее ощущение осталось и в этом году от заросшей колючей проволоки и непонятных железок. Философские размышления на эту тему выразились в сложной поэтической видеоинсталляции Ивана Туголукова и Анны Афониной.

– Время лечит посредством уничтожения материальных носителей памяти, будь то человеческое сознание или руина в лесу. В процессе воспоминания факты в целях экономии мышления сворачиваются в определённую стандартизированную мифологему – тем самым они теряют свою уникальность, протекая по тем же путям. Напротив, объекты, подвергшиеся забыванию, лишённые информации о своём назначении, становятся в суперпозицию, проносятся по плоскости времени, не находя себе реализации, словно машина по выработке образов без возможности остановиться. Высвобождая элемент, который не смогли поймать, можно почувствовать, как контуры объекта дребезжат в становлении – перечислением одновременно всех возможных вариантов того, чем мог бы быть руинированный останок.

В видео использованы 3D сканы объектов, найденных на территории бывшего трудового лагеря «501-й стройки» на станции 141 км «Красный камень».

Возвращаемся к «Мифам». С горами связано множество легенд, тем более с такими древними, как Полярный Урал. Одна из легенд – это миф об исчезнувшем народе сихертя. Чуди белоглазой. Работа Сергея Разманова «Что искать» – это попытка материализовать легенду, причём отлитые из латуни артефакты были экспонированы на камнях, привезённых оттуда. Ирония и самоирония – важнейшая составляющая современного произведения. «Биполярный Урал» и «Допотопные купидоны» – ироничные экспонаты Анны Сажиной, в которых парадоксальность образов удивительно точно попадает в архаику места. В экспозиции выставки «гнездо» Сажиной – это некий центр, узел.

– На Урале все превращаются в троглодитов. Время становится нелинейным.

В Вечности всегда горит пламя, сохраняются рукописи, язычество и структуры.

Горожанин слишком плоский для горного массива, слишком новый для эпохи динозавров.

В огромное пространство не вмещаются пустяки и лукавство.

Где бы ты ни находился, рядом – та быстрая река, лес и горный массив Красный камень, или Рай-Из, единые, слепленные давно, отталкивающие связь с цифрами. Ты как бы извиняешься перед ними и просишь приютить себя.

Бархатный массив прикинулся плюшевым верблюжонком. Лягу в гнездо и растворюсь, как сахар.

Кристина Овсянкина собрала тонкие нити впечатлений в коллажи, вошла в абсолютный резонанс с местом и заговорила стихами.

*Беспокойная птица
Не лети надо мной
Не кричи
Я не трону твоих детей
Я пришла потому что
Хочу раствориться
В бесконечном тумане
Вдали от людей
Упаду на багульник
Умою лицо рекой
Мох на рёбрах
И ветер в груди
Пусть травы изумруд
Прорастёт сквозь сердце
И меня заберёт
Дух горы Рай-Из*

Особенностью проекта «Миф» стала его визуализация в видеоарте и необычное экспонирование видеоарта. Пространство выставки было разделено тканью, на которую проецировалось видео со свернувшейся в гнезде Аней Сажиной, которая растворяется в пейзаже, постепенно удаляясь от зрителя. Проектор буквально заливает изображением часть зала, и зритель входит в динамичный пейзаж. Напротив, на отдельной конструкции, зациклено видео с другим гнездом, созданным рекой, в рельеф которого вписан персонаж в позе эмбриона. Особенно органично это смотрится в зацикленном кружении. В конце зала на мониторе демонстрируется видео сжигания гнезда. Как гнездо феникса, сгорающего и возрождающегося. В этом же затемнённом пространстве проецируется видео Анны Афониной и Ивана Туголукова, сопровождаемое звуками и текстом.

В отдельном пространстве на мониторе идёт короткий 8-минутный фильм Алекса Антипина «Последний камень». В этом фильме уместилось почти всё: дорога, ожидание тайны, мистические образы, фантастические персонажи и главное для зрителя ощущение присутствия там, в том самом месте. Видео тоже имеет звуковое сопровождение, которое, смешиваясь со звуками видеоарта Ивана и Анны, создаёт весь саунд выставки.

Вот про музыку пленэра «Клюква» хочется сказать отдельно. На протяжении всех проектов у нас есть свои звуковые сопровождения, но это не просто подборки треков, а специально написанная для проекта музыка. Музыканты – участники проекта. Леонид Нестеров, Иван Исупов и их друзья. Начиная с 2013 года, Павел Зарослов помимо участия в качестве художника является ещё и создателем музыкальной атмосферы внутри пленэра. Поэтому выставки всегда приобретают некую эмоциональную нагрузку благодаря музыке.

Итак, продолжая экскурсию по выставке «Миф», после виртуального наполнения хочется подробней остановиться на «каменной азбуке» Тани Земцовой. Ритуальные походы за водой на берег Соби оказались плодотворными. Дух следопыта и дотошность реставратора позволили Татьяне собрать весь алфавит из камней. Удивительно то, что Сергей Разманов умудрился из миллиона камней найти тот же камень из алфавита Тани и превратить его в экспонат инсталляции «Что искать». Помимо обычной азбуки был собран нененецкий алфавит несуществующего языка.

Алфавит. Нененецкий каменный язык. Появился в стародавние времена. Когда первому эльфу захотелось описать прелесть полярного утра. На каменной плите растительными и животными пигментами, пережжёнными в ядре планеты и замешанными на воде, витающей в воздухе, нанесли татуировки на каменные плиты. После кометы, когда континенты распались, образовались моря, леса, горы и болота, произошёл раскол существовавших жителей на эльфов, гномов, троллей и человеков. Древнеэльфийский язык распался на лесной, каменный и прочие. Например, язык лесных ненцев. А древние тексты рассыпались на буквы.

Основан на кириллице, мифодице, пиктографии и корявом почерке младенца. Околосовременными исследованиями древних эльфийских языков занимались Дж. Р. Р. Толкиен, Жан-Франсуа Шампольон и др. Всю дорогу на пляже встречались множество букв Х и букв О, посему материал должен был называться Халфавит или Олфовит. А теперь о серьёзном. Во времена до сотворения мира существовало знание. Первым было не слово, а буква, в его содержании... Послания собраны по буквам, а язык утрачен. Древний лингвист ушёл в горы. Буквы нененецкого каменного языка делятся на гласные, согласные, несогласные, громогласные и шипящие.

Архаичность метадействия «Гнездо» Анны Сажинной была удвоена экспонированием коллекции «Допотопные купидоны». 13 камней фаллических очертаний как некие предметы культа из прошлого. О чём же молчат камни? Возможно, Юрий Лисовский услышал и перенёс на холст закодированные знаки. Все его работы на этом проекте связаны с камнями тоже. «Потерянная голова», поход к Шаман-камню, Камень вдохновения (см. обложку).

Кристина Овсянкина услышала Рай-Из. Она сама стала частью проекта. Видеоарт Алекса Антипина 25 кадром высвечивает на фоне горы образ архаичной дивы. Это был некий перформанс.

Меня заманил дух священной горы Поэр-кеу. Горы тренируют зрение и фантазию. Надо только выбрать место созерцания. Мне отчётливо увиделось лицо ненецкого мальчика, спящего в горах. Маленькое божество, отдыхающее в вечности.

Надя Кожевникова сделала уникальные панорамные снимки и фотографии Шаман-камня и в конце концов внесла достоверности в наши пространственные произведения.

Анастасия Берёза создала свой мифический персонаж. Лиственница, выброшенная на пляж, шевелится корнями-дредрами и оживает. А тот самый дух горы Рай-из, как демон Врубеля, вырывается из картины Максима Драницина.

Выставка, в которой 13 художников стали одной историей.

Я с любопытством наблюдаю за реакцией зрителей... Это как экзамен. Услышит? Увидит? Поймёт? Почувствует? Иногда зритель видит и чувствует больше, чем автор. Это суперчувство востребованности. Музыкантам аплодируют, художники привыкли стоять в стороне и наблюдать. Вы слышите шёпот? Это камни говорят.

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

Төвсә Дуда

Висьт

*Талун кыськө виччысьтөг воис Төв.
Гашкө, кодкө енэжсянь кисьтис йөв...
Гашкө, еджыд платтьоа Дуда ныв
Унмө сетчөм сиктөднөм мунис шы-ыв.*

*Русö лэдзис өшиням мунігмоз.
Лымйөн вевттис лэбачлысь тыртөм поз.
Кыссьысь платтьö бөждорнас чышкис туй –
Тапиктивны ёлкала эз-ө чуйд?..*

Быттьö выльөн на Ёлякөд сулалім школадорса сад йöрын да видзөдім, кыдзи гылалө кор: то чуқөрөн, то өткөн-өткөн. А со и пуксис төв.

...Тайö асылыс вöлі збыльысь дивö кодь. Войнас көдздөдыштöма, а öнi вйлаыс шондіа, енэж йирыс кышyd. Лолыд сьылö!

– Шора-а-а! – горзö өшинь улын Ёля. Оз öмöй төд, мый кык пөвста өшинь пыр сьлөн горзөмыс керкаөдз оз письты. Бур, мый пєсла петі. Сарай дорö мунігмоз нин шуала:

– Мый нö өшинь улас чамзан? Лок татчö!

– Мөдiм ысласьны! – лов тырөмөн юөртис Ёля. – Ставөн нин кыр вылынöсь!

– Но ми öд көсйим ёлкала талун ветлыны! Вунөдiн али мый?

– Мөдасу ветлам!

– Ладнö, виччысьлы, регыд пета! – зэв öдйö пыралі гортö, гиль-голь лөбөдi пач водзö мөздор тыр пєс, кватитi кепысь-шапка и гири-люки петі гортысь. Öти кокөн пыралі пывсян көджö да кватитi тув йылын öшалысь даддьöс.

– Коль тайöс! Менам даддьөн пондам исласьны, – тшөктiс Ёля. Талун сійö мыйлакö босьтöма ыджыд дадьсö. Сьлөн сійö быттьö ичөтик рөзваль, көть вйтөн пуксы – төран.

Воим кыр дорад, а сәни и збыль сиктсыным став йылөмыс өкмөма: ёсь гөлөсьясныс сідзи и шыалөны. Өмидз Ныр тані и... Тайө дед, коді йылөмөс век нин дзерөдыштны дась, а ми сылы вежөн: «Өмидз ныр – латшкөс гыр!» – горзылам. Талун мыйлақө лэччөма Сола ты дорөдз, видзөдласнас колльөдалө кыр йывсянь ыджыд өдөн исковтысь челядьөс да донъялө, коді ылөдзджык воас.

Миян кыр юр йылыс – важ рыныш веит – джуджыд, паськыд лэбья. Өддзөдчан сәтысянь, а сәсся мыйдыра на му вывтис төвзян!.. А радысла горзөмыс! Мед сөмын орчча керкаысь көзяиныс оз пет да вөтлы миянөс өна шумитөмным понда. Өтчыд тай весиг пицальөн петалис. Лыйла, шуө, ставныдтө! Мунөй тась, мути чукөр! Ми, дерт, повзим да котөртим гортаным. Но мөд асывнас бара чукөртчим. Дерт, гыбзим пөттөдз.

Ёлякөд кайим рыныш веит вылө, чолөмасим нывьяскөд, ладмөдчим дадьяным да кызди тай өдөбсим. Окококо-о-о!.. Өмидз Нырөс төкөтө эг таялөй – шыбитчис дедыд бокө да виччысьтөмысла лым толаас пөри. Сәтшөма миянөс нуис дадьным – весиг ловным кытчөкө бөрө коли. Асьным эг пондөй некытчө воны – шутөвтам и шутөвтам – сиктным нин саялис, скөт видзан картаяс прөйдитим, Ку пос нин вуджим, водзө яг весьтөд лэбам... «Кытчө нө ми, кытчө?» – вирдышгис юрам. Сөмын тайөс думышти, жмуткысим яг шөрө, пушыд лым пиас. А кутшөм тані лөнь... А кутшөм тані мичыс... Коз лапьяс вылө өшьялөм лым ёкмыльясыс быттьө кутшөмкө зверёкья: со эстөн низь, – чеччыштны дасьтысьөма, эстөн көч – пельсө торгөдөма, кывзысьө, эстөн ур – бөжсө пашкыртөма, а улиас дзоля коз вылө лымйис сідз ног өшйөма, дзик быттьө Кирей Петялөн Зіля понйис увтны зверьяссө лөсьөдчөма. Збыль, мойдад тай и веськалім!

– Шора! Миянлы өд татчө и колө вөлі! Буретш тай аски ёлкала көсийм ветлыны. А веськалім талун! Дивө дай сөмын! Быттьө ковөр-самолөтөн лэбзьөдісны. А козьясыс, козьясыс! Чуймавнытө мудзан! – чиктылис Ёля.

– Но тэ и кокни шом! Козтө көть и бөрьям, кызди сійөс йөрны пондам?

– Дай көть и бөрьям, пасыны нинөмөн, весиг лентатор абу, – гажтөма во-чавидзис Ёля.

– А вот и эм! – ошйысьышти ме.

– А кутшөм рөма? – эскытөг юалис сійө.

– Алөй!

– Збыль тай! – чуймис Ёля, кор петкөдлі юрсиам көрталөм ленточкаөс.

– Дерт нин татшөмыд ылысянь тыдавны пондас! А друг лоө тадзи: аски локтам, а став козсө кунтэя нывьясыд алөй лентаясөн пасьялөмаөсь.

– А кытысь налы сымында алөй лентаыс? – юали Ёлялысь.

– Платтьö бөждорсыныс.

И кыкнанным вакөдiм.

– Ладнö, аски ставсö аддзам! А талун ме то этийö пусö бөрья! Сэтшöм мусаник! – кывкөрталi ме, но тайö здукас син водзысь козйыс кытчöкө вошис.

– Тайö тай абу и коз вөлöма! Кутшöмкө чукля тайö! – мый вынсыс горөдчис Ёля.

– Либö öнi тэ видлы бөрйыны, видзөдлам, мый лоö! – вежсыштöм гөлөсөн шуи сылы.

– Ме бөрья... то этайöс! Медся пашкырсö! И мед видлö вошны!

Но и сийö пуыс син водзсыным чышкыссис.

– И тайö чукля-пекля вөлöма! – ышловзёмөн шуыштiс Ёля. – Мөдiм либö гортö!

– Энлы! А аски... локтам да, тадз жö кө лоö?

– Ёна тай... мөдлаö ветлам!

– А сэнi кө тшөтш кимөститгчасны? – падъялөмөн шуи ме. Сэсся шөпнитi Ёлялы: – Воы татчö. – И бедь помөн лым вылас гижи: «Гашкө, Дудаыдлысь корам?»

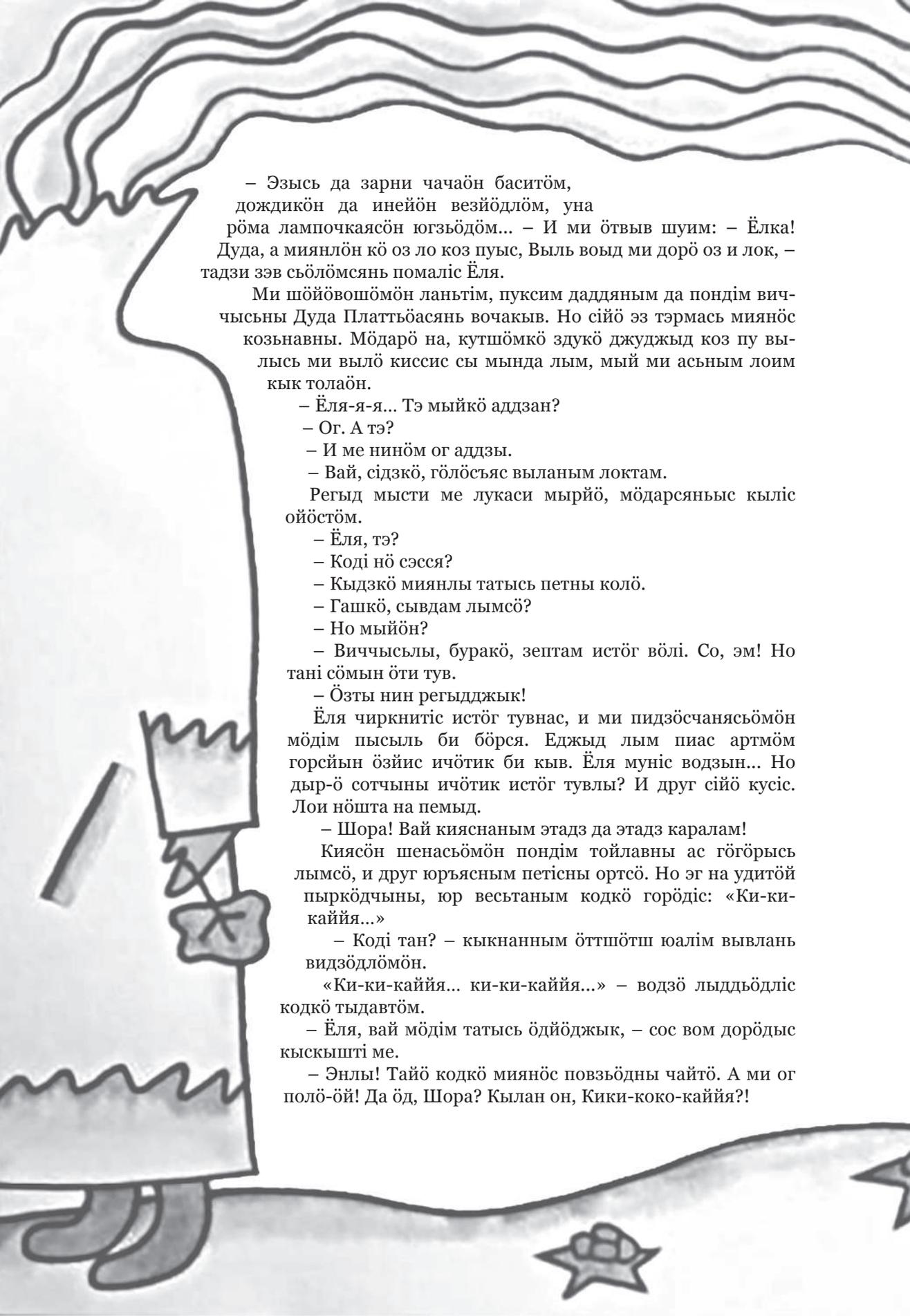
– Ду?! – удитiс шуны Ёля, öдва вевъяли тупкыны вомсö лымья кепысьөн: – Эн шу сылысь нимсö!

– Ог! – синсö сувтөдлөмөн тешкодя вочавидзис Ёля. – Но сийö öд... Сийö öнi, көнкө, шоныд позьяс сизимөд вөт вөталö. Либö ошкыслөн гуын.

– А гашкө и, оз... Вермас лоны, эсийö ловпу сай-сянбыс кыйөдчö да кикикайтö.

– Но, танi кө... Збыль кө танi... Вай сылы вильвоасём йывсыд висьталам, и сийö ачыс ставсö гөгөрвоас, – вөзйис Ёля. Кок-ниа лолыштiс и гораа, мед Дуда кылас, панiс: – Олiс-вылiс Виль во. Му вылас сылөн вөли уна-уна ёрт. И ставөн сийöс радейтiсны, сы понда мый Виль во дзик быдөнлы вайлiс козин. Но медся ыджыд дивөнас вөли... мый эськө?.. Кыдзи тэ чайтан, Дуда? – Тайö здукас Ёля видзөдлiс мелань. И сэсся водзö смелджыка нин лыддьөдлiс:

– Эзысь да зарни чачаён баситём,
дождикён да инейён везйөдлём, уна
рёма лампочкаясён югзёдём... – И ми өтвыи шум: – Ёлка!
Дуда, а миянлён кө оз ло коз пуыс, Виль воыд ми дорё оз и лок, –
тадзи зэв сёлёмсянь помалис Ёля.

Ми шөйөвошөмөн ланьтём, пуксим даддяным да пондём вич-
чысыны Дуда Платтёбоясьнь вочакыв. Но сийё эз тэрмась миянёс
козьнавыны. Мөдарё на, кутшөмкө здукё джуджыд коз пу вы-
лысь ми вылё киссис сы мында лым, мый ми асьным лоим
кык толаён.

– Ёля-я-я... Тэ мыйкө аддзан?

– Ог. А тэ?

– И ме нинём ог аддзы.

– Вай, сідзкө, гөлөсьяс выланым локтам.

Регыд мысти ме лукаси мырйё, мөдарсяньыс кыліс
ойёстём.

– Ёля, тэ?

– Коді нё сэссия?

– Кыдзкө миянлы татысь петны колё.

– Гашкө, сывдам лымсё?

– Но мыйён?

– Виччысылы, буракё, зептам истөг вөлі. Со, эм! Но
тані сөмын өти тув.

– Öзты нин регыдджык!

Ёля чиркнигис истөг тувнас, и ми пидзёсчанясьөмөн
мөдём пысылы би бөрся. Еджыд лым пиас артмём
горсйын öзйис ичөтик би кыв. Ёля муніс водзын... Но
дыр-ё сотчыны ичөтик истөг тувлы? И друг сийё кусіс.
Лои нөшта на пемыд.

– Шора! Вай киясаным этадз да этадз каралам!

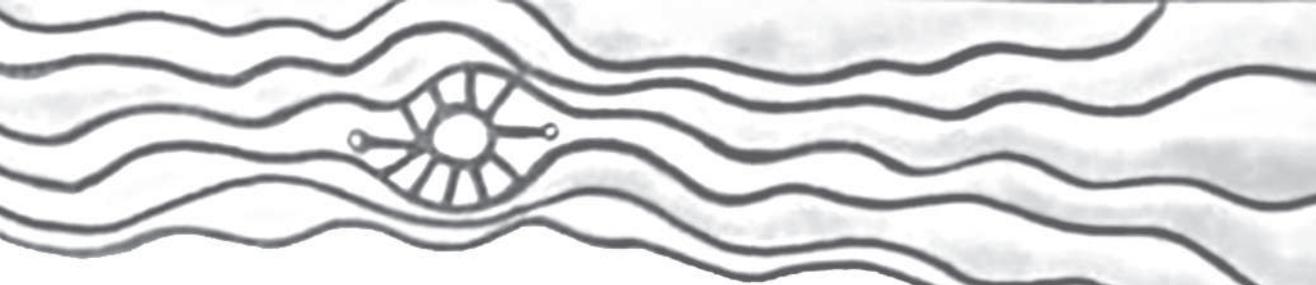
Киясён шенасьөмөн пондём тойлавны ас гөгөрысь
лымсё, и друг юрьясыным петісны ортсё. Но эг на удитөй
пыркөдчыны, юр весьтаным кодкө горөдіс: «Ки-ки-
кайя...»

– Коді тан? – кыкнанным өттшөтш юалём вывлань
видзөдлёмөн.

«Ки-ки-кайя... ки-ки-кайя...» – водзё лыддьөдліс
кодкө тыдавтём.

– Ёля, вай мөдём татысь өдйөджык, – сос вом дорөдыс
кыкышті ме.

– Энылы! Тайё кодкө миянёс повзёдны чайтё. А ми ог
полё-өй! Да өд, Шора? Кылан он, Кики-коко-кайя?!

И сійö ланьтис.

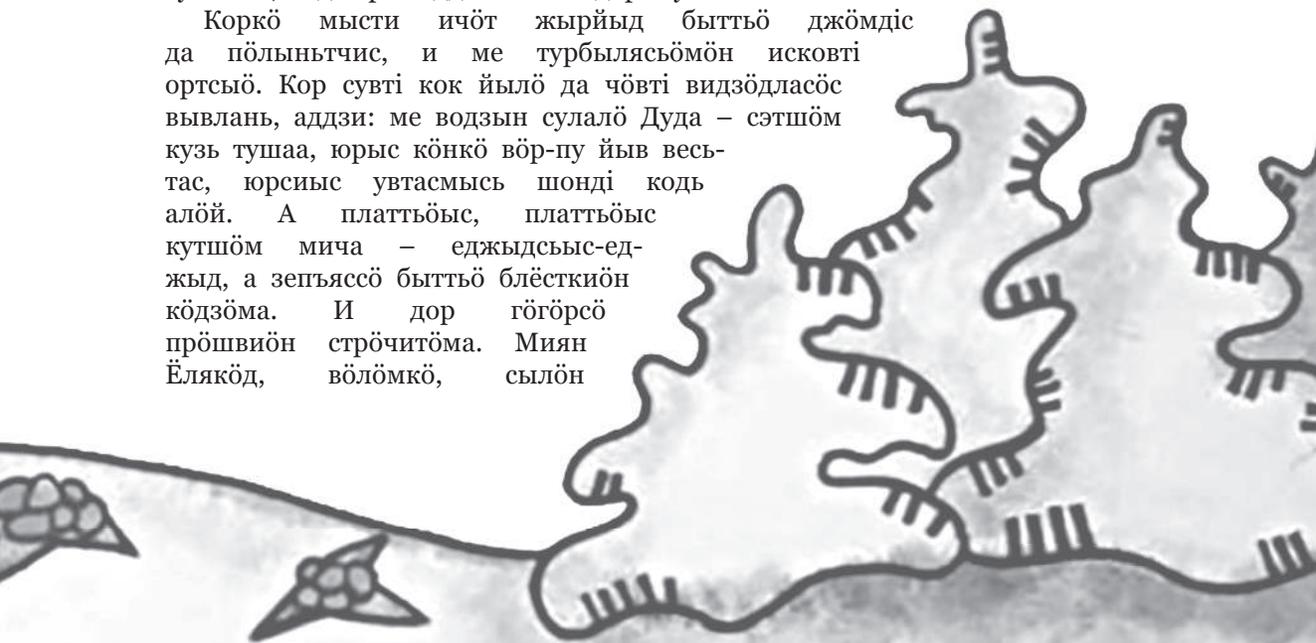
Шурк-шарк бергöдчим да пондiм собны лымйöд, но ми водзö стан сувтiс джуджыд кыр. «Вот та вывсынь кö эськö исковтны, мед бара позис лэбны. Гашкö, эськö весиг гортöдз воöдчим», – мөвпышгi ме. Видзöда, а Ёля, дадсьö ас бöрсяыс кыскöмөн, веськыда зöм кыр вылас нин и кайö. Ме тшöтш сы бöрся. Кавшасим да кавшасим... а кырйыдлөн и помыс абу. Кытчöдзкö сэся воим жö, ладмöдчим даддьяным... и пондiм исковтны. Но друг ми водзö кыскö петiс ыджыд-ыджыд Нярборд – веськыда миянлань тювгис да лёкысь горöдiс: «Кикикаййя!» Ми чурмунлöмөн кежöдiм дадьнымöс да дзум пырим чулан кодь кутшöмкö ичöтик жырйö.

А сэни мыйыс сöмын эз и вöв: и кын тшак латка, и керч турун юк, и косьмöм купальнича корöсь. Ставсö, мый эм, босьтлим кианым да матыстлим ныр дораным и кылiм уна сикас көр. Быттьö кольöм гожöмыслөн музейö веськавлiм.

– Кытысь танi татшöм озырлуныс? Кодi ставсö тайöс чукöртöма? Тöв кежлö запас вöчöма?.. Танi то весиг ичöтик рыжыкьяс... видзöдлы... видзöдлы... а сы горулын! – шуалi ме, и радлуныс кыкнанным пытшкын вöли ичöтик жыр тырйыс, – ...корьяс пиö тупыльтчöм гырысь мырпом тусьяс.

А кынöмным сюмалiс нин. Ми тöдлытöг нюжöдiм кияснымöс налань, мед кватитны да чöвтны воманым, но тайö здукас... Ёля вошис ме син водзысь – быттьöкö сылi дадьнас и ставнас. Видзöдлi кок улö да аддзи юкмöс вом ыджда розь. Тыдалö, Ёля сэтчö и дзумгысьöма... Меным сы бöрся жö ковмас чеччыштны! Но сэки ичöтик жырйыс быттьö кытчöкö мöдöдчис, кок улөн пондi кывны, кызди менö мовкйöдлö. А ортсыас сöмын и кылö – «зым-зым-зым...». Ме пондi юкмöс кодь розяс шыблавны мырпом тусьяссö, мед бöрти аддзыны Ёля дорö туйсö.

Коркö мысти ичöt жырйыд быттьö джöмдiс да пöлынтьчис, и ме турбылясьöмөн исковтi ортсьö. Кор сувтi кок йылö да чöвтi видзöдласöс вывлань, аддзи: ме водзын сулалö Дуда – сэтшöм кузь тушаа, юрыс кöнкö вөр-пу йыв весьтас, юрсиыс увтасмысь шондi кодь алöй. А платтьöыс, платтьöыс кутшöм мича – еджыдсьыс-еджыд, а зепьяссö быттьö блёсткiөн көдзöма. И дор гөгöрсö прöшвиөн стрöчитöма. Миян Ёлякөд, вөлöмкö, сылөн

кракмалитөм платтё бөждорөд исковтсьома, сэки и зептас веськаломным. А мянлы сійө кажитчис ичөтик жырйөн.

Дудалөн югыд өбликыс, гыясөн лэччысь юрсиыс өвтисны аслыспөлөс шоныд руөн. Либө тайө меным сөмын кажитчис, но сулалі сы водзын дикмыштөм вежөра и эг вермы вөрзёдчыны. Кыв эг сяммы шуны. А мөвпьясөй дзугсисны: татшөмөн и татшөм матысянь Дудаөс аддзывны некор эг чайтлы.

«Кикикаййя», – бара кыліс мыш сайын. Видзөдлі сэтчань, но некод эз вөв. А кор бергөдчи бөр, Дуда пыдди сулаліс джуджыд коз пу.

Вои ас садьё да кок улысь казялі мырпом тусьяс, на серти сэсса и мөдөдчи корсьны Ёляөс. То сійө! То! Куйлө лым пиас. Сылөн усьөм бөрын мый ылнаө менам мунсьома.

– Ёля! Тэ ловья көть? Чеччы вай! Ме локті!

Восьгіс синсө да нюмьёвтіс. Отсалі сувтны, пуксьөді дадьё, и мөдөдчим гортлань думөн.

– Ёля-а... А ме Дудатө аддзылі, – дадьсө кыскигмоз ошйысьышти ме.

– И мый шуис? Сетас оз козьяссө?

– Тэ думайтан, ме ськөд сёрниті?

– Эн али мый?

– Эг, дерт. Сійө вөлі сэтшөм мича, мый ме став кывсө вунөді. А төдан, көні ми тэкөд вөлөмным?

– Көні нө?

– Сылөн зептын!

– А тэ нө кызди сэтысь петін? Ме моз жө?

– Эг. Тэнад усьөм бөрын Дуда мыйлакө вошйыліс котөртны, но джөмдіс да чабуасис, ме сэккості и петі зепсьыс.

– А тэ мырпом тусьяссө... некымынөс көть эн босьт? А то кынөм сэтшөма сюмалө, мыйкө сөйыштны нин окота.

– Эг. Кор тэ воштысин, ме розь пырыс чөвталі найөс, мед бөрнас позис корсьны тэнө.

– Сідзкө, найө лым пиас и колины! Вай корсьлам!

И збыль, мырпом тусьясыс чусыда ломалисны лым пиас ичотик кизьяс моз. Гашкө, эг и став тусьсө адзбй, но сёйим пөттөдзым. Кутшөм чөскыд вөлі неуна кынмыштөм нин ягдыс!

– Сизим аттб, Дуда Платтб! – шуим сэсса яг пыділань видзөдөмөн. И мый лои здук-мөд мысти!.. Лым буссө гартлөмөн кыскө локтис ру тупыль кодь төв ныр, питшөгсыс кыкис вөсни йи кодь югыд стрезуб, здукөн пилитис кык коз пу, төлысь моз нюмтөвтис миянлы да мыччис пюу*. И кызди воліс, сідзи жө и саяліс вөр-пу костө. Здук мысти ми палялім:

– Шора, вай өдйөджык, өдйөджык татысь усйысям! Пока бөр эз мырддыны козьястө!

– Кызди позьө мырддыны? Тайө жө Дудасянь козин! – и топөдлі ас бердө вөрса дивөсө. – О! Кутшөм выльвося дукөн павкнитө!

Бергөдчылім ягланьыс да бара на аттбөалім Дуданымөс. Шондйыс пуяс костөд писькөдчис веськыда миянлань, пушыд лымйөн шебрасьөм яг рөчыс лышкыда нюмъяліс быд лым чирйөн, и ми вөлім шудасьыс-шудаөсь.

«Кикикайя-а-а!» – бара кыліс пу йывсянь горөдөм.

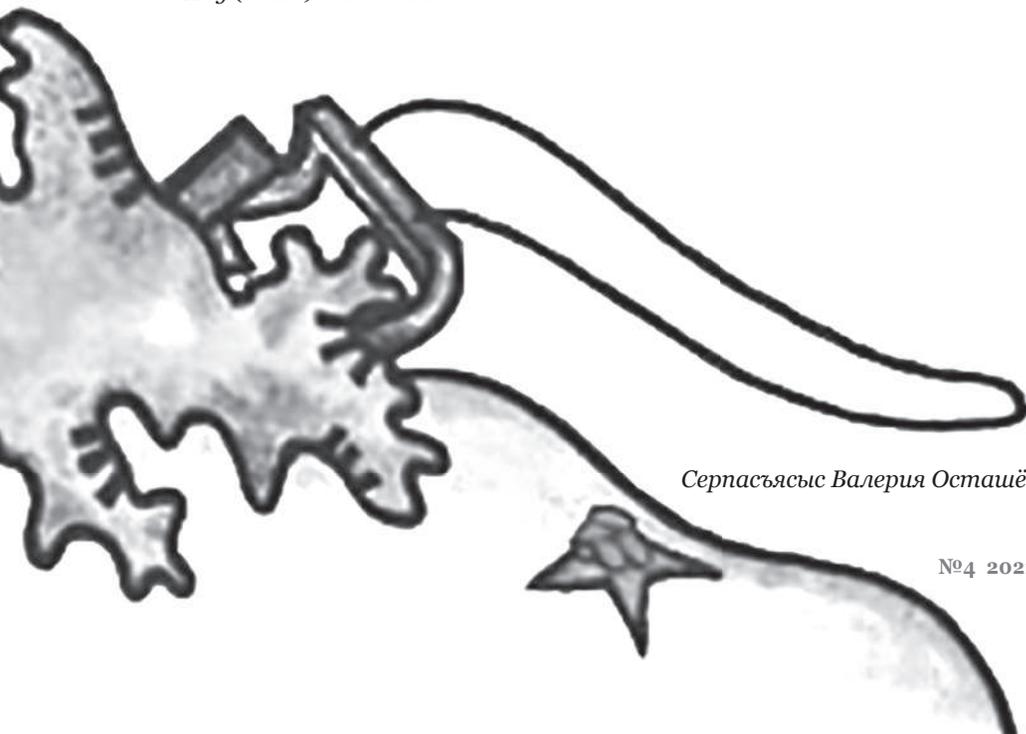
– А тэ горзы мыйта төрас... ми мунам паныдавны Вьль во! – дөвөльпырысь горөдіс Ёля. И ми кык вылысь гылыда серөктім.

Вөрысь петигөн ми вочаалім Омидз Нырөс.

– Ёлкала жө? – юалім сылысь.

– Ёлкала и палкала... Ме өд тиянөс корсьны мөдөдчи. Меся, лэбинныд кыгчөкө да, эн-ө байдөгьяс моз лым пиас тшукөй, абуюсь и абуюсь. Но, вайө көть нин дадъныдтө кыска.

* Пюу (диал.) – быдөнлы.

Серпасьясыс Валерия Осташёвалөн.

«Эзысь чиръясөн ыпнитö луд...»

Кывбуръяс

Тöлö-пöчö

Еджыд пася, сьöкыд нопъя –
Код нö тайö локтö-шлопйö?
Ышкö-пошкö Тöлö-пöчö.
Пасътасьöма – öдвa жöдзö:
Гынкöм, кепысь, вурун чышъян.
– Тадзтö ылö али пышъян?
– Некытчö ог тэрмась, – шуö. –
Нопйöс надзöникöн нуа.
Ме понда тi энö полöй –
Тулысöдзыс тани ола.
Мый нö онö радлöй, войтыр? –
Небыд лымсö вайи ноп тыр!

Кынь

Тöлыс гусьöника кыньöн воис,
Муö павкнитис пашкыртöм бöж.
Войыс кодзувъяс енэжö койис,
Тöлысь сюр йылö öшöдис кöш.
Ыджыд кöш пиас кодзулыс войбыд
Чукийöн öкмöма – öдвa оз усь.
Еджыд кынь сийöс видзис, эз ойбырт.
Асьядорыс нин пöрöдис – пузь!
Киссьö му вылö югъялысь кодзув.
Эзысь чиръясөн ыпнитö луд.
Кыньыс котöртö водзö и водзö.
Кыньыс котöртö. Разöдö шуд.

Серпасыс Юрий Лисовскийлөн.

Козин

Висьт

Карина, 6шым 25 лун

Талун школаын кума-камакыл6. Ставныс л6бал6ны коридорьяст6, горз6ны, серал6ны. М6д четвертъын б6рья вел6дчан лун 6д. Урокьяс дырйи вел6дысьясс6 некод оз кывзы, ставныс к6сй6ны 6дй6джык т6дмавны четвертъыс оценкаяс да кот6ртны гортаныс. Ме з6в ж6 6на виччыся выльвося ка-никул, 6д Виль воыс – менам медся радейтана гаж!

Школасянь горт6 восьлал6г6н м6впал6, кыдзи бать-мамк6д сувт6да коз да л6сь6да с6ян-юан тыра пызан, а январ 1 лун6 коз улысь аддза козин6с.

Кань, 6шым 25 лун

Кутш6м л6сьыд куйлыны небыд пукл6сын куньса синм6н! Орч6н ымрал6 батарея, позь6 вугралыштны. Шоньд лун6 верман п6тт6дз ветл6длыны лымтъяс. Корсюр6 ме чеччышта ывла6 восьса 6шинь6д и с6р6дз шливьяла уличьяст6. Бур, м6д судтаын олам да. 6н6 к6дзд6д6с, котравны лым кузя дыш пет6 – лапай кынмалас. Кресл6ын жуйвидзны медся бур.

Карина, 6шым 28 лун

П6шти ставыс дась! Козс6 ме сувт6д6 мамк6д. 6ш6д6 гирлянда, тоньг6д6 чачаяс. Бать6й 6н6 с6р6дз уджал6 да горт6 локт6 мудзьсыс-мудз.

Кань, 6шым 29 лун

Кодк6 нетшк6 г6н6с. Эг на удит палявны, мен6 кыскисны петан 6дз6с дор6 да й6ткышт6сны подъезд6. Кут6 чайыны 6дз6сс6. Весьш6р6. Койя-лышт6 да довги 6шиньяль, вод6. Форточкасяньыс ыргис к6дзыд т6вру. Клоп! – кодл6нк6 6дз6сыс гораа п6дласис. Виччысьт6мла ме звиркнит6 да пуля6н л6би восьса форточка6д.

Карина, 6шым 31 лун

6тнамлы гортын пукавны гажт6м. Бать-мам6й век на эз локны. Уджыс м6й вежас татш6м л6сьыд гажс6?

Час6 вылын 19:15. Ме видз6д6 нин куим кино, дасьт6 пызан и дзеби коз ул6 бать-мамлы открыткаяс.

Час джын мысти локт6с бать6й. Н6шта час джын мысти мам6й. В6л6 нин 8 час рыт. Кыкнанныс 6на мудз6ма6сь и весиг бытть6к6 жугыльс6. Мамл6н юр

вылас шмакыс пөрөма дзугөм позйө, тушыс син улас лэччөма. Мамөй корис менө кухня, мыйкө пө висьтала.

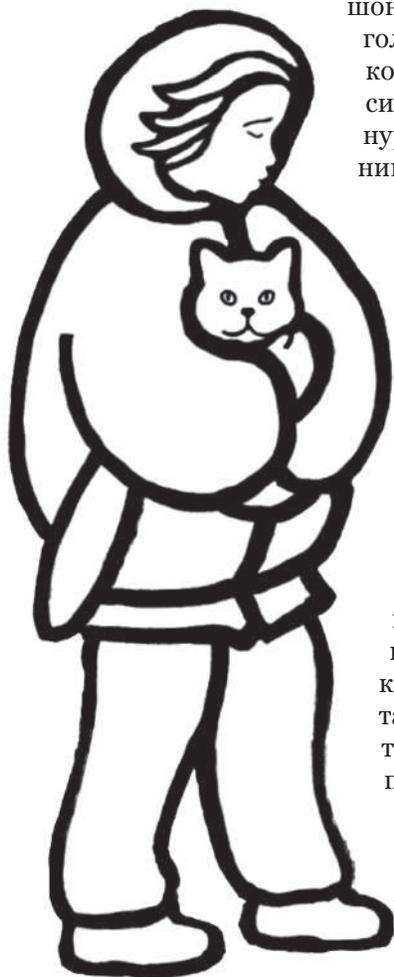
– Тэ ыджыд нывка нин, Карина, ставсө гөгөрвоан. Менам удж вылын өні зэв сьөкыд, и нинөм ог слөймы. Прөстит менө: сйө козинсө, кодс тэ виччы-син Выль во кезлө, эз на ло ньөбөмыс.

Тайө здукас триньөбтис телепон, и мамөй өдйө чепөсйис жырйысь.

Синвайө тюрөбтис, и ме дыр думайттөг плавги пельпом вылө куртка да ырскөбтi бвлаө.

Кань, өшым 31 лун

Лапаясөй кымөны. Бөжөй кымө. Сэтшөм көдзыд... Йөзыс мунөны динти и оз казавны менө. Ошиньяс биаөсь. Со локтө пакетьяса нывбаба да гажаа блонгө телепон пыр. Сйө пырө керкаас. Сэни, көнкө, шоныд. Уськөдчи өдзөслань, но эг удит, и сйө гольс сиптысис. Ме водзө довги шоныд места корсигмоз и сангыси лөп тыра бакө. Сэни лукйысис пөчө. Ме тшөтш пондi корсьны кутшөмкө нур. Аддзи сөмын чери коляс. Вөчны вөли нинөм – мөдi водзө.

Карина, өшым 31 лун

Корья лымйыс лэбө веськыда чужөмө, пөшти нинөм ог аддзы. Ог төд, кытчө муна. Меным сэтшөм забеднө! Абу весиг козин вөснаыс, а сыысь, мый бать-мамөй этша кад мекөд коллялөны. Но нөшта өнджыка ме дөзми ас вылө. Гашкө, өни мамлы сьөкыд и колө вөли сйөс ышөдны, а ме босьтi и пышйи...

Виччысьтөг еджыд лым вылысь ме казали пемыд мыгөр. Локтi матөджык – но и но! Туй вылас пукалис кань да видзөдiс мелань гырысь синнас. Ачыс коньөр кодь: көтасьөм гөна, отар бокыс нйит. Каньыс нявөстис, өдва кывмөн – сьөлөмөй топавлис. Ог өд вермы сйөс татчө эновтны – кынмас! Ме небыдика босьтi сйөс моздорө и мөдi гортө. Мунигмоз нин пөрччи шарпөс да төби кысөс.

Асланым патераө пырөмөн ме чожа шыбитi ботинкиөс да нуи выль өртөс шоныд батарея дорө. Каньлы кысьтi тасьтiө йөв, босьтi пызан вылысь некымын калбас чөлан.

Кань, 6шым 31 лун

Ак, кутш6м ме рад, мый бара шоньд6 веськалі! Сій6 нывкаыс, коді тай мен6 босьтис, зэв шань! Кор ме п6тт6дз сёйи, сій6 пуксь6дис мен6 пидз6с вылас, кутис небыда новл6длыны кис6 менам г6н кузя. Ме радлі и мурги.

Карина, 6шым 31 лун

Кань унмовсис пидз6с вылам. Мам6й пырис жырй6 и чуйм6м6н видз6дліс сы выл6.

– Мам, л6ньджыка... Тай6 менам Козин, эн садьм6д сій6с, – ш6пк6дi ме.

– Див6 тай!

Мам6й сывьяліс мен6 да Козин6с, и ми муним коз дор6 – сэнi миян6с виччысис бать6й.

Кань нетшыштчис киясы и кот6ргис бать дор6 – м6дыс буретш кыйис вилканас чери тшытш.

– О, – нюмдис бать6й, – миян бара на лоис чери радейтысь!

6ни ме г6г6рвои: медся бур козиныс – кор матыссаясыд орчч6н6сь и шуда6сь.

Коми6дис Алёна Шомысова.

Серпасыс Юрий Лисовскийл6н.

Журналл6н редколлегия:

Елена Афанасьева,
Алёна Шомысова,
Любовь Ануфриева,
Алёна Старцева.

Поздравление члена Попечительского совета журнала «Арт»

Татьяна САЛАДИНА,

депутат Государственного Совета Республики Коми, председатель Постоянной комиссии по вопросам ЖКХ, заместитель председателя Постоянного комитета ПАСЗР по делам Севера и малочисленных народов

*Уважаемые жители Республики Коми!
Дорогие земляки!*

*Поздравляю вас со 100-летним
образованием Республики Коми!*

Наша республика по праву считается одним из богатейших регионов России. Уникальные северные кладовые хранят нефть, уголь, газ, лес, различные полезные ископаемые. Наш регион обладает значительным экономическим, природным и, самое главное, – человеческим потенциалом. Именно люди – всегда были главным богатством и достоянием нашего края. Современные успехи региона складываются из каждодневных, незаметных на первый взгляд результатов труда каждого из жителей нашей большой многонациональной республики.

Всё это результат нашей с вами совместной работы по улучшению жизни в родной республике. Нам есть чем гордиться и есть на чём основывать свои надежды на достойное будущее.

От всей души желаю всем жителям республики счастья, здоровья, благополучия, веры в свои силы и успехов во всех начинаниях во благо процветания родной земли и России.

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА 2022

Дорогие наши читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

Получатель: АУ РК «Редакция журнала «Арт»
ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
КОМИ ОТДЕЛЕНИЕ № 8617 ПАО СБЕРБАНК
БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести

- в магазине «Любимые книжки»,
- в магазине «Ордым» (Дом печати, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229),
- в магазине «Дом книги»,
- в книжном киоске торгового центра «Дом быта».

www.artlad.ru

Оформить подписку вы можете во всех отделениях ФГУП «Почта России».

Подписной индекс:
П4453